

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
КОНТЕКСТЫ
СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Под редакцией Э.В. Галажинского, В.И. Кабина

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 159.9; 159.9.07

ББК 88.2; 88.5; 88.7

H76

Авторы:

Т.Г. Бохан, Е.Ю. Брель, Д.Е. Власова, Э.В. Галажинский, О.Н. Галажинская,
Е.В. Гуткевич, Е.Ю. Дьякова, В.И. Кабрин, Н.В. Козлова, И.О. Логинова,
О.В. Лукьянов, Э.И. Мещерякова, И.Я. Стоянова, У.В. Танабасова, К.Г. Языков

H76 **Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире** / под ред. Э.В. Галажинского, В.И. Кабрина. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 282 с.

ISBN 978-5-94621-665-4

Монография посвящена новым психологическим контекстам становления личности в соответствии с новыми вызовами меняющегося общества. Рассмотрены проблемы формирования креативного лидерства трансфессионала, его самоосуществления и аутентификации в новых генетико-семиотических и нозтических ракурсах.

В контексте системно-антропологического подхода представлены проблемы психологического здоровья личности, в частности вопросы семейной реабилитологии, этнокультурные аспекты профилактики депрессии, психологическая безопасность как трансформативный ресурс личности и эффективные формы рекреации.

Для студентов, аспирантов и специалистов в области общей, социальной и клинической психологии, а также широкого круга специалистов гуманитарных наук.

УДК 159.9; 159.9.07

ББК 88.2; 88.5; 88.7

Рецензенты:

доктор психологических наук *Г.Г. Буторин*;
доктор психологических наук *А.Д. Карнышев*

ISBN 978-5-94621-665-4

© Авторы, 2017

© Томский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть 1. Психологические перспективы становления личности в меняющихся системах отношений	9
Глава 1. Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании (<i>В.И. Кабрин, Э.В. Галажинский</i>)	11
Глава 2. Устойчивость жизненного мира человека как показатель успешности самоосуществления в изменяющемся мире (<i>И.О. Логинова</i>)	69
Глава 3. Проблема аутентификации. Необходимость психологии подлинности (<i>О.В. Лукьянов</i>)	96
Глава 4. Генетико-семиотические проблемы эволюционной персонологии (<i>К.Г. Языков</i>)	115
Часть 2. Системно-антропологический подход к решению проблем психологического здоровья и безопасности личности	145
Глава 5. Психологические аспекты реабилитологии в фокусе семьи (<i>Н.В. Козлова, Е.В. Гуткевич, Э.И. Мецзяркова, Д.Е. Власова</i>)	147
Глава 6. Культуральная обусловленность предъявления симптомов и психологических факторов депрессии (на примере традиционных народов Сибири) (<i>Т.Г. Бохан, О.Н. Галажинская, У.В. Танабасова</i>)	193
Глава 7. Современные контексты психологической безопасности в медицинской психологии (<i>И.Я. Стоянова, Е.Ю. Брель</i>)	231
Глава 8. Улучшение психоэмоционального статуса с помощью методов ближнего туризма (<i>Е.Ю. Дьякова</i>)	258
Заключение	277
Сведения об авторах	279

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена актуальным методологическим и практическим проблемам исследования становления личности. Прежде всего речь идет о современных быстро меняющихся условиях жизни человека в многообразных поликультурных и полиэтнических пространствах его существования.

Центральным фактором становления личности является ее многостороннее непрерывное образование и преобразование в течение всей жизни. Особую роль в этом процессе играет университетское образование, обеспечивающее высокий уровень освоения универсальных культурных ценностей и знаний. Поэтому и сегодня актуальны слова К. Ясперса о культурно-исторической миссии Университета, высказанные им в кризисные для мировой культуры годы Второй мировой войны в известном труде «Идея университета»: «Университет – это место, где общество и государство позволяют сознанию эпохи развернуться в наивысшей форме» (Ясперс, 2006. С. 36). Современный этап развития мирового университетского образования характеризуется ориентацией на подготовку и взращивание трансфессионалов. Это специалисты, принимающие передовые вызовы быстро меняющегося мира – именно они осваивают новые проблемные междисциплинарные и межпрофессиональные сферы путем творческого преобразования через интеграцию знаний и опыта разных наук. Поэтому роль университетского образования возрастает в связи необходимостью становления такой креативной инициативной личности трансфессионала. Оно обеспечивает широкое вариативное пространство траекторий эффективного индивидуального самообразования с возрастающими возможностями самоконтроля и самокоррекции.

Становление – центральное понятие монографии – представляет интегральную характеристику личности, включающую ее развитие, социализацию, образование, самоопределение, сознательное отношение к здоровью и безопасности как к ресурсу самообразования, самореализации и самоосуществления в целом в акмеологическом и экзистенциальном смысле (Галажинский, Ключко, 2009). Новая парадигма университетского образования, ориентированная на формирование личности трансфессионала, предполагает и *формирование нового типа сознания* у всех участников образовательного процесса. Новое сознание, предвидящее и опережающее быстрые многосторонние и противоречивые изменения в обществе, может развиваться лишь в контекстах качественно новых форм *творческой коммуникации*, развивающих *креативную интуицию* партнеров. Эти процессы ускоряются в связи с новым мировоззрением, которое развивается на идеях-парадигмах *творческого холизма*. Сочетание всех этих факторов развивает новое интегративное образование *личности участника* этих процессов, а именно – *потенциал креативного лидерства* его как *трансфессионала*. Этот потенциал является, в свою очередь, ускорителем развития эффективности творческой коммуникации, формирующей более благоприятный социально-психологический климат университета как сложной самообновляющейся организации. Этой проблеме посвящена первая часть.

В первой части монографии, посвященной социально-психологическим перспективам становления личности, читатель увидит креативные попытки осмысления вопросов её самоосуществления в современном анимационном мире.

Первая глава «Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании» делает акцент на развитии потенциала креативного лидерства трансфессионалов, подготовка которых начинается в новых типах университетского образования, что позволяет создавать благоприятно-продуктивную почву для позитивных

изменений социально-психологической атмосферы университета и его организационных структур.

Вторая глава «Устойчивость жизненного мира человека как показатель успешности самоосуществления в изменяющемся мире» переносит фокус внимания к проблеме устойчивости жизненного мира человека как фактора успешности его жизненного самоосуществления. Предполагается, что оно происходит на основе динамизации когнитивных, креативных и ценностно-мировоззренческих характеристик, обеспечивающих восхождение личности ко все более совершенной гармонии образа мира и образа жизни человека.

Третья глава «Проблема аутентификации. Необходимость психологии подлинности» открывает известную проблему идентичности в новом сложном и наиболее адекватном контексте аутентификации психологических практик, а именно в направлении повышения их соответствия качеству декларируемых психологических изменений личности. В результате история личностной идентичности, отражаясь в проблеме аутентичности, приобретает более глубокий и даже местами неожиданный для потребительского «войлочного» сознания смысл.

Четвертая глава первой части монографии «Генетико-семиотические проблемы эволюционной персонологии» приглашает к обсуждению дискуссионный текст – в качестве финального «нонсепт аккорда» представлен экспериментальный проект в виде «аналитического эскиза» – клинико-психобиологическая эволюционная персонология. Предпринята попытка широкого и многообразного трансфессионального синтеза гуманитарных и естественных, точных и художественных дисциплин для описания всех возможных антиномий жизни человека в норме и патологии, в гениальности и непостижимости. Не только смежные, но и весьма далекие науки содержат тезисы и предположения, которые «сшиваются» широким комплексом смелых гипотез, пока слабо обоснованных, и не очень

ясной, но перспективной верификации. Редакция приняла этот текст как дружеский научный шарж возможного результата трансфессионального образования.

Вторая часть монографии раскрывает актуальные аспекты системно-антропологического подхода к современной клинко-психологической проблематике комплексной реабилитации, психологического здоровья и безопасности.

Пятая глава «Психологические аспекты реабилитологии в фокусе семьи» освещает вопросы преимущества биосоциальной парадигмы (в отличие от биомедицинской) в исследовании и коррекции влияния социокультурных, семейных и личностных условий эффективной психологической реабилитации и сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра и с особенностями развития.

Шестая глава «Культуральная обусловленность предъявления симптомов и психологических факторов депрессии» представляет кросскультурное исследование предъявления симптомов и психологических факторов депрессии у традиционных народов Сибири. Определены особенности и различия в способах выражения депрессии на разных уровнях организации человека (соматическом, психологическом, личностном, социальном, духовном). Установлены психологические факторы риска формирования аффективных нарушений депрессивного спектра и выделены психологические переменные, выступающие в качестве ресурсного потенциала в их профилактике и психологической реабилитации.

Седьмая глава «Современные контексты психологической безопасности в медицинской психологии» артикулирует сложную многомерную проблему психического здоровья, актуальность которого существенно возрастает с обостряющейся проблематикой чувства психологической безопасности – в меняющемся мире увеличивается как вариативность, так и степень неожиданности возникновения трудных условий и ситуаций.

Проект ориентирован на анализ трансформации осознания чувства безопасности в свойство личности как ее психологический ресурс, развиваясь в личностные качества, такие как осмысленность жизни, готовность к трансформациям жизненных трудностей, ответственность и конструктивность мышления, а также на работу, направленную на ранние дезадаптивные схемы, образ «Я», психологические защитные механизмы.

Восьмая глава «Улучшение психоэмоционального статуса с помощью методов ближнего туризма», посвященная улучшению психоэмоционального состояния человека посредством ближнего туризма, своевременно напоминает, что напряжённый труд, особенно умственный и творческий, желательно чередовать с простыми универсальными и эффективными методами моторной природы. Показано, что «туризм выходного дня» благоприятно влияет на основные психические функции, волевые качества личности и ее жизненный тонус, ответственный за эффективную самореализацию.

В.И. Кабрин

Часть 1.
Психологические перспективы
становления личности
в меняющихся системах отношений

Глава 1. Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании

В.И. Кабрин, Э.В. Галажинский

Введение

Удачное определение культурного значения социальной психологии, сделанное К. Дж. Герген в статье «Социальная психология как история» (Герген, 2003), когда ее открытия становились на глазах одного поколения его стереотипами, нормами и ценностями, – уже уходит в прошлое. Современная информационно-технологическая эволюция, похожая на взрыв, вызывает ощущения, что «прервалась связь времен». *Личность трансфессионала*, казалось ушедшая в историю (Леонардо, М. Ломоносов и другие выдающиеся деятели прошлого), возвращается как вызов времени на новом транскультуральном, транскомуникативном и трансперсональном уровнях. Поиск путей реорганизации университетского образования в направлении творческого междисциплинарного и межпрофессионального синтеза для решения не только комплексных фундаментальных научных проблем, но и ускоренного внедрения полученных моделей в комплексные технологические производственные проекты – это уже тренд последних лет (Генисаретский, 2016; Галажинский, Ключко, 2009; Галажинский, 2015, 2016).

Если следовать весьма устойчивой культурно-исторической миссии университета, сформулированной К. Ясперсом еще в кризисные военные годы (Ясперс, 2006), важно переосмыслить глубинный социально-психологический аспект проблемы. В контексте трансфессионального образования и практического решения комплексных проблем узкий специалист неизбежно выходит за рамки сугубо профессиональных компетенций. Попадая в трансфессиональное простран-

ство интегральной проблематики, он неизбежно становится на какое-то время дилетантом для других профессионалов, которых он воспринимает как дилетантов в своей профессии. Это сложная и важная для профессионально-личностного роста задача.

- Нужно освоить новый тип творческой коммуникации в трансфессиональном пространстве, которому нужно научиться уважать смежные профессии не меньше, чем свою, вникая в суть и не путаясь в частностях.

- Этому содействует формирование взаимной толерантности к дилетантам.

- Чтобы указанные изменения не были поверхностно-декларативными, необходима креативная инициатива в столкновении с неожиданным;

- Для того, чтобы делать конструктивный вклад в общее трансфессиональное решение, важна лидерская позиция в отстаивании своих, даже интуитивно дилетантских и неожиданных для других предложений.

В трансфессиональной коммуникации чаще возникают *встречи с неожиданно новым*, развивающие, таким образом, *потенциал креативного лидерства трансфессионала как главный фактор его самореализации*. Подробно он будет рассмотрен ниже. Первичными социокультурными и социально-психологическими контекстами, без которых невозможна реализация нового типа трансфессионального образования, будут *новый тип сознания и новый тип мировоззрения*. Прорастание нового типа сознания в соответствии с освоением все более динамичных процессов реальности будет заключаться, на наш взгляд, в переносе акцентов и переходе от традиционных и уже инертных рационалистических оснований Homo sapiens к ноэтическим, ноодинамическим акцентам, связанным с развитием *интуитивного ума* или *творческой интуиции*, Homo poeticus.

Основание развития нового типа мировоззрения в связи с новым типом сознания мы видим в переживающем свой ренессанс *холистическом, холодинамическом подходе*, открывающем удивительное единство *свободы случая и гармонии красоты*. Описание этого подхода проходит красной нитью через всю работу.

Культурно-исторические эмерджентии сознания в ноэтической перспективе

Очередной техногенный взрыв цивилизации уже активно используется теми, кто намерен своеобразно применить возникшее в результате очень «оцифрованное», «кибернетизированное», «умнеющее на глазах» High-teck железо. Оно помогает установить все большую власть над человечеством. В этих обстоятельствах обретает особую остроту и «вечно новая» проблема создания благоприятных условий для эволюции и, может быть, эмерджентии сознания, обеспечивающего перспективу Homo Noeticus. И вновь оказывается (по мнению юнгианцев У. Виртца и Й. Цобели из книги «Жажда смысла...»): «Изучение сознания – это новый научный тренд... психическое созревание – как эволюция и развертывание сознания. При этом сознание рассматривают как общность опыта и переживания... «абсолютной потенциальности»... самости, мира и абсолюта... дух нашей эпохи лишь теперь выглядит созревшим, чтобы считать внутренний опыт легитимным и научным подходом к исследованию реальности... наука все более обращается к недраматической духовности» (Виртц, Цобели, 2014. С. 8).

В разделе «Практика ноотерапии» они же заключают: «*Созерцание* подразумевает взгляд больший, чем зрение... видящий и видимое взаимосвязаны... В этом парадоксе возникает возможность погрузиться в суть вещей, т.е. – одновременно – и в собственную суть... Граница между психотерапией и ноотерапией, которую Петцольд называет «переходом», видится нам как граница между частичным и общим смыслом» (Там же. С. 243).

В одной из первых репрезентативных антологий по трансперсональной психологии ее редактор Дж. Уайт пишет: «Прямое восприятие нашей тождественности с бесконечным, эта ноэтическая реализация нашей идентичности с божественным, становится источником всего возможного – счастья, доброты, красоты и истины» (Уайт, 1996. С. 17). Примечательно, что вся книга прямо «посвящается HomoNoeticus, рождающемуся ныне высшему виду человечества» (Там же. С. 7). Измерить или даже вообразить высоту

этой поднятой планки для сознания современного гипер-кибер-технологизированного человека возможно ли?

Исторические парадоксы концептуализации сознания. Разговор о проблеме эмерджентности сознания, с точки зрения Дж. Уайта о ноэтической реализации нашей высшей идентичности с Абсолютом, легче начать с исторических «эмерджентий» в самом понимании сознания. Чувство идентичности с чем-либо уже означает проблеск сознания определенного типа – в данном случае ноэтического (Кабрин, 1999, 2013). В указанном контексте можно лишь констатировать, что 1970–1980-х гг. homo sapiens стал осознаваться опасным для себя и планеты техногенными революциями, особенно в сфере взаимоистребления и гиперпотребления. Возможно, опасения были своевременными, поскольку «техногенция» не только клонов, но и самих типов сознания для технократов уже стала актуальной задачей, как, например, для стратегического общественного движения «Россия 2045». Но историческая ирония в том, что влечение к идентификации с высшими силами космического масштаба было более острым и естественным в самые древние, архаические, архетипические времена рождения человеческого в человеке.

В отличие от современного человека, абсорбированного и защищенного цивилизацией, древнему прачеловеку космос был ближе и значительнее. За результирующим чувством космической идентичности видна как минимум космическая эмпатия и децентрация как факторы *коммуникативной инициативы*. Поскольку эти движения души с коммуникативным и сознательным проблеском по сути синхронистичны, даже синтонны, то именно здесь видится начало антропопозза. Если современные исследователи по-прежнему мучаются загадками сознания (Свасьян, 2010б), то обычному человеку достаточно, что он «знает, что знает». Он обычно уже забыл, как в детстве чувствовал, «что знают ведь (Другие), что знаю». Древний человек, как и «архаическое дитя», чувствовал – «знает Он (!), что знаю». Под «Он» понималась любая высшая сущность, которая вообще больше знает и может. Наиболее древние археологические находки мест жертвоприноше-

ний, захоронений, пещерных собраний содержат символические изображения охоты, говорящие об изощренных способах отображения присутствия и соучастия высших сил. Упоминание об этих общеизвестных фактах для нас лишь способ формулирования дискуссионной гипотезы: проблеск человеческого сознания непосредственно связан не только с обыденной, но и с ритуальной коммуникацией как метакоммуникацией с высшими силами, сущностями, общение с которыми, судя по разнообразию жертвоприношений было особенно значимым.

Современные исследователи метакоммуникации сводят ее просто к *коммуникации о коммуникации* (Г. Бейтсон, П. Вацлавик). Однако, всматриваясь в исторический горизонт зари человечества, может быть поставлен вопрос – как такой уровень рефлексии вообще мог возникнуть? Ясно, что речь уже идет как минимум о самосознании как внутренней (обращенной на себя и к себе) коммуникации. Не только обычные люди, но и близкие к обсуждаемым вопросам профессионалы (лингвисты, психологи, особенно педагоги) легко включают в устное общение и письменные тексты такие архаические обороты: «отдают» или «не отдают» люди *себе отчет*. Педагоги делают автоматические внушения «Отдавай *себе* отчет, что ты себе позволяешь! *Будь сознателен!* (значит и «ответствен» перед кем-то)».

Кто же именно, как, кому и зачем «отдает отчет», какие более содержательные и качественные способы внутренней коммуникации-сознания существуют? Что это за способы, в которых внезапно пробуждается *совесть* бездонной глубины или бесконечной высоты, когда она, молча и гармонично «участвует», когда *метакоммуникация высшего порядка* объемлет общение с самим собой и с другими?

Обозначим несколько исторических акцентов, показывающих парадоксальную нелинейность пути эмерджентий в понимании сознания. Они важны для анализа собственно его *концептуальных* эмерджентий в указанном направлении. Поскольку слова «концепт» и «концептуализация» будут использованы в качестве основных, следует сразу уточнить их специфическую семантику, ча-

сто игнорируемую. В отличие от искусственных научных изобретений в виде «терминов», «понятий», «конструктов», «категорий», «маркеров», «дескриптов» и т.п., слово «концепт» означает «естественно творческий» *смысловой зародыш*, естественное *смысловое зерно*. Оно является сутью того, что потом многократно будет обрабатываться в виде термина, понятия, категории и даже теории как элемента или фактора научных построений и технологических конструкций. При этом всегда будет оставаться ностальгия о том, из чего это получено.

«*Концепт* обнаруживает связь с глаголом *concebir* «зачать, забеременеть... вообразить... употребляя этот термин, стремятся подчеркнуть нестандартность и неокончателность решения... понятия *конструируются*, а концепты существуют сами по себе... понятия «наивны» в разной степени... И чем понятие ближе к концепту, тем оно менее наивно» (Демьянков, 2007. С. 662).

Один из первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов приводит мысли Анаксагора, «зачаровывающего, если не сказать таинственного, персонажа философии досократиков» (Налимов, 2000. С. 162). Загадка, оставленная им, до сих пор не концептуализирована и оставляет имплицитный или вполне эксплицированный дуализм в понимании универсума современниками. «Все вещи содержат долю всего. Ум же есть нечто неограниченное и самовластное и не смешан ни с одной вещью... И все, чему суждено было быть, и все, что было, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем, – все это упорядочил ум» (Налимов, 2000. С. 164). При этом «вещь и мир не автономны, между ними нет интервалов: все было и есть континуум... в универсуме Анаксагора», – пишет комментатор его трудов Теодорссон (Налимов, 2000. С. 164).

Эту континуальную голографичность универсума при *соучастии* в нем Ноэзиса (Ума) *при несмешиваемости* (!) невозможно объяснить и понять без концепта ноэтической транскомуникации, проходящей через человека. Ранее мы иллюстрировали это фактологически (Кабрин, 2005). Смысл слезы организма человека, переживающего смысл истории, написанной уже несуществующей

щим автором, возможен только в контексте транскоммуникативной ситуации (возбудить резонанс в Ином подобного по трансмыслу, но несмешиваемого состояния – иначе, это может быть не катарсис, а слеза от соринки); иначе это может быть не катарсис, а слеза, очищающая глаз от соринки. Здесь при наличии явного трансмыслового влияния на органическом уровне мысль остается мыслью со всеми ее ноэтическими качествами, а органическая реакция сохраняется как измененное состояние организма, но уже в *контексте новой ноэтической гармонии*.

Теоретически нет оснований определять границы луча нисходящей ноэтической транскоммуникации. Известно, что физики с удивлением обнаружили и зафиксировали факт влияния ноэтического участия наблюдателя на поведение элементарных частиц. ДНК продолжает жизнь любой живой клетки именно коммуникативным образом, т.е. процесс организуется как дублирование (репликация) информации от материнской к дочерней клетке. Стратегическая перспектива исследований начинается с концепта *космического сознания* Р. Бёкка, эквивалентного феноменологии *просветления* и ноэтическому масштабу *экспириентальных практик* (Уайт, 1996). В признаках космического сознания как мгновенного просветления видны признаки восходящей ноэтической транскоммуникации. Вот примеры: «поглощенность пламенем или облаком... ощущение того, что разум заполнился таким облаком»; «чувство радости, уверенности, триумфа... интеллектуальное озарение... ясная концепция (видение) в очертаниях смысла и назначения Вселенной... Он видит, что жизнь в человеке вечна... в сердце вещей он был у себя дома»; «прибавление личностного шарма»; «при великих случаях интенсивного озарения перемена во внешнем облике тоже интенсивна и может стать настоящим «преображением»» (Там же. С. 35–38). Здесь видны имплицитные косвенные характеристики ноэтической транскоммуникации.

Важно, что работа Р. Бекка увидела свет в 1901 г. И это пример смелой сугубо экспириентальной психологии, которая с точки зрения классической позитивистской экспериментальной науки не будет убедительной, а ее влияние продолжает усиливаться.

В концептуальной системе символического интеракционизма Дж. Г. Мида и его последователей эмпирически детализирована система представлений о сознании как внутренней коммуникации между центральными инстанциями сознания человека: «I», «Me» и «Self». Здесь коммуникация внутренне хорошо дифференцирована и артикулирована, рельефно показан онтогенез на основе естественной «интернализации значимых других». Она поучительна и сейчас, но в отличие от ноэтического аспекта в интеракционизме в дальнейшем сделан акцент на развитии *ролевых концепций личности*, общения и групповой динамики (Mead, 1934).

Синхронно с идеями Дж. Мида развивались идеи «диалогического сознания» М.М. Бахтина и концепция интериоризации высших психических функций в контексте их исходного интерперсонального существования в общении «взрослый – ребенок» Л.С. Выготского. Эти концепции более операциональны и экспериментальны. Потеря трансперсонального видения уже и не рефлексруется, но еще сохраняется явный общеантропологический и кросскультурный потенциал исследований, обрамленный более жесткой научной парадигмой.

В 1949 г. была опубликована знаковая монография «Происхождение и развитие сознания» Э. Ноймана – одного из наиболее ярких последователей К.Г. Юнга, работы которого полстолетия готовили почву трансперсонального видения сознания. Во введении Э. Нойман пишет: «Понимание общечеловеческих истоков трансперсональной реальности заставило нас признать относительность нашей собственной позиции... Творческая эволюция сознания личности означает, что в течении непрерывного процесса, растянувшегося на тысячелетия, система сознательного впитывала в себя все больше и больше бессознательного материала и таким образом, шаг за шагом расширяла свои границы... Каждое историческое исследование... должно поэтому начинаться с трансперсонального... развитие сознания через архетипические стадии – это трансперсональный факт, динамическое саморазвертывание психической структуры, возвышающейся над историей человечества и индивида» (Нойман, 1998. С. 11–15).

Возможно, эта позиция воспримется сейчас как весьма тенденциозная, но книга системно и богато иллюстрирована фактологически. Автор приходит, например, к таким выводам: «Благодаря символу сознание человека становится одухотворенным и, в конце концов, приходит к самоосознанию... «передающая смысл» функция символов и архетипов имеет также и эмоциональную сторону, и эмоциональность, которую они пробуждают, также является направленной; т.е. она обладает смысловым и организующим характером» (Там же. С. 380). Эти идеи очень созвучны идеям Анаксагора и Платона; здесь имплицитно присутствует неистребимая человеческая интенция к восходящей ноэтической транскоммуникации. В этом контексте важно, что «Посредством символа архетипы прорываются через творческую личность в сознательный мир культуры... трансформируют и расширяют жизнь коллектива, предоставляя ему и индивиду основу, которая только и наделяет жизнь смыслом» (Там же. С. 387).

В антологии «Пути за пределы “Эго” – трансперсональная перспектива» (Уолш, Воон, 1996) ориентация на расширение спектра состояний сознания представлена более настойчиво и системно, Р. Уолш и Ф. Воон – ее редакторы – уже во введении делают «два существенных вывода. Во-первых, более высокие состояния сознания, обеспечивающие приобретение новых возможностей, *доступны всем людям*. Во-вторых, обычное состояние сознания, которое мы привыкли считать наилучшим, на самом деле ниже оптимального» (Там же. С. 23).

В то же время в разделе «Загадка сознания» они раскрывают необходимость более глубокой *концептуализации* многомерной и холистической реальности сознания: «одна крайность отбрасывает сознание как фикцию, «имя для несуществующего». Другая (абсолютный идеализм) провозглашает его фундаментальным основанием реальности... Сознание низводилось до «болезни жизни» (Ф. Ницше) и возвеличивалось до бесконечно блаженного состояния... Следовательно, предельная природа сознания *непостижима* и *немыслима*. Всякая попытка описать эту реальность порождает парадокс... сознание невозможно воспринять или адекватно

постиж; его можно познать посредством прямой интуиции. И эта прямая интуиция сознания и трансментальная сфера развивают мудрость... (Там же. С. 27–29).

Здесь описан спектр антиномий сознания (далеко не полный), требующих концептуализации, которая, однако, еще не рефлексивируется как атрибутивное качество самого сознания. Что пробуждает мысль,мыслеобраз, воображение, образующие поток сознания, как ни сами «парадоксы», противоречия, которыми и живет сознание. *Концептуальные вспышки*, или *рождающиеся концепты*, открывают и символизируют более глубокую и высокую реальность по сравнению с очевидной и обыденной. Без понимания этого человеку трудно осознать концептуальные открытия и прозрения, которые зовут его к открытию неочевидной, но более яркой реальности измененных состояний сознания.

Здесь авторы не назвали главные антиномические концептуальные ядра или смысловые зародыши прямой интуиции и мудрости. Парадоксы, связанные с интуицией, предчувствиями и прозрениями, на протяжении всей истории тревожат и поражают людей. Они представляют собой противоречие между яркостью их переживания и невозможностью уяснить себе и объяснить другим их источник. И тогда отчетливо открывается *фактор доверия* чутью и предчувствию, перерастающий иногда в *интуитивную веру*, видимо, в контексте *концепта мудрости*. Этот концепт содержит противоречие между высшим достижением духовного достоинства и пониманием своей малости перед открывающимся величием мира, взывающего к смирению, жертвенности. Мудрость открывает этим *высшие концепты сознания*, которые *объединяются в совесть*, отражающей высшие моменты *транскоммуникабельности сознания*.

Однако, приближаясь к новейшей истории осознания «сознания», необходимо отметить важные изменения общего социального контекста. Современная информационно-технологическая цивилизация, грозящая «четвертой промышленной революцией» (Schwab, 2016), уже в середине прошлого века вызвала интересные и странные сдвиги в сознании человека, подмеченные тогда же А. Модем. Он связал появление «войлочного сознания» с бурным

развитием и влиянием на человека всех каналов массовой коммуникации, особенно телевидения. «Войлочное сознание» качественно отличается от классического энциклопедического сознания, тяготеющего к холистичности и «космизму», крайней дискретностью, фрагментарностью, измельченностью, диффузностью, беспорядочностью. При этом сохраняется ощущение плотности и связанности как беспорядочно спрессованных коротких ворсинок в войлоке (Моль, 2008).

Объединим «войлочную шляпу сознания» человека медийного и виртуальную шляпу ярких игровых анимаций укороченного клипового сознания «Человека-Net». Вот спонтанное высказывание в интервью одного из самых знаменитых скрипачей и дирижеров XX в. Иегуди Менухина (Менухин, 2010. С. 242) на вопрос «Является ли технология... движущей силой эволюции?»: Нужно принимать во внимание недостатки, которые приобретаются вместе с введением новых технологий... Например, негативные последствия... отразившиеся на чтении и письме, – это *потеря памяти и интуиции*... Компьютер в действительности влечет за собой потерю способности к отвлеченному мышлению. Любой прогресс чреват потерями» (Там же. С. 258).

Все эти признаки атрофии *ноэтической ауры сознания*, символизирующей о предназначении человека, вполне могут интерпретироваться как симптомы *кризиса ноэтической экологии* сознания современного человека. Приведу итог увлекательного и дискуссионного «Методологического путешествия по океану бессознательного к таинственному острову сознания» (Аллахвердов, 2003), сформулированный В.М. Аллахвердовым: «Естественнонаучному изучению и теоретическому описанию подлежит только работа механизма сознания. А осознаваемое содержание результатов его работы, всегда насыщенное смыслами, может описываться по правилам игры, принятым в гуманитарных науках» (Там же. С. 333). Действительно, сам «механизм» (машина) не может обладать смысловым сознанием.

В результате *вновь* провозглашена *дуальность* жизни механистического сознания, т.е. абсолютизирован тезис о «несмешиваемо-

сти» ноэтического и естественного. Тем самым остается нерешенной проблема их континуального единства и организующего начала в нем ноэтического. Сложно сказать, найдена ли нами достаточная концептуализация парадокса Анаксагора, но *онтологически* этот парадокс континуального (бесконечного) единства несмешиваемого просматривается в *транскоммуникабельности* органической и ноэтической интенции человека; экспириентальные рефлексии и специальные практики этого общеизвестны (Кабрин, 2005, 2011а, 2011б). В этом случае искусственный разрыв содержательной концептуальности и динамики сознания становится не нужен.

Остается вопрос: так ли такой *неонатуралистический откат* (как в эпоху ренессанса) нелинеен и неслучаен? Если обратить внимание на резкое сближение *когнитивных* и *нейронаук* до той степени, что различия между ними многими *вновь* перестают замечаться, то появление нейро-High-tech-эйфории трансгуманистов уже не выглядит случайным.

Эта тенденция не помешала В.Е. Ключко развернуть интересную схему семимерного мира человека (Ключко, 2005). На основе *дополнения* к четырехмерному физическому пространству-времени трех системно-уровневых измерений сознания – *предметного* (значимого), *смыслового* и *ценностного* – получается, с точки зрения науки XX столетия, постнеклассическая модель бытия человека.

Правда, это видение человеческого *бытия* остается *до-трансперсональным*, поскольку высший его горизонт – ценностный – остается привычно «закрепленным в культуре». И тогда «пространство, сближающее человека с другими людьми в силу тождественности их миров... определяется единым источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является *культура как совокупный общественный продукт* исторического развития цивилизации» (Ключко, 2005. С. 150). К счастью или сожалению, здесь проблема концептуализации ценностно-смысловых парадоксов в сознании человека культуры «как совокупного общественного продукта» не возникает. В то же время уже у ребенка после 12 лет в связи с «актуализацией потребности в самореализации и саморазвитии... к разрешению противоречий между

«хочу» и «могу» подключится и мышление... если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя как целостности в случае *глубинного расхождения* между образом жизни и образом мира» (Клочко, 2005. С. 151). Таким образом, возникновение антиномической концептуализации в сознании развивающейся личности определенно предполагается.

Завершая этот интуитивно избирательный экскурс в исторические эмердженции возможных концептуализаций сознания, остановимся на последней по хронологии крупной монографии В.Ф. Петренко «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма». Это живая энциклопедия возможных конструктивно-концептуальных эмердженций в очень разных измерениях, которые могут восприниматься как разнокачественные порталы. Обращает внимание иное видение различий между динамической и содержательной сторонами сознания: «Психосемантика как родственная ей психолингвистика исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания, то психосемантика рассматривает главным образом содержание сознания...» (Петренко, 2010. С. 58).

Здесь легко увидеть, что *перспектива концептуализации сознания* находится на пересечении этих дисциплин, когда открываются взаимозависимости между содержанием и формой выражения значимых идей и мыслей. Это выразительно показывает сам автор в последнем разделе «Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналогии литературных тропов». На стыке таких разноmodalных представлений и мировоззрений (картин мира) возникают наиболее емкие трансmodalные и транскоммунитивные концептуализации высокого порядка, ассимилирующие и сложные, и красивые парадоксы. «Рассмотрение поэзии и живописи... приемов работы со смыслами... необходимо требует расширения понятийного тезауруса... введение в него в качестве рабочих таких понятий, как «энергия», «эмпатия»... «синхроничность», «изменные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мыследействие», «мыслеобраз»...» (Петренко, 2010. С. 420–421).

Тут охвачен широкий спектр транскомуникативных душевных реалий, которые, прежде чем оформиться в категории и понятия, открывались сознанию человека в парадоксальных *символических поэтических концептах*.

Такое завершение путешествия по историческим эмердженциям концептуализации сознания удивляет отсутствием линейной тенденции в их интенциях. Но мало отметить нелинейность движения; эта хронология и динамика является примером *жизни многомерной поэтической ризомы сознания*, его общечеловеческого эгрегора или ноосферы, правда, с некоторыми оговорками. Ж. Делез, один из главных авторов «концепта – конструкта» ризомы, начинает двигаться к ней, видимо, уже в попытке понять *парадоксальность смысла*. Вот лишь несколько штрихов. «Именно язык фиксирует эти пределы (например, конкретный момент, когда начинается «избыток»). Но так же именно язык переступает эти пределы, разрушая их в бесконечной эквивалентности неограниченного становления...» (Делёз, 1998. С. 173). И далее: «Как сказал Бергсон – мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы «с самого начала» помещены в смысл. Смысл подобен сфере, куда я уже помещен...» (Там же. С. 49). Наконец: «Надо быть уже слишком «простым» самому, чтобы считать мысль простым самоочевидным актом, непричастным к игре всех сил бессознательного и всех сил нонсенса в бессознательном. Парадоксы увлекательны лишь тогда, когда иницируют мысль... Сила парадоксов в том... что они позволяют нам присутствовать при генезисе противоречия» (Там же. С. 107). Так, *антиномическая концептуализация* ценностно-смысловых образований, обнаруженная нами эмпирически с помощью Методики психосемантического графа в 1978 г. (Кабрин, 1978), обсуждалась «альтернативно» настроенными мыслителями Запада уже в 1969 г.

Однако и книга Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Ризома» (Делез, Гваттари, 1976) вызвала, видимо, что-то в духе «морфогенетического резонанса» Р. Шелдрейка (Шелдрейк, 2005) в определенных кругах гуманитариев. Ее стиль, содержание живут и дышат смысловыми парадоксами концептов в их развитии. Она подтверждает

гипотезу о «ноэтико-антиномическом» развитии и жизни в человеческом сознании концептов любого уровня. Резюмируем их смелую попытку альтернативно традициям по-новому взглянуть на очень разные формы реальности: «в отличие от деревьев и их корней ризома соединяет какую-либо одну точку с любой другой... она вводит в игру разные режимы знаков... Ризома не позволяет себе вернуться ни к Одному, ни ко многому. Она не Одно, которое становится двумя... Она не многое, выводимое из Одного... Она сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений. У нее нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растет и переливается через край. Она *конструирует* линейные множества с изменениями... Такое множество меняет свои измерения только меняя собственную природу и подвергая себя метаморфозам» (вспомним Анаксагора) (Там же. С. 30). Далее: «...ризома имеет дело с *картой*, которая должна быть произведена... всегда демонтируема, связуема, пересматриваема... ризома является акцентированной, неиерархической... без Генерала, «центрального автомата»... середина... где вещи набирают скорость... трансверсальное движение... без начала и конца» (Там же. С. 31).

Кажется, не проходит «ностальгия» по континуально-многомерному универсуму, ибо она изначальна. Можно сказать, что «мета-концепт» ризомы в то же время предвосхищен и стал концептуальным *открытием фрактальности мира* – сначала математически (Б. Мандельброт), затем технологически, трансфессионально (в архитектуре, экологии, искусстве) – и сейчас формируется в качестве новой парадигмы миропонимания (Николаева, 2014 а, 2014 б).

Концептуально-конструктивные порталы креативных эмерджентий сознания

Исторический экскурс дает исходную почву для формирования гипотетических проектов и моделей *синтеза концептуальных и конструктивных эмерджентий сознания*, а также *управляемых ими порталов*. Совпадение во времени *концепта ризомы* и *конструктивно-технологической модели фрактальности* подтверждает ги-

потезу о явном ускорении появления все более широких возможностей креативных трансформаций интуитивно-смысловых концептов в конструктивные технологические решения. Предполагается, что креативные состояния сознания играют особую роль в общем спектре состояний сознания, *интегрируя его различные измененные состояния сознания с обычным базовым состоянием* на основе взаимной транскомуникабельности. Поэтому *порталы осознания*, как ускоренные качественные переходы (прорывы) интуитивно-смысловых мыслеобразов в конструктивные технологические решения, в процессах эмерджентности могут быть управляемы с помощью специальных психологических практик (Кабрин, 2011а, 2011б; 2014а).

На основе простых примеров представим характер переживаемых осознаваемых противоречий и креативных эмерджентностей. Прошло много времени, прежде чем человек, постоянно переживающий жару и холод, смог открыть их *объединяющий фактор-концепт*. Он открывал «технологии» укрощения огня. Концепт «температура» вел не только ко множеству конструкций термометров, но и к открытиям современной термодинамики. Но сколько на это потребовалось времени? «Вечно молодой» *концепт энергии*, описанный еще древними индусами и «вновь переоткрытый», чуть не сделал «вечную материю» *пустой* (динамическая структура атома). Самоочевидное рискует оказаться иллюзией, а *неочевидная имплицитная реальность* (К. Юнг, Д. Бом) – «*реальнее реального*» (Налимов, 2011).

Используем концепт «*Вечность*» как пример *суперконцепта*, который тысячелетия смущает и восхищает умы человечества, но с трудом поддается концептуализации и технологизации. Концепт времени, содержащий в себе парадокс, сам парадоксально быстро превратился в технологический конструкт. Сначала он имел лишь астрономический масштаб, а в современность вошел своими микроскопически точными «электронными» (субатомарными) масштабами. А концептуальный смысл времени? Его физико-технологический конструкт разрывает его главные качества – прошлое, настоящее, будущее, превращая их в *фантом фаталь-*

ной необратимости, в каждый момент которой прошлого уже нет, а будущего еще нет.

Даже в синтаксисе многих языков сохранена структура единства времен: есть «будущее в прошлом», «прошлое в будущем», «бесконечно длящееся... и бесконечно ускользящее настоящее» (чем не пример ризомы). Если мы «второпях» отрываем от естественно противоречивого концепта его поверхностный конструктивно-технологический «проект», он рискует остаться иллюзорно очень полезным и фатально фантомным. Впрочем, стоит обычному человеку взглянуть на циферблат своих часов, как в его сознании может восстановиться вся структура единства времен *сего / дня*, которая, при необходимости, может соотноситься со структурами других дней, как прошлых, так и будущих. Это наша обыденная способность сознания. Но если мы раздвигаем его горизонты за пределы нашей обычной жизни, возможны спонтанные выходы в «космические состояния сознания». Они сопровождаются не только выраженными креативными «пиковыми переживаниями» (Маслоу, 2011), но и «прикосновениями к вечности», открывающими интуитивные способности видения далекого прошлого и будущего.

Аналогичные эффекты можно наблюдать в медитативных путешествиях как при глубоком, так и при достаточно легком трансе. Это касается путешествий не только «сквозь время», но и «сквозь пространство», а также воображаемых выходов к запредельным «микро»- и «макрогоризонтам» (Налимов, 2000; Гроф, 1994). Эти экспириентальные самонаблюдения и хорошо сравнимые соизмеримые саморефлексии говорят о том, что порталы эмерджентий сознания от имплицитных смысловых концептов к их эксплицитным конструктивно-технологическим решениям содержат важные и неожиданные возможности. Они стоят того, чтобы искать способы их прояснения. Речь идет о детальном анализе структурно-концептуальной психосемантической динамики трансово-медитативных путешествий в ноэтических практиках, используя качественные методы, например МПСГ (Кабрин, 2014б).

Впрочем, цена «концептуальной бдительности» также не может игнорироваться, иначе выход из концептуального тупика бу-

дет труднее и дороже. Лишь один пример. В монографии «Проблема символа в современной философии» К.А. Свасьян показывает «ловушку», в которую попал философ В. Адорно: «Оба члена антиномии – культура и жизнь – выявили свою реальную природу. Их неизбежным «эргонмом» (как в логически-следственном, так и в онтически-вещном смысле) оказалась гибельность... Вся культура после Освенцима, включая и проникновенную критику ее, есть мусор» (Свасьян, 2010б. С. 214). Сам же он делает важный для философа «прорыв»: «тайное символа в том, что он не «закрытое чтение», а ритмический жест в сторону творчества жизни...» (Свасьян, 2010б. С. 223). Этим он вплотную приблизился к пониманию «общего фактора» творчества природы и культуры. Он – в их удивительной взаимной *транскоммуникабельности* (Кабрин, 2005).

Кроме ноэтических медитативных путешествий по главным порталам, направленно эксплицирующим в сознании особенности психогенной, или *ноопоэтической, энергии, информации, пространства и времени*, дающих просветляющий эффект (Кабрин, 2005; 2011а, 2014а), мы проектируем *встречные влияния*. Например, мы ожидаем с помощью *эксплицированных физически визуальных и музыкальных фракталов и гармоний* активировать и повышать креативный потенциал порталов осознания в указанных измерениях. Это может повысить разнообразие и эффективность концептуально-конструктивных мыслеобразов и их психосемантических репрезентаций в экспириентальных рефлексиях и других *проектных* продуктах. При этом интенционально-предметная направленность таких проектных репрезентаций может быть практически любой в зависимости от актуального запроса или вызова.

Перспектива креативного лидерства в инновационно-ориентированных организациях

Формирование новой мировоззренческой парадигмы университетского образования в связи с проблемой подготовки трансфессионалов определяется, в частности, изменением ценностных ориентаций организаций с развивающейся инновационной деятельностью.

Развитие инновационной активности и предпринимательства в современных условиях ставит новые вопросы и открывает новые перспективы переосмысления традиционной проблемы лидерства. В кросскультурном и сравнительном исследовании инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи и непредпринимателей были выявлены существенные различия в *качественной концептуализации* их личностно значимых коммуникативных миров (Кабрин, Сметанова, Звездина, 2015а, 2015б).

В психосемантике *ценностно-смысловых концептов* (ЦСК) «Я как лидер» и «Члены моей команды» у предпринимателей структурная проблемно-ассимилятивная *концептуализация* оказалась в три раза выраженнее, чем у непредпринимателей. Вместе с этим между ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды» в их комплиментарных отношениях также была выявлена отчетливая тенденция *психосемантической децентрации* в направлении членов команды с ростом предпринимательского опыта. Сопоставление этих двух тенденций позволяет более комплексно развернуть *гипотезу о коммуникативно-концептуальной природе и перспективе креативного лидерства* и возможностях его инициированного развития уже в условиях университетского образования.

Несмотря на оптимистичность гипотезы в контексте явно позитивных тенденций (имеются в виду растущие с опытом психосемантическая децентрация и креативная концептуализация), проблемная ситуация проявляется во всех исследованных группах: обнаружен самый низкий уровень психосемантической представленности трех из шести универсальных категориальных факторов – «Интеллектуальной культуры», «Творческого потенциала», и, особенно, субфактора «Суперлидерства». В субфактор «Суперлидерство» объединены конструкторы респондентов, подчеркивающие «особый авторитет», «вдохновляющее влияние», «харизму» в отличие от традиционных функциональных характеристик лидера в широком смысле (включая и традиционные типы).

Мы обратили внимание на субфактор «суперлидерство», поскольку он гипотетически связан с перспективой исследования именно креативного лидерства. Выявленная проблема обещает

стать хронической, если мы не пробудим рефлексию на уровне обыденного и профессионального сознания будущих выпускников ведущих университетов. Актуальность проблемы культивирования креативного лидерства, конечно, не ограничивается лишь развитием малого предпринимательства и «преобразованием образования» (Акофф, Гринберг, 2009). Это стратегический индикатор и одновременно *авангард* в формировании новой гармоничной культуры нового человека в новом обществе.

Попытки понять необходимость распределенного лидерства как более гибкого в современных условиях по сути сводятся к адаптации старых моделей лидерства к новым условиям (Малоун, 2009; Malone, 2003). Мы же имеем в виду реальное распределенное неформальное лидерство среди сотрудников разных уровней организации благодаря харизматической мудрости руководителя как суперлидера. Такие принимаемые и поощряемые инициативы с «живых точек» формируют особую иммунную сеть, которая является питательной средой для внедрения в большую организацию разветвленной системы собственно креативного лидерства.

Креативное лидерство – это не просто еще один тип лидерства в ряду общеизвестных, хотя такая редукция была бы более восприимчивой и понятной особенно для руководителей разных уровней. Они легко бы согласились с тем, что такой особый тип лидерства, вероятно, эффективен для особых ситуаций и условий, но не всегда и не везде, что хорошо уже известно относительно классических типов (либерал, автократ, демократ) и неклассических тоже. Совсем другое дело, когда такая альтернатива предлагается в качестве основной перспективы для саморазвивающихся организаций. Здесь будет возникать растущее множество очень разных вопросов. На некоторые из них мы уже начнем отвечать в этом иницируемом проекте.

История трансформации концепта «Суперлидерство»

Суперлидерство как живой концепт, прорастая из неизведанной глубины веков, открывался древним людям в качестве деяния богов,

затем проявлялся в героях, в выдающихся исторических личностях, обладавших харизмой, таким своеобразным «даром богов». Лишь в прошлом веке в конкретных социально-психологических исследованиях этот концепт, очищенный от религиозного ореола, стал пониматься как универсальный социокультурный феномен *лидерства*, доступный конструктивному описанию. Правда, при этом концепт «суперлидерство» в социометрических моделях претерпел естественную редукцию, даже девальвацию, когда его пытались интерпретировать через исторические реминисценции «макиавеллизма» и «серых кардиналов». При этом имелись в виду нередкие реальные случаи особой подверженности конкретного лидера группы влиянию со стороны «некоего» человека, не имеющего и не желающего иметь прямые контакты с другими членами группы и, тем не менее, влиять на них.

Путь развития представлений о суперлидерах как собственно *креативных* оказался непростым. Констатируем две социально-психологические ловушки. Продвинутый лидер умеет подбирать и готовить хороших преемников и последователей. Но эта корпоративная психология также была иронически отрефлексирована в обыденном сознании, поскольку по определению, часто декларируемому, лидер обладает преимущественным влиянием на членов группы с помощью своих психологических особенностей (странностей, акцентуаций). Даже если суперлидер «делает из последователей новых лидеров», принципиально мало что меняется (Т.Ю. Базаров) (Бендас, 2009). Мы приближаемся к решению проблемы, если лидер сам, будучи творческой личностью, ориентирует последователей на выдвижение новых идей в атмосфере дружеских отношений и взаимной ответственности.

Приближением к решению проблемы видится концепция «стейкхолдеров» – через поощрение творчества суперлидер формирует «единую команду последователей, которые рассматривают цели организации как свои собственные и являются активными участниками лидерского процесса – возникает как бы командное лидерство» (Кудряшова, 1996; Lloyd, 1996). Однако в качестве вопроса остается метафора радикального русского креатива В.С. Высоцкого «Если вы хотите как я, значит не надо за мной»...

Наконец, наиболее близкой к перспективному решению подготовки настоящих, т.е. креативных, суперлидеров представляется концепция Ч. Менза и Г. Симпса: «суперлидер должен способствовать появлению «самолидерства» у подчиненных, исполняя роль не диктатора, а учителя и воспитателя: он поощряет их ставить собственные цели и не бояться совершать ошибок» (Manz, Sims, 1987).

Очевидно, что суперлидер не только искренне радуется и поощряет высокие креативные достижения своих коллег, но и реально выстраивает стратегию создания условий и доверительной атмосферы для того, чтобы они стремились превзойти его собственные результаты. В этом смысле такой человек, безусловно, *талантлив* и является мудрой *децентрализованной* сильной личностью, преодолевающей свои естественные эгоцентрические амбиции. Обнаруженная в наших исследованиях децентрация является ключевым свойством креативного лидера – суперлидера. В этом качестве она включена в предлагаемую здесь *концептуальную* модель. Здесь духовная зрелость личности, реализовавшей свою индивидуацию по К. Юнгу (Юнг, 2013), является результатом бескомпромиссной внутренней работы личности, освободившей и высветившей свое *духовное Я* из эгоцентричной суеты, борьбы остальных субличностей человека за *практическое Я* (Ассаджоли, 2008).

Однако слабая рефлексия и артикулирование качественной коммуникации в своем значимом окружении обнаруживает тот «дефицит», который мы стремимся восполнить, переходя к коммуникативно-концептуальной модели *креативного лидерства*.

Коммуникативно-концептуальная модель креативного лидерства

Почему речь пойдет о *концептуальной* модели в заданном контексте, объясняется просто: потому что она происходит именно от *концепта*, а не от конструкта или категории лидерства. Интересно, что вторая характеристика модели хоть и воспринимается привыч-

но, но на самом деле до сих пор не является очевидной. Уже более двух десятилетий мы пытаемся понять и исследовать подлинную, *аутентичную коммуникацию как первичный творческий процесс личности*. В романских языках и русском, с одной стороны, четко различаются термины «коммуникация» и «взаимодействие» (интеракция), но их по-прежнему используют как синонимы. Вместе с тем не случайно культура чаще понимается не как творческий, а как нормо-формативный процесс. В результате большинство работ по коммуникации перенасыщено физическими, экономическими и социокультурными стереотипами.

Для акцентирования внимания на особой значимости первичной креативности личности в коммуникативном процессе я вынужден был ввести особый термин *«транскоммуникация»* (Кабрин, 1992, 2005). Она означает аутентичную творческую коммуникацию, противопоставленную расхожим представлениям о нормативной, а значит *фальсифицированной*, коммуникации, синонимичной взаимодействию. Но в чем же такая острота проблемы? В разное время я пояснял ее разными способами и сейчас попробуем обобщить.

Тело человека фатально погружено в физическое взаимодействие со средой вплоть до его исчезновения. Момент творческого общения – психологический контакт или лучше – *Встреча* всегда возможны, но никогда не гарантированы. Она предполагает психологически мотивированный или *свободный шаг личности навстречу* тому, с кем или чем она желает, готова, настроена, предрасположена встретиться. Поэтому, всегда взаимодействуя, мы не так часто *встречаемся*. Такой шаг предполагает и *возможность децентрации*. По В. Франклу, это момент *самотрансценденции* в сферу *иного, инакового, нового*. Всегда ли мы к этому готовы – ведь именно в такие *моменты истины* рождается *новый концепт*. Он рожден встречей через диалогический отклик (М.М. Бахтин) как *новый трансмысл* или плодотворный момент транскоммуникации инаковых. Происходят взаимные транзиты их смыслов друг в друга – совершается их «перемешивание» *без смешивания!* (Микалко, 2014).

Это сущностный момент плодотворной встречи – транскоммуникации, объединяющей натуру и культуру, где «перемешивание» так же не ведет к смешиванию. Остаются аутентичными живущая натура и символическая культура! Это не противоречие – но что?

Не случайно для древних и плодородие, и символические обряды, прежде всего, были актами *Метакоммуникации*, источником которой считалось *соучастие высших сил*. Я не готов анализировать проблему, не решенную в многовековой ретроспективе великими мыслителями, но извлечь урок для поставленной в этой работе задачи коммуникативно-концептуального моделирования креативного лидерства я обязан. Давно предложенная Г. Уоллесом четырехфазная схема творческого процесса сама исторически выглядит перспективно плодотворной и креативной. В ней гармонично объединяются культура и натура, не в механистичном, а в транскоммуникативном смысле Встречи (вертикальной, т.е. восходящей и нисходящей транскоммуникации).

Фазе предрасположенности к чувствованию творцом проблемы соответствуют встреча и влюбленность, вплоть до зачатия нового.

Фазе поглощающего увлечения накоплением новой информации соответствует упорное «вынашивание» (беременность).

Фазе озарения и инсайта соответствуют роды.

Фаза «социализации» культурного и научного оформления и признания творческого продукта также соответствует признанию социального статуса и достойного воспитания ребенка (Любарт, 2013).

Эта концептуально емкая и по сути транскоммуникабельная внутренне схема креативного процесса потенциально холистична и как минимум четырехмерна. Поэтому она удивительно корреспондирует и соотносима с более поздней, также четырехмерной, но димензионально (континуально) биполярной типологией Майерс–Бриггс, основанной на базовых психологических типах и функциях концепции Г. Юнга¹. Последователи О. Креггер и

¹ «Синтез «практической ориентации» дочери с «теоретическим уклоном» матери и годы кропотливых, более чем десятилетних исследований привели к созданию Индикатора типов Майерс–Бриггс (Myers–Briggs Type Indicator – MBTI).

Дж.М. Тьюсон резюмируют: «МВТИ основан на выявлении двух различных способов пополнения запасов энергии и сосредоточения внимания (шкала экстраверсия – интроверсия), двух противоположных способов сбора информации (шкала сенсорность – интуиция), двух различных способов принятия решений (шкала мышление – чувство) и двух различных способов организации своего взаимодействия с внешним миром (решение – восприятие)» (Крегер, Тьюсон, 1995).

Видим, что, несмотря на другую терминологию, основания этой классификации по глубинному смыслу аналогичны фазам-векторам схемы креативного процесса Г. Уоллеса. Поэтому не случайно относительно быстро О. Крегером в содружестве с выраженным креативом сферы искусства Д. Голдстейном была представлена книга «Творческая личность: как использовать сильные стороны своего характера для развития креативности». Авторы делают сильное обобщение даже в известном контексте гуманистической психологии креативности А. Маслоу и К. Роджерса (Маслоу, 2011; Роджерс, 2001). Они утверждают: «...мы все от природы креативны... пробудить свою прирожденную креативность никогда не поздно» (Крегер, Тьюсон, 1995. С. 20–21). При этом речь идет не об общем, несколько абстрактном утверждении. Авторы убедительно показывают, что креативность человека красной нитью всегда своеобразно проходит через все 16 основных (четырёхмерных) психотипов. В то же время каждый профиль психотипа раскрывает неповторимый тип, а может, и *архетип креативности*.

Эта база *креативных психотипов* по глубинному смыслу соответствует (не тождественна) четырёхмерному хронотопу модусов жизни и сознания человека. *Они в качестве порталов осознания* (Кабрин, 2013, 2014а) актуализируют поле *креативного состояния сознания* личности, объединяющего возможный основной спектр измененных состояний сознания с базовым бодрствующим сознанием. Скорее всего, это происходит в силу сохранности в нем *транскоммуникативной метапозиции* в отношении «множественности» очевидных (физических) и неочевидных (духовно-душевных) реальностей.

Речь уже идет о *работе с трансперсональной реальностью*, на которую здесь мы можем лишь сослаться, имея в виду прежде всего труды М. Мерфи, Ст. Грофа, К. Уилбера (Мерфи, 2010; Гроф, 2005; Уилбер, 2009). Уже два десятилетия мы исследуем и анализируем на базе *экспериментальных¹ групп порталы осознания как психологические переходы или эмердженции душевно-духовного и физического: Времени нового жизнеосуществления; Пространства возможных решений; полицентрического «многообразия» Информации; универсальной преобразуемости Энергии*. Освоение этих порталов, расширяющих поле креативного состояния сознания личности, делает саму личность креативной и ориентированной на творческие достижения в любой сфере и в зависимости от профиля психотипической предрасположенности по МВТИ.

Заострим и «заземлим» эту динамическую экзистенциально-трансцендентальную метафору, поскольку она по смыслу согласовывается и с выделенными нами *фазами потенциализации достижений* творческой личности и креативного лидерства. Эти фазы имеют общую *транскоммуникативную природу, интенсифицирующую смысловые связи* и ноэтическую конгруэнтность культуры и натуры человека. Имеется в виду потенциализация творческой встречи, а поскольку встреча всегда связана с новым, неизвестным, Р. Мэй связывает ее с «мужеством творить» (Мэй, 2012).

Первая фаза – отвага сделать первый шаг навстречу с неизвестным и принятие его в интимное пространство – связана со *стресс-мобилизацией* (так, зародыш первоначально вызывает интоксикацию и иммунную мобилизацию).

На второй фазе генерализованная стресс-мобилизация вызывает повышенную поисковую активность, а накопление новой информации приводит к *реориентации* (ситуативной или стратегической).

Третья фаза – кардинальная ситуативная или стратегическая *трансформация* позиции и формы (метаморфоза) с найденными новыми решениями.

¹ От experiential (англ.) – основанный на опыте.

Четвертая фаза – освоение *жизни в новой позиции и форме* в связи с достигнутыми результатами, оформление ее социокультурного значения.

Эта модель обозначена в виде формулы *стресс-трансформации* в отличие от *транс-стресс-формации*, когда креативная потенциализация блокируется нечувствительностью к проблеме, неадекватным оптимизмом и фрустрируется усиливающимся дистрессом. Этот четырехмерный цикл преобразующей человека встречи с новым включает четырехмерный универсум *пиковых транскоммуникативных переживаний*, которые могут быть релевантными индикаторами интенсивности и качества потенциализации жизни, что допустимо связано с инициацией креативного лидерства.

Первая фаза-вектор переживается как *катарсис* – «изумление» новым неизвестным, освобождающим, «очищающим» от «старого», уходящего на задний план.

Вторая фаза-вектор переживается как *импринтинг* – завороженная поглощенность принятием и познанием нового.

Третья фаза-вектор – трансформация, метаморфоза – проявляется в *экстенсивных* переживаниях, прединсайтных порывах *выразить невыразимое новое*.

Четвертая фаза-вектор воплощает *инсайтное просветление*, вдохновение, окрыляющее жизнь в новой форме (Кабрин, 2013).

Поскольку эти измерения жизни креативной личности имеют транскоммуникативную природу и перспективу, творческое отношение к проявлениям мира и «другим» людям может быть единым творческим процессом креативного лидерства. Человек, чувствующий и переживающий инициативу в себе (в отношениях с проблемами), так же естественно может переживать, принимать и ценить ее в других людях. В целом можно говорить об *экзистенциальном креативном лидерстве* человека, осуществляющего и свое личное, и общее предназначение. То, что в широком смысле З. Луджи называет «созиданием души», причем не только своей, но и коллективной (К. Юнг), когда есть *свобода*, но нет произвола выбора, ибо есть *предназначение*. То, что звучало пафосно у П. Тил-

лиха (Тиллих, 2011), у З. Луиджи (героизм предназначения) может становиться естественно аутентичным в экзистенциальном креативном лидерстве личности в транскомуникативных переживаниях, преобразующих жизнь и в атмосфере креативного ко-лидерства (Луиджи, 2004).

Создание креативной среды

Для качественного совершенствования среды постиндустриального инновационного общества необходимо готовить креативных лидеров уже на уровне выпускников университетов, а скорее всего, и гораздо раньше. Эффективнее всего это начинать с первых занятий, когда вчерашние абитуриенты еще полны *ожидания новизны* и еще не взыграли старые привычные школярские рефлекс-ы. Это возможно, если сами преподаватели, тренеры, консультанты обнаруживают себя креативными лидерами, разделяя при этом общий трансформационный риск со студентами. Такой шанс есть и в работе с магистрами, опять же при использовании импульса новизны на первых занятиях. Лишь один пример: при ассимиляции обязательного в образовательном стандарте учебного курса «Отрасли психологии, психологические практики и психологические службы», который мог оказаться рутинным и скучным для магистрантов. Каждому студенту было доверено подготовить личную модификацию и апробацию в учебной группе любой, заинтересовавший магистранта психологической практики, актуализирующей и развивающей самые разные стороны личности. По-сути, каждому предлагалось провести с группой занятие в качестве креативного лидера.

На глазах, от занятия к занятию, менялись креативная позиция, ответственная отзывчивость и отзывчивая ответственность, расширялся диапазон приемлемости, уважения, доверия друг к другу; в группе возникала особая креативная психологическая атмосфера с ее растущим переносом и на другие дисциплины; складывались условия междисциплинарного, трансфессионального видения ключевых психологических проблем – психофизической, психо-

физиологической, психопрактической и психоэстетической; рушились барьеры между физикой, биологией, лингвистикой, философией и теологией. Далее выстраивалась система раскрытия креативного потенциала личности магистранта от интенсивного погружения в первичную Встречу до самостоятельного формирования креативного мира в группе для реализации прорывного проекта (Финкельштейн, Лотон, Харви, 2007). Недавно мы имели подтверждение эффекта этой стратегии, когда успешный молодой предприниматель сказал, что команда чаще важнее идеи.

Такой эффект трансфессионального синтеза реален, видимо, в результате системной синергии креативной активности основных преподавателей магистратуры. Иными словами, для получения долгосрочного (может быть, необратимого) эффекта формирования креативного лидерства магистрантов необходимы актуализация и поддержка трансфессионального креативного лидерского потенциала самих преподавателей. Позитивные следствия мы всегда получаем в групповой супервизии преподавателей различных профессий, например в форме «балинтовских групп», где органично включаются эпизоды (этюды) в виде синектических креативных групп (Буш, 1985).

Полагаем, что были бы перспективными специальные креативные тренинги от универсального «ритм-синтеза» до эстетических динамических медитаций-путешествий в мыслеобразах (Кабрин, 2014а; Роджерс, 2015). Думается, что такой репертуар потенциализации креативного лидерства преподавателя ограничивается только гибкими пределами целесообразности (Поддяков, 2014).

Живая аутентичность встреч как необходимое условие развития креативного лидерства трансфессионала в эпоху тотальной цифровой анимации

Расслоение (дифференциация) реальностей обнаружена в древнейших пещерных изображениях человека. С этим связывают корни сознания *Nomosariens* (Мишлав, 1995; Нойман, 1998), но настоящая необходимость рефлексии множественного спектра разнокачественных и разномасштабных *состояний сознания* обна-

ружилась сравнительно недавно (Уилбер, 2009). Это оказалось и симптоматично, и своевременно. Очевидно, что «информационно-культурный взрыв» современной эпохи практически *«разоблачает» фантастическую множественность реальностей*, в которых существует современный человек, испытывающий при этом *множественную идентичность*. И проблема креативной аутентичности человека уже открыто и остро конфронтирует с проблемой его социокультурной *шизофрени*. Как хорошо все начиналось...

Для университета эта проблема обостряется в связи с бурным развитием дистанционного образования. Возникает специфическая проблема поиска оптимального соотношения дистанционного и *непосредственного межличностного обучения*. Роль последнего особенно возрастает в связи с ориентацией на формирование трансфессионалов, центральным фактором которого является воспитание *креативных лидеров* (Кабрин, 2017). В свою очередь это возможно лишь в среде полноценного, живого, аутентичного общения преподавателей и студентов как между собой, так и друг с другом. В этом контексте рассматриваются возможности сохранения и развития аутентичной коммуникации на основе прояснения многомерной социально-психологической значимости живых встреч в связи с необходимостью формирования креативных лидеров-трансфессионалов.

*Казус протоной*¹ и *оптимизм ортоной*². Символическое изображение всегда есть открытие более потенциального по сравнению с однозначной очевидностью – и вот он, анимизм (одухотворенность) архаической культуры. Но символизация – от ритуалов, письма, письменности, книги, издательства – пришла через литературную и живописную традиции к видеоконструкционистской, игровой, компьютерной *анимации*.

Ласкающий ужас анимации СМИ и игрового Интернета уже не конкурирует по яркости, а *замещает* первичную онтологическую

¹ Здесь протоноя – архетипы и спонтанные фантазии «детской души» в проекции на корни культуры (Кабрин, 2000).

² Ортоноя – ментальные схемы «правильного» разума, конвенционального поведения (Кабрин, 2000).

реальность, изначально возникавшую в *переживаниях анимы* человека, поскольку тотально овладевает самими этими переживаниями. С другой стороны, оптимизм ортоной, эта история культурной драмы прогресса осуществлялась возникновением и наложением все новых форм и способов *символической коммуникации* человека с другими, собой, культурой, миром. Вовлеченность в такую символическо-онтологическую активность качественно трансформировала и основные модусы душевной жизни, или «психической организации», человека.

Наслоения и трансформации форм и средств коммуникации качественно модифицирует свойства памяти, перцептивного внимания, реконструирующего воображения, чувствующей интуиции. С внешней стороны, «объективно», происходит последовательное отчуждение их функций – замещение (внешняя память), захват управления (прежде всего вниманием); реструктуризация (воображение); инструментализация (даже в «навыках» чувственной интуиции). Возникает ощущение, что протоной в этом процессе «застигнута врасплох» (конечно, в историческом времени).

*Сомнения и призраки паранойи*¹. Пессимисты в таком процессе видят признаки и опасность деградации всех указанных интимно-душевных способностей; оптимисты – возможности перехода на качественно новый уровень жизни или, по крайней мере, функционирования. Так или иначе сознание человека как *интимная* сторона коммуникации обнаруживает себя в силу своей интенциональности на перекрестке парадоксальных проблем сопряженной множественной реальности. *Аутентичная реальность* на пересечении множества разнокачественных *кривых зеркал ее анимаций* в пробуждающемся *новом сознании* пытается остаться самой собой, т.е. выходить за пределы всех *эрзац-реальностей*.

Это лишь одна возможная рефлексия индивидуального сознания конкретного человека, а избегание когнитивного диссонанса толкает на поиск простых решений. Уходить ли от известных зер-

¹ Более общее буквальное немедицинское значение слову «паранойя» вернул Дж. Уайт.

кал и обнаруживать новые зеркальные репрезентации? Остановиться на наиболее приятных и полезных анимациях и уговаривать других присоединиться? – Конечно! – тем более, что поиск абстрактной истины безнадежен. Помимо того как *традиционные ценности-зеркала* все более тускнеют для современной молодежи, виртуальные игровые пространства виртуальных сетей Интернет становятся все более животрепещущими и *реальнее, чем всё* менее понятная аутентичная реальность. Да и что это уже такое при иррадирующей её множественности?

Привлекательность и заманчивость потока новых степеней свободы и потенциалов во множестве жизней и уровней реальности актуализируют все психические способности и практически полностью вовлекают и погружают человека в *игровую реальность*. Она уже становится образцом, эталоном *реальности первичной*. «Игровые смерти» уже могут легко переноситься в *игры смерти* в жизни. Но многие корпорации и организации увидели в этом заманчивый способ повышения коммерческой эффективности офисного планктона, менеджеров и фрилансеров. Геймификация обучения становится мейнстримом: однако недооцениваемая проблема стратегического плана в том, кто кем владеет?

Анимационно-игровые технологии изоциренно задействуют основные известные психологические и нейробиологические факторы, формируя у человека захватывающие переживания *активного участия в гиперреальности*. Кстати, может, не ведая того, «гиперреализм» и новая эстетика неизбежно этому содействуют и даже подражают; компьютерная, игровая анимация и искусство все чаще сливаются в экстатических процессах. Овладевая все более привлекательными гаджетами, человек порой даже не замечает, что сам стал гаджетом множества анимационно-игровых сетей. Чувствует он сейчас потребность в какой-то собственной свободе и аутентичности? Если нет, то его сознание уже ассимилировано в макротехнологические сети, настоящие ценности которых ему уже недоступны. В результате современная молодежь легко запутывается в паутине такой антропной дисгармонии анимационно-игровых реальностей или безропотно вязнет в одной из них.

Деградирует ли современное сознание человека до технологического ангажированного участия в множащихся анимационно-игровых реалиях или они выведут его на новые рубежи самотрансценденции и осознания в качестве Homo poeticus?! Этот уже поставленный вопрос открыт, но есть гипотетический проект перспективы возможного решения.

Коммуникативно-холистический потенциал встречи

Вся история анимации как осознания символических смыслов «потаённого большего» в ритуальной *коммуникации* человека со стихиями мира, другими людьми и собой эксплицирует и развертывает и его дремлющие, потаенные психологические силы и способности. Интуиция, воображение, перцепция и память, участвуя в осознаваемой анимации, преобразуются сами, поражаясь восхитительным преодолением границ, пределов, масштабов, скоростей, конфигураций Вре́мён – Пространств – Информаций – Энергий. Всего того, что физически и материально постоянно ограничивает и сковывает человека.

Все это качественно «взвинчивает», *ускоряет развитие потенциала осознания человеком* не только недостижимых и неочевидных свойств мира как среды обитания, но и самих душевных потенциалов. Открытие спектра состояний сознания (Уилбер, 2009) означает, что сегодня легко преодолеваются иллюзорные границы между «бессознательным», «сверхсознательным», бодрствующим, сновидным, имагинативным, медитативным и т.п. сознаниями. *Встреча как транскомуникация* с этими состояниями открывает бесконечные возможности к их целостному холодинамическому видению и синтезу (Юнг, 2010; Кабрин, 2005).

Психологические практики психосинтеза, активного воображения, индивидуации, символ драмы эффективно работают в этом направлении. Количество конкретных частных социально-психологических техник и технологий уже невозможно перечислить, а океан транскомуникативных миров осознания человека безбрежен.

Поэтому вышерассмотренную многомерную феноменологию можно моделировать на основе объемного концепта Встречи.

Встреча – это «такт», *квант транскомуникации* и одновременно потенциально осознаваемое *событие* универсума (у Т. Шардена атомы – это центры Вселенной) (Шарден, 2012). Во встрече как в капле воды отражается бесконечный холизм жизни. Но суть вопроса в особенностях и нюансах.

Встреча – не *взаимодействие*. Последнее универсально. Непрерывно взаимодействуя как тела в среде в качестве физических тел, мы стремимся сохранить *лишь опыт Встреч*. Принцип биологического *столкновения* «бей – беги» с выделением адреналина или норадреналина уже достаточно изучен и в этологии. Но бегство или нападение – это часто результат инстинктивного предвзятого предопределения, т.е. «преждевременной анимации» неизвестного нового как известного.

Встреча – это не *столкновение с известным*, особенно при желании сделать с ним что-то *привычное*. Убежать от «опасности» и *встретиться* с ней – это очень разные *события*. Но мы настолько часто сталкиваемся с «известным» (привычным, обычным), уже изощренно *избегая препятствия на пути*, что также часто упускаем шанс реальной встречи с новым, неизвестным, иным. Конечно, вспоминая Гераклита, делать *каждый шаг* как «новый» да в «неизвестное» – мы глубокомысленно считаем абсурдным, избыточными и неэкономными. И, разумеется, мы не задумываемся над тем, *что при этом теряем* (классическая техника Ф. Перлза – когда название каждого шага через осознание приводит многих в возмущение), однако, будучи вдруг замороженными и восхищёнными чьей-то походкой, мы так же стали немного другими.

Встреча как транскомуникация – это всегда контакт с иным, неизвестным, новым – это всегда риск, а как динамичный такт это часто взаимно. П. Тиллих назвал это «отвагой быть» (Тиллих, 2011). Я не случайно привожу предельно простые примеры с походкой, считающейся верхом достигаемых *автоматизмов* – т.е. *невстреч*. Но посмотрите на вкрадчивую походку человека в момент неизвестности и неопределённости «здесь и сейчас» и эффективно-демонстративную походку, выражающую *поисковый смысл* значительно более масштабного радиуса пространства и

времени, чем наличная ситуация. Поэтому встреча как транскоммуникативное событие всегда смыслообразующая. Рождение нового смысла во встрече инаковых – это *новый концепт* как плод в буквальном этимологическом смысле (concipiō – забеременеть). Рождение концепта (смыслового зародыша) – это *транскоммуникативная вспышка осознания в момент встречи*.

Яркие горизонты концептуально-игровой анимации сегодня ясно говорят, что границы его познания и понимания определяются границами его аутентичного, т.е. транскоммуникативного, осознания.

Понимание того, что встреча – это событие универсума, уже не чисто интуитивное; оно может быть артикулировано с позиций современного холистического или *холодинамического подхода* (Джексон, 2016; Липтон, Бхаэрман, 2010). Но сначала представим ее *экспириентально-феноменологически*. При ближайшем рассмотрении, вчувствовании во Встречу с Новым ее опыт ошеломляет: отвага риска принятия и встречной открытости *пробуждает* осознание, а его интенсивность, глубина возрастают. А поскольку *рефлексия не наступает преждевременно*, ноэтический потенциал (интуитивный ум, творческая интуиция) раздвигает горизонты жизненного мира человека.

В этом контексте ноодинамики рассмотрим четыре основных уровня Встречи:

1. *Психонэтика Встречи. Децентрация* и растворение границ это изменяет и расширяет общее состояние сознания. Становятся *подвижными* базовые онтоноэтические координаты бытия: замедляется-ускоряется переживание *времени*; уплотняется и расширяется *чувство пространства*; возникают новые спонтанные впечатления – приходит неожиданная *информация*; сдавленность и мотивационно-эмоциональный подъем *энергии* меняют тонус. Это может происходить в секунды и растягиваться на часы.

Это сжатое описание интенсивного многомерного комплекса переживаний участников классических групп встреч (по К. Роджерсу) и одномоментных *экспириентальных встреч*: Я – Группа с последующим описанием возникших переживаний. Еще большая динамика переживаний по *базовым порталам осознания* (време-

ни – пространству – информации – энергии) мы наблюдали в результатах медитативных путешествий на основе методов управляемого (Ассаджиоли, 2008) и активного (Активное воображение, 2016) воображения (Кабрин, 2005).

2. *Психодинамика Встречи*. Готовность и предрасположенность к встрече – удивительно специфическая проблема.

Столкновение с неожиданным неизвестным чаще вызывает уход, а *шаг навстречу* – «*стресс-мобилизацию*» (приемлемое волнение). Первый шаг влечет за собой другой – «*реориентацию*» (пересмотр по-новому момента «здесь и сейчас»), что может привести к *трансформации* ситуации (изменению образа действий или образа мыслей). В результате может возникнуть качественно новое переживание нового, *иного состояния* – качественно новой формы жизни. Реальное вхождение во встречу с иным делает и самого человека *также иным, обновленным*.

3. *Микроноэзис встречи*. Очерченные четыре фазы психодинамики встречи – стресс-мобилизация – реориентация – трансформация – обновление (превращение) – могут быть в разной степени кумулятивны и синхронистичны. Если наша Самость входит во встречу, мы этого не сможем не заметить, поскольку *она выводит нас из прежнего равновесия* и вызывает *пиковые собственно ноэтические переживания*. Так, *катарсис* в стресс-мобилизации *очищает* от старого (предвзятого); *импринтинг* реориентации *завораживает* и наполняет новыми впечатлениями; *экстенсия* (экспансия) трансформации рождает новые усилия инициативных преобразований; *инсайт* обновления (открытия) просветляет.

4. *Макроноэзис Встречи*. Поразительно, что все это может кристаллизироваться, сверкнуть в одном мгновении судьбоносной встречи и лишь потом, рефлексивно-ностальгически, осознаваться и переживаться очень долгое время. Когда такая встреча в искусстве или науке артикулированно разворачивается как *удивление... увлечение... решение... придание достойной формы* – это переживается и осознается как творчество и как важнейшие моменты всей жизни. Истории и драмы таких встреч постоянно изображаются в литературе, науке, поскольку это самое аутентичное, что возника-

ет в жизни большинства людей. В этих удивительно универсальных векторах жизни синхронизируются культура и натура (Кабрин, 2015).

Если представить *жизнь как Встречу с Иным*, то актуализируются концепты более высокого порядка из ноэтической психологии.

Имеется в виду *протоноя* – чистое спонтанное и одновременно архетипическое присутствие ребенка в жизни; *ортоноя* – запечатление хороших, правильных форм жизни; *параноя* – преодоление и трансформация старых навязанных форм жизни; *метаноя* – просветленное принятие иных потаённых форм жизни как обновленное переживание жизни в целом (Уайт, 1996; Кабрин, 2005). В этих случаях уже сама жизнь воспринимается не как Рождение – Расцвет – Увядание – Умирание, а как *нарастающее пиковое ноэтическое переживание* и отвага встречи... В таком контексте это можно обозначить одним концептом: *свершается ноопоззис*.

Очень эвристично, что современный холистический подход к творчеству (в широком смысле к научному, художественному, техническому, организационному и житнетворчеству) движется во встречных направлениях в согласии с его базовым метакоцептом: от универсального целого к некоему единичному и подобному в нем.

В современной литературе выделяют четыре основных уровня холодинамики (Джексон, 2016):

Эмердженция: возникновение – исчезновение (превращение) качественно нового в их единстве. Исключительная важность эмерджентного взгляда – это понимание события в континууме преобразования: возникновения – исчезновения. Ему может соответствовать и наиболее емкая психосемантическая единица – смысл ценности, содержащий реальную тайну события, интуитивно переживаемую.

Аттракция: «стягивание» в единство, интеграция противоположностей, несовместимостей. Аттракторы характеризуют потенциальные направления эмерджентий. Они живут соединением полярных тенденций в эмерджентном горизонте, образуя «синтегративность» (Веег, 1994) событий. Им соответствуют смысловые зародыши – *концепты* – динамические тенденции, живущие творческими противоречиями.

Фрактальность: бесконечно умножающееся разнообразие самоподобий по аттракторам и в целом (Князева, 2016). Фрактам соответствуют *конструкты* – психосемантические единицы, дифференцирующие наполнение концептов различиями и объединениями их разных аспектов (Кабрин, 2014б).

Холоны (Уилбер, 2016): уникальные «протоформы», совершенные свершения (кристаллы, цветы и т.п.); уходящие в бесконечность отношения: часть – целое. Холону, как кванту холодинамической жизни, «свершенному совершенству», соответствует *символ*, экспрессивно выражающий смысл «чего-то большего» как в восходящем, так и в нисходящем направлении. Например, *эффектное воплощение* простой дизайнерской мысли, эстетического образа, вызывающих удивление, восхищение, полет воображения.

В результате коммуникативно-холистическую ноэтику встречи можно представить в системе двух координат:

- Холодинамическое «горизонтальное» метаизмерение показывает онтологическую и психосемантическую универсальность встречи.
- Ноодинамическое «вертикальное» метаизмерение – интуитивный ум в трансперсональных уровнях осознания показывает психоноэтическое становление человека в качестве Homo Noeticus.

Таким образом, получаем метаматрицу холистической ноэтики Встречи человека с подлинной реальностью.

Поскольку все холоны человеческих встреч могут признаваться весьма автономными и соразмерными по сложности (Князева, 2106), видим, что матрица оказывается транскомуникативно-холистичной и по горизонтали, и по вертикали, и по диагонали. Поэтому она может рассматриваться и как многовекторное пространство аттракторов *концептуального роста личности* в эмерджентных координатах. Но она также отражает многогранный мир драмы аутентичных ценностно-смысловых эмерджентий Homo Noeticus.

Все это позволяет использовать ее в качестве исследовательского инструмента в on-line и off-line образовательных контекстах для релевантного понимания эффективности творческого становления университетской молодежи.

Человек университетского типа, переживающий аутентичный опыт Встреч, осваивающий их холодинамику, ноодинамику, психосемантику, не станет уже заложником игровых анимаций, эрзац-встреч во множественных паутинах эрзац-реальностей. Более того, именно в интенсивном опыте таких встреч обнаруживается органичное единство креативных озарений и одновременного вовлечения в соучастие своих партнеров. Интуитивная креативная инициатива одного является вдохновляющим фактором для других. В атмосфере открытой встречи она легко перехватывается, поскольку уже не является «предметом эгоизма». Тем самым и лидерство становится иррадирующим, распределенным, формируя общую креативно-коммуникативную атмосферу группы, где креативность и лидерство оказываются взаимно транзитивными, т.е. транскомуникабельными. Психологическая культура встреч, как основа развития потенциала креативного лидерства профессионала, эффективно формируется в специальных группах потенциализации достижений, интенсивного экзистенциального, ноэтического, имагинативного, коммуникативно-креативного опыта.

Т а б л и ц а 1

Холоноэтика Встречи

Макроноэзис	Протонойя	Ортонойя	Паранойя	Метанойя
Микроноэзис	Катарсис	Импринтинг	Экстаз	Инсайт
Психодинамика	Стресс-мобилизация	Реориентация	Трансформация	Обновление
Психоноэтика	Энергия	Информация	Пространство	Время
Ноодинамика / Холодинамика	Холон	Фрактал	Аттрактор	Эмерджентия

В частности, они лежат в основе образовательной программы магистратуры факультета психологии Томского государственного университета «Практическая психология достижений личности». Эта программа и обозначенная в статье схема холодинамического анализа транскомуникативных событий (встреч) становится сегодня основой формирования исследовательских проектов персонального и сетевого креативного лидерства (Кабрин, 2017).

Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации

Проблема качества существования и динамики развития любой *социальной организации* во многом определяется своеобразием взаимоотношений ее институциональных (официальных) и человеческих (неформальных) связей людей как сотрудников и как личностей. Если иерархическое административно-профессиональное функционирование организации документально регламентировано и регулируемо, то миры неофициальных человеческих отношений *образуют спонтанно-креативную стихию*. Она характеризуется социально-психологической самодостаточностью, но в силу своей спонтанной диффузности «неофициально» обволакивает и административно-профессиональную деятельность организации, образуя общую морально-психологическую атмосферу и динамику ее эмоционально-психологического климата. Эта неформальная, сугубо *человеческая* жизнь организации влияет на многие характеристики ее эффективности, а в случае хронических конфликтов и негативного отношения к характеру ее функционирования может приводить и к опасным нарушениям, и к тупиковым ситуациям в ее жизни в целом. Это общеизвестный факт.

Весь XX век характеризуется развитием множества социально-экономических, социо-культурных и социально-психологических подходов и моделей решения этого многогранного комплекса проблем. При этом современные обобщающие проекты, особенно в духе «творческого холизма», представляются вполне перспективными (Джексон, 2016; Жалевич, 2015; Акофф, Гринберг, 2009). Но остается все же нерешенной принципиальная проблема организационной экзистенции – проблема соразмерности, совместимости и синхронистичности *институционально-административной и персонально-трансперсональной жизни такого человечно-бесчеловечного образования*.

Однако в современную постиндустриальную, а вскоре и постинформационную эпоху «идея университета» может стать общей метафорой полноценной жизни любой организации. Уни-

верситет как архетипическая идея *всегда порождает перспективу единства* образования, науки, творчества в коллективном межличностном самоосуществлении. В связи с этим Р. Акофф и Д. Гринберг отмечают: «Уже стало очевидным, что постиндустриальный образ жизни, безотносительно к охватывающей его культуре, придает большое значение таким ее видам, как *творчество, оригинальность, эстетическое удовлетворение, красота, понимание, любознательность, стройность мышления, мудрость*. Душа постиндустриального человека занята главным образом постоянной, внутренне побуждаемой борьбой за открытие новых тайн, создание новых образцов, завоевание новых просторов разума» (Акофф, Гринберг, 2009. С. 77).

Основной гипотезой нашего проекта становится предположение, что универсальное «образование», в котором жизнь социальной организации и личности могут быть полноценно совместимы, — это *коммуникативный мир как хронотоп ценностно-смысловых отношений*. Именно в них реализуется творческий процесс, объединяющий предназначение, исполнение миссии и личности, и социума (Кабрин, 2005, 2008, 2011б). В контексте этой идеи нетрудно представить и личность не как подкожное существо, а как созвездие коммуникативных миров, к которым она причастна, включая ее собственный персональный мир, и организацию как созвездие и холархию коммуникативных миров, в которых очень по-разному задействован ее персонал.

Модель творческой гармонизации субмиров коммуникативного мира университета. Возможно, будет достаточно драматичной гармония мира университета в силу контактно-конфронтационных напряжений между его оппонирующими «субмирами». Однако из-за их взаимодействия и заинтересованности друг в друге такая их транскоммуникативная гармонизация приведет к плодотворной эмерджентности социально-психологической и духовной атмосферы коммуникативного мира университета в целом и его субмиров в соответствии с его официальным и духовным предназначением. Университет в качестве многоуровневого коммуникативного мира самоорганизуется и саморазвивается в контексте единого духовно-

ценностно-смыслового поля, определяющего достойную избираемость и активность коммуникативных отношений со средой (Кабрин, 2005, 2008).

Поскольку аналогичными характеристиками обладают и персональные К-миры всех сотрудников, преподавателей и студентов, абитуриентов и выпускников, то существуют потенциальная и реальная их соизмеримость и совместимость, а значит, и возможность *персональной идентификации с высшими и актуальными ценностями университета*. Это может естественным образом приводить к гармонизации и синхронистичности (Юнг, 2010) разноуровневых транскомуникаций и транскомуникативных отношений. Такой духовно-психологический климат не может не сказываться на качестве жизни и творческой продуктивности.

В этом контексте может быть решена сложнейшая экзистенциальная дилемма образования, сформулированная Р. Акоффом в 2009 г.: «Сегодня существуют два разных мира, употребляющих слово *образование* в противоположных смыслах. Один мир состоит из школ, колледжей и университетов, составляющих наш образовательный комплекс, в котором преобладает стандартизация. В этом мире мегаструктура индустриального тренинга стремится выпускать идентичные образцы продукции, называемой «люди, получившие образование для XXI века». Второй мир – мир информации, знаний и мудрости, в котором находится реальное население, в то время, когда не отбывает заключение в школах. В этом мире обучение происходит как всегда, а преподавание состоит в передаче мудрости, среди прочего, добровольным слушателям» (Акофф, Гринберг, 2009. С. 27).

Университет как многоуровневый коммуникативный мир образует динамичное *ценностно-смысловое единство* с его *предельными элементами – фракталами*, которые сохраняют существенные свойства целого – *персональных коммуникативных миров участников* творческой жизни. Такой взгляд на университет позволяет рассматривать этот саморазвивающийся коммуникативный мир с позиций современных *креативно-холистических моделей*, учитывая при этом его первичную ценностно-смысловую природу.

«Творческий холизм» как новая *метафорическая парадигма* преодолевает на основе *теории сложности* (новой синергетики) ограничения традиционных функционально-механистических системных моделей социальных организаций (Джексон, 2016).

Учитывая *разнообразие* социальных организаций в связи с ростом их избирательных внешних и внутренних связей, М. Джексон предлагает перейти от жестких наукообразных парадигм, характеризующихся взаимным отторжением и войнами, к *метафорам*, располагающим к креативной преемственности. Им предложено четыре основных взаимопреemptственных *принципа холизма*, возможность реализации которого в анализе жизни коммуникативного мира университета видится перспективной, особенно в контексте проблемы развития креативного лидерства.

Принцип эмерджентной сложности предполагает качественную трансформативность организации при выведении ее на предельную дальность от центра равновесия. При этом в качестве диссипативной структуры (И. Пригожин) она становится чувствительной к «взмаху крыльев бабочки», но сохраняет свою нозтическую ценностно-смысловую сущность, видимо, в качестве *«странного аттрактора»*.

Принцип аттрактивности предполагает поиск латентного центра или вектора притяжения, удерживающего внешне хаотические динамизмы (холодаины) в *границах их общего аттрактора*.

Принцип фрактальности – самоподобия всех относительно артикулированных (оформленных) фрагментов разных уровней организации. Они не иерархически (опосредованно), а *холархически* (непосредственно) *подобны* и синхронистичны целому (особенно по смыслу).

Принцип архетипической символичности паттернов (относительно элементарных квантов холархии – холонов) проявляет себя в наличии на разных уровнях организации устойчивых паттернов персонального воображения и поведения, слабо рефлекслируемых, но энергетически и эйдетически хорошо ощутимых.

Предполагается, что потенциальная синхронистичность всех *процессов* жизни организации, названных здесь *принципиальными*,

делает ее *элегантной, эстетически (этически) привлекательной* для ее сотрудников и стейкхолдеров (даже в период «непостижимой» эмерджентности. Типичные немеханистичные метафоры, отмечаемые М. Джексоном, это – *организация как организм* со своими болезнями и способами их лечения; *психиатрическая больница*, где парадоксальным образом начальники лечат подчиненных, и наоборот. И если организация – это большой сумасшедший дом, то его подразделения (факультеты, кафедры и т.п.) похожи на «малые сумасшедшие домики», как и семьи. На «вечном карнавале» сотрудники и студенты разных уровней и курсов периодически «перелицовываются» (в том числе под видом магистерских программ и «стратегических академических единиц»), примеряя различные формальные и неформальные маски – роли себе и друг другу. Существуют, конечно, и метафоры «школы» с постоянным переучиванием компетенций и т.п.

Мы для дальнейшей интерпретации и проектирования креативного *лидерства* в неформальных структурах организации, определяющих ее не административный, а социально-психологический климат, предлагаем метафору *университет как личность*. Еще К. Ясперс в «Идее университета» писал: «Жизнь университета зависит от личности, а не от институции, каковая является лишь предпосылкой. Поэтому об институции следует судить по тому, может ли она привлечь лучших и создает ли она благоприятные условия для их исследований, коммуникации и учебы... неизбежно возникает напряжение, которое до тех пор, пока живет идея университета, должно вести к преобразованиям» (Ясперс, 2006. С. 97).

Кроме официального статуса, университет обладает индивидуальным-своеобразным лицом со своей биографией, историей, культурой, витальностью, болезнями, развлечениями, трагедиями и праздниками. В отличие от предыдущих метафор, главное в ней – это *ценностно-смысловая одухотворенность и целеустремленность в контексте своего коммуникативного мира, т.е. мира персонифицируемых значимых коммуникативных отношений в своем внутреннем и внешнем жизненном хронотопе*. Организация и личность в этой метафоре не только соразмерны, но и едины. Это единство наиболее рельефно

проявляется не в официальном со-управлении, а в креативном распределенном лидерстве. Можно вообразить «вулканическую энергию» *харизматического суперлидерства* (Кабрин, 2015), *распределяющуюся* по интуитивно важным *аттрактивным* направлениям (ветвящегося суператтрактора) организации.

«Распределенная» идея исходного суперлидерства *децентраруется* и распределяется между инициативными, *аттрактивными* лидерами, одержимыми новыми векторами (аттракторами) полицентрического развития организации, во фрактально разнообразном и совместимом креативном ко-лидерстве проблемно-проектных групп. На этой основе мы можем перейти от классических альтернативных моделей к *единой холархической модели преемственного полицентрического лидерства*.

Полицентрическая модель лидерства в эмерджентно развивающейся организации

Полицентризм – возможно одно из главных качеств *холистического* видения мира, что исходит из его *ноэтического* понимания. Один из ярких современных представителей такого понимания – П.Т. Шарден – выразил это весьма исчерпывающе: «Атомы – это центры универсума» (Шарден, 2012. С. 225). Возможность представить холистическую сложность жизни организации по аналогии с жизнью личности ориентирует нас видеть феномен лидерства во всем разнообразии проявлений: холархически – от организации целого до персоналий; холодинамически – в каждой фазе активности. Универсален здесь *концепт потенциализации*, разработанный нами применительно к анализу развития потенциала достижений личности. Он понимается как рост креативных возможностей личности в любых значимых ситуациях. Относительно группы, организации – ее потенциализация будет означать рост инициатив креативного лидерства, всегда сообразного конкретной специфике обстоятельств и целей, а потому – *потенциально эффективного*.

Потенциализация креативности и потенциализация лидерства имеют общий глубинный корень – *Встречу с новым, неизвестным*.

«Креатив», в отличие от «Стереопата», *открывается* навстречу неизвестному и, чувствуя противоречие, *принимает* его с готовностью *инициативно* работать, контактировать с ним, т.е. «лидировать». Но в силу открытости риску он ориентирован и чувствителен также к отклику, «ответу» со стороны «неизвестного» (проблемы, незнакомца и т.п.), т.е. открыт *синхронной обратной связи* (СОС). Эти два фактора – чувствительность к принимаемым противоречиям и СОС – составляют условия маленького чуда настоящей Встречи – *позитивную стресс-транс-формацию* одного или обоих партнеров встречи как *момент их творческой эмердженции*, т.е. рождение нового *транс-смысла*, имеющего новую перспективу воплощения.

Важно подчеркнуть, что в ситуации СОС партнеры одновременно являются «лидерами положения», но в разных аспектах, – а это креативная перспектива встречи. Как и встреча, креативное лидерство *всегда возможно, но никогда не гарантировано*. В этом сходство моментов творчества и лидерства. Очевидно, что это разные аспекты единого процесса встречи с неизвестным. Это происходит, когда образуется удивительная синхронистичность взаимной предрасположенности (готовности) партнеров и обстоятельств. Поэтому лидерство и администрирование (управление) оказываются часто несмешиваемыми процессами, которые, однако, можно сонастроить как взаимодополнительные. В этом, в частности, может быть основная миссия *руководителя* организации в качестве *лидера*.

Транскокоммуникативная холархия лидерства

На основе четырехуровневой холархической модели организации выявляются креативные типы лидерства, которые соответствуют уровню и масштабу *ассимилируемых* ими противоречий и создают необходимую *синтеграцию* (напряженное единство) (Джексон, 2016) коммуникативных процессов.

А. Эмерджентность организации в целом. Организация в данной определенности живет во *временной* период между эмердженциями, а затем может преобразиться в простейшем случае в свою противоположность на всех уровнях.

Эмерджентный лидер, наделенный эмерджентной креативностью, будет чувствовать узел противоречий и *время* их освоения, а также время неизбежной эмерджентности. В этом смысле он заложник в борьбе вечных высших и сиюминутных актуальных ценностей жизни организации. По отношению к другим он будет выглядеть харизматичным (если убедителен) в принятии труднопредсказуемых решений, имеющих реальный риск не осуществиться, если в кризисе эмерджентности система разрушится, «демонтируется». *Столкновение «вечных» и «моментальных» ценностей – стихия жизни этого уровня эмерджентного лидерства.*

В. Аттрактивность векторно напряженных пересекающихся пространств организации. Любая организация имеет векторы напряжения разной степени осознанности между следующими «областями ментальности»:

– между *чувствами корней* (пониманием неизбежной принадлежности к...) и *пониманием миссии* как достойной перспективы;

– между чувствованием «почти безграничных резервов» и пониманием ограниченности актуальных *ресурсов*;

– между уважительным отношением к *выстраданным уважаемым традициям* и уверенностью в необходимости создания *прорывных проектов*, ломающих старые устои и задающие новое движение организации;

– между богатым *заповедником* еще нереализованных идей, «альтернативных проектов» и чувствительностью к принципиально *новым вызовам*, «стучащимся» в двери организации.

Аттрактивно-креативный лидер, по-видимому, должен быть и одержимым (по-своему выдающимся), чтобы объять одно из четырех основных противоречий жизни организации и сделать их, таким образом, *синтегративными*. Необходим высокий уровень *аттрактивной креативности*, которая предполагает выраженную предрасположенность к *парадоксальной концептуализации*, т.е. к синтезу несовместимого или противоположенного. В каждой организации требуется поиск своих специфических аттракторов. Их может быть больше или меньше рассмотренных выше. Нам же представляется важным исследовать состояние именно данных

биполярных аттракторов в качестве факторов «преемственного развития» *университета* (между эмердженциями).

С. *Фрактальная динамика бесконечного информационного разнообразия* основных функционально-оперативных образований организации. Выделим важные «*информационно-энергетические коммуникативные центры*», которые находятся на векторах основных аттрактивных напряжений (см. пункт В).

1) На аттрактивной «*вертикали*» – *парадигме перспективы* – синтетративно противостоят (при взаимопроникновении) друг другу:

– коммуникативный мир, поддерживающий понимание и переживание значимости представлений о корнях жизнеспособности и принадлежности (например, к культурно-исторической, научно-образовательной элите страны и т.п.);

– коммуникативный мир, в котором обсуждаются новые перспективы и проекты, обеспечивающие реализацию предназначения и миссии и определяющие будущее организации, ее смысл и качество жизни.

2) На аттрактивной «*горизонтали*» – *парадигме существования* организации – противостоят при взаимопроникновении друг другу:

– коммуникативный мир, где обсуждаются сложные проблемы, выявления актуальных трудностей и расширение *резервов* организации по разным направлениям в связи с выраженной проблемой *приоритетов*;

– коммуникативный мир, в котором остро обсуждаются вопросы оптимального задействования *наличных ресурсов* в приоритетных направлениях выживания и развития организации.

3) На аттрактивной «*диагонали*» – *глубинно-импрессивной* – интегративно противостоят:

– коммуникативный мир, в котором активна перспектива углубленного обзора большого богатства идей, замыслов, проектов, почти «заготовок», которым надо найти достойное продолжение и применение;

– коммуникативный мир, где участники очень чувствительны к вызовам социума и понимают, что для соответствия этим вызовам нужны принципиально новые подходы, формулирование новых

вопросов и задач разным функциональным центрам организации при принятии этих требований ситуации.

4) На аттрактивной «диагонали» – *достойно-экспансивного вектора прогресса* организации – совместно противостоят:

– коммуникативный мир, где обсуждаются и поддерживаются *лучшие традиции*, прошедшие проверку испытаниями и временем, которые олицетворяют внутреннее самоуважение и достоинство организации;

– коммуникативный мир, объединяющий людей проникательных, мыслящих будущим, инициативно создающих неожиданные *рискованные венчурные проекты* и готовых активно отстаивать необходимость их приоритетной реализации для выхода на новый уровень эффективности и качества жизни организации.

Креативный лидер фрактального уровня – это, как правило, «лидер мнения», генератор впечатляющих идей, замыслов, проектов, изобретений. Фрактально-генеративный лидер может чувствовать себя властителем или вестником определенного информационного потока, к которому пробуждена его интуиция. Поэтому он не скупится на «задумки» и стимулирует пробуждение своей особой креативной самостоятельности у других участников группы, подразделения или просто у единомышленников своего круга общения. Сам он – неутомимый *автор комбинаций, композиций, конструкций, решений*. Придать им изящную, эстетически правильную форму ему некогда, так как он не дизайнер.

Сложная, во многом даже подвижническая миссия креативного лидера *аттрактивного уровня В* заключается не только в том, чтобы найти общий язык с *генеративными лидерами* своего направления, но и открыть объединяющую и впечатляющую обоим свежую идею.

Д. Паттернально-символическая динамика энергетически насыщенных экспрессивно-дизайнерских оформлений и форм представления основных дел и событий организации. Потенциально организация для себя и для других может сверкнуть, блеснуть впечатляющим событием, фактом, достижением из любой точки ее многоуровневого и многогранного коммуникативного мира.

В этом содержится реальный *полицентризм* организации. В предлагаемой здесь гипотетической схеме такой *сияющий ореол организации* отчетливо может возникать и обнаруживаться в связи с восемью полюсами ее аттрактивных направлений. Таким образом, можно рассматривать такие искрящиеся презентации как своеобразное продолжение и дизайнерское эстетическое заострение представленных здесь коммуникативных миров как информационно-энергетических центров.

1) *Ценностно-смысловая композиция миссии* организации может быть воплощена в виде захватывающей и впечатляющей «*Мистерии посвящения*». При этом ритуал посвящения будет по закону импринтинга формировать глубинную корпоративную мотивацию неофита.

2) *Эстетическая кристаллизация «Мифа происхождения»* (оживляемого в первом ритуале) может стать эмоционально-этической подпиткой многих сотрудников.

3) *Эффектная удачная реализация ресурсов* может содействовать эстетически дизайнерскому оформлению «Репутации», содействующей внешнему представительству организации.

4) Внимательная эффективная *работа с резервами* может продолжиться в оформлении *элегантного почетного архива* (подогреваемого «Репутацией»).

5) *Бдительное проектирование принятия новых социальных заказов и вызовов времени* может быть эффективно оформлено как *проницательная чувствительность и мудрость в мониторинге грядущих вызовов*.

6) На противоположенном полюсе аттрактора вышеназванная активность ведет к постоянному *переосмыслению и оценке богатства того, что уже задумано* и неплохо. «*Заповедник*» *сохранившихся идей и проектов* может вселять уверенность в принятии более сложных вызовов, если они будут оформлены более привлекательно.

7) *Поддержание жизнеспособности достойных традиций* может оформляться как *золотой фонд корпоративной культуры*, поддерживающий должное подобающее качество жизнедеятельности организации.

8) *Качество и реализуемость прорывных проектов может быть эстетически оформлена как «Авангард», символизирующий перспективу реального развития организации в целом.*

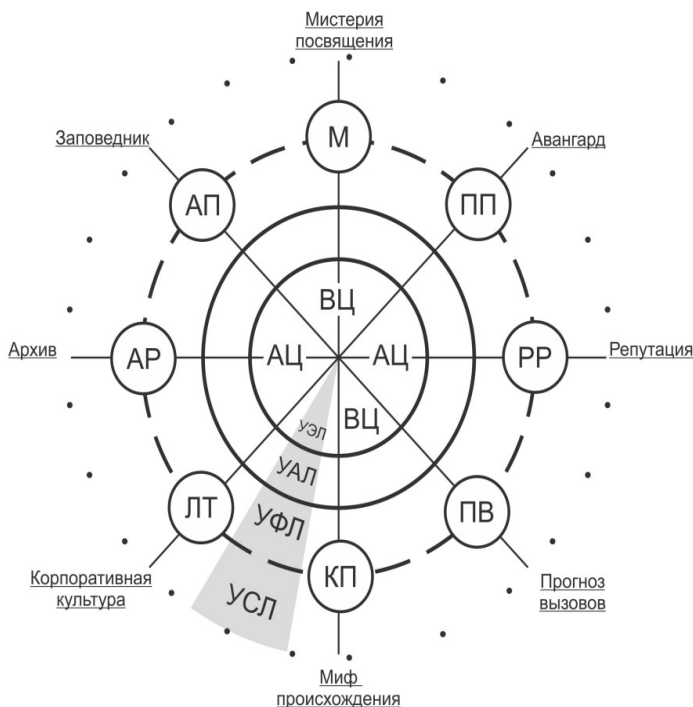

Рис. 1. Полицентрическое лидерство в коммуникативных мирах самообновляющейся организации.

Принятые сокращения (приводятся в соответствии с оппонирующими аттрактивными полями): **ВЦ** – высшие ценности и **АЦ** – актуальные ценности;

М – миссия университета и **КП** – корни выживания и принадлежность;

РР – реализуемые ресурсы и **АР** – актуальные резервы;

АП – альтернативные проекты и **ПВ** – принятые вызовы;

ЛТ – лучшие традиции и **ПП** – прорывные проекты.

Уровни: **УЭЛ** – уровень эмерджентного лидерства; **УАЛ** – уровень аттрактивного лидерства; **УФЛ** – уровень фрактального лидерства;

УСЛ – уровень символического лидерства

По характеру последних задач уже можно представить исключительную важность уникальной одаренности, талантливости, *архетипически персонифицированного авторства креативного символического лидера*, хотя он работает над приданием хорошей *эстетически привлекательной значимой формы* результатам работы всего коллектива. Без таких *романтических лидеров – мастеров символического дизайна* – облик организации может оказаться скучноватым, малопривлекательным для стейкхолдеров. Однако надо иметь в виду и опыт организаций «пустышек», «однодневок», начинающих свою деятельность с создания пышного, эффектного ореола, за которым еще или в принципе ничего нет. Пока не лопнет такой «мыльный пузырь», «организаторы» успеют отравить атмосферу и вызвать отвращение к таким фейерверкам, как к набившим оскомину рекламам. Но это лишь заостряет проблему и необходимость поиска настоящего дизайна для реальных достижений организации.

Мы также не считаем этот символично-дизайнерский представительский уровень жестко структурированным, т.е. выделенные по принципу обобщения и иррадиации восемь *коммуникативных полей* не привязаны к отдельному коммуникативному центру, от которого они могли бы быть производными. Но, видимо, они вбирают в себя символизм других центров, поэтому их локализация в предлагаемой ниже схеме условна и может быть «плавающей».

Обобщая возможности анализа полицентрического креативного лидерства в организации, мы предлагаем его коммуникативно-холистическую модель. Она представлена в форме концентрических кругов, означающих уровни организации и соответствующие холистические типы креативного лидерства.

При этом аттрактивный уровень организации целесообразно отобразить в виде *векторов*, что делает модель в целом более экспрессивной. Поэтому мы отказались изображать все возможные связи между всеми факторами модели (образующими *полный граф*) для сохранения рельефности и более существенной наглядности (см. рис. 1).

Заключение

В самом начале мы высказали предположение, что в обществе будущего, возможно, сам университет как идея станет моделью создания самообновляющихся организаций, строящихся на принципах холистического полицентризма. Предложенная модель прежде всего может стать основой исследовательских и экспериментальных программ. Все названные факторы могут быть превращены в схемы опросников и глубинных интервью, схемы контент-анализа релевантных проблеме текстов. Результаты исследования могут составить портрет университета в заданном ракурсе. На этой основе может быть создана экспериментальная программа работы координационных центров, дискуссионных групп согласно уровням модели, а также межгрупповых дискуссий по проработке проблемных связей между разными коммуникативными мирами университета. Кроме конкретных эффектов оптимизации коммуникаций такая акция может придать ощутимый новый мотивационный импульс в консолидации усилий для действенного самообновления. Это открывает перспективу сравнительного и прогностического исследования заинтересованных организаций не только университетского типа.

Литература

- Акофф Р., Гринберг Д. Преобразование образования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 196 с.
- Активное воображение. Юнгианский подход / под ред. Б. Дорст, Р. Фогеля. Харьков : Гуманит. Центр, 2016. 200 с.
- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб. : Речь, 2003. 368 с.
- Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. М. : Психотерапия, 2008. 384 с.
- Бендас Т.В. Психология лидерства. СПб. : Питер, 2009. 448 с.
- Буш Г. Диалогика и творчество. Рига : АВОТС, 1885. 318 с.
- Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. М. : Когито-Центр, 2014. 328 с.
- Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 6–12.

- Галажинский Э.В. Университет как смысл жизни // Экономические стратегии. 2015. Т. 17, № 3 (129). С. 116–117.
- Галажинский Э.В. Высшее образование: в поисках своей модели // Ведомости. 2016. № 400. С. 25.
- Генисаретский И.О. Философия проектности. Из истории проектной культуры второй половины XX века. М. : Ленард, 2016. 400 с.
- Герген К.Дж. Социальная психология как история // Социальная психология : хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Пресс, 2003. 475 с.
- Гроф Ст. За пределами мозга. М. : Изд-во Трансперсон. ин-та, 2005. 504 с.
- Гроф Ст. Путешествие в поисках себя. М. : Изд-во Трансперсон. ин-та, 1994. 342 с.
- Делёз Ж. Логика смысла, Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома. Введение. 1976. URL: https://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecd a7539e (дата обращения: 03.11.2015).
- Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь акад. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2007. С. 606–622.
- Джексон М.С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 404 с.
- Жалевич А. Мудрость лидера. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
- Интервью главного редактора А.К. Ключева с экспертом Э.В. Галажинским «Как будет меняться управление университетами» // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1 (101). С. 6–7.
- Искусство мыслить: Г. Уоллес о четырех этапах творчества. 1926. URL: <https://monocler.ru/iskusstvo-myishleniya-grem-uolles-o-chetyiryoh-etapah-tvorchestva/> (дата обращения: 15.09.2016).
- Кабрин В.И. Исследование самореализации личности в структуре коммуникативного мира : дис. ... канд. психол. наук. Л., 1978.
- Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
- Кабрин В.И. Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум человека ноэтического : сб. ст. / под ред. В.И. Кабрина, Э.И. Мещеряковой. Томск : Водолей, 1999. 384 с.
- Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии человека: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. № 12. 2000. С. 23–28.

- Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. :Смысл, 2005. 248 с.
- Кабрин В.И. Транскомуникативный основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 124–123.
- Кабрин В.И. Комплекс психологических практик развития психологического потенциала достижений личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011а. 116 с.
- Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) // Сибирский психологический журнал. 2011б. № 40. С. 152–164.
- Кабрин В.И. Антропологическая или ноэтическая эмерджентия сознания 3.0 // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 17–37.
- Кабрин В.И. Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности // Вестник Томского государственного университета. 2014а. № 379. С. 175–180.
- Кабрин В.И. Транскомуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропоэзис) // Сибирский психологический журнал. 2014б. № 54. С. 158–176.
- Кабрин В.И. Креативное лидерство: транскультуральная перспектива // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 121–136.
- Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Пилотное исследование транскультуральной психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015а. № 394. С. 211–219.
- Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Сравнительное исследование психосемантики тенденций развития предпринимательства в Сибирском регионе в транскультуральном контексте // Вестник Томского государственного университета. 2015б. № 399. С. 228–236.
- Кабрин В.И. Креативное лидерство в холодинамике коммуникативных миров самообновляющейся организации // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 170–183.
- Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах и проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. 240 с.

- Князева Е.Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 23–35.
- Крегер О., Годстайн Д. Творческая личность: как использовать сильные стороны своего характера для развития креативности. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 416 с.
- Крегер О., Тьюсон Дж. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М. : Персей, Вече, АСТ, 1995. 544 с.
- Кудряшова Е.В. Лидерство как предмет социально-философского анализа : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996. 359 с.
- Липтон Б., Бхаэрман С. Спонтанная эволюция. Позитивное будущее и как туда добраться. Киев : София, 2010. 576 с.
- Луиджи З. Созидание души. М. : ПЕР СЭ, 2004. 205 с.
- Любарт Т. Психология креативности. М. : Когито-Центр, 2013. 215 с.
- Малоун Т. Ключевые способности для распределенного лидерства. 2009. URL: http://www.elitarium.ru/2009/12/25/raspredelennoje_liderstvo.html (дата обращения: 16.01.2014).
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Альпина Нон-фикшн, 2011. 496 с.
- Менухин И. И лежащий в пыли человек может быть великим // Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 242–264.
- Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М. : РИПОЛ классик, 2010. 912 с.
- Микалко М. Креативный взрыв. Минск : Попурри, 2014. 256 с.
- Мишлав Дж. Корни сознания. Киев : София, 1995. 416 с.
- Моль А. Социодинамика культуры. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
- Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества. М. : Ин-т общегуманит. исследований, 2012. 160 с.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академ. проект, Парадигма, 2011. 399 с.
- Николаева Е.В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014а. Вып. 2. С. 114–120.

- Николаева Е.В. К типологии фракталов и теории культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2014б. Вып. 13 (304). С. 127–134.
- Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М. : Рефл-бук, Ваклер, 1998. 464 с.
- Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010. 440 с.
- Поддьяков А.Н. Компликология. Создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М. : Изд. Дом Высш. шк. экономики, 2014. 278 с.
- Пути за пределы «Эго»: трансперсональная перспектива / под ред. Р. Уолла, Ф. Воон. М. : Изд-во Трансперсонал. ин-та, 1996. 318 с.
- Роджерс К. Становление личности : Взгляд на психотерапию. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 415 с.
- Роджерс Н. Творческая связь. Исцеляющая сила экспрессивных искусств. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 336 с.
- Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). М. : Академ. Проект ; Альма Матер, 2010а. 224 с.
- Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академ. Проект, 2010б. 206 с.
- Тиллих П. Мужество быть. М. : Модерн, 2011. 240 с.
- Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М. : Изд-во трансперсон. психологии, 1996. С. 181–193.
- Уилбер К. Интегральное видение. Краткое введение в революционный подход к жизни, Богу, вселенной и всему остальному. М. : Открытый Мир, 2009. 232 с.
- Уилбер К. Краткая история всего. М. : Постум, 2016. 624 с.
- Финкельштейн С., Лотон Т., Харви Ч. Стратегия прорыва. М. : Companion Group, 2007. 336 с.
- Что такое просветление? / под ред. Дж. Уайта. М. : Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. 326 с.
- Шарден Т.Д. Феномен человека. М. : АСТ, Астрель, 2012. 381 с.
- Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М. : РИПОЛ классик, 2005. 352 с.
- Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный объединяющий принцип : сб. ст. М. : АСТ, 2010. 347 с.
- Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М. : Академ. проект, 2013. 328 с.
- Ясперс К. Идея университета. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2006. 159 с.
- Beer S. Beyond Dispute: The Invention of Team Syntegrity. John Wiley & Sons, Chichester, UK. 1994.

- Lloyd B. A new approach to leadership // Leadership and organizational development journal, 1996. Vol. 17, № 7. P. 29–32.
- Malone T.W., Laubacher R., Morton M. Inventing the Organizations of the 21st Century. Cambridge, MA : MITPress, 2003. 456 p.
- Manz C., Sims H. Leading Workers to Lead Themselves: The Eternal Leadership of Self-managed Work Teams // Administrative Science Quarterly. 1987. № 32.
- Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Switzerland, Genève, Cologne : World Economic Forum (January 11, 2016). 2016. 199 p.

Глава 2. Устойчивость жизненного мира человека как показатель успешности самоосуществления в изменяющемся мире

И.О. Логинова

В условиях динамично развивающегося общества, непрерывно изменяющихся условий жизни повышается роль вопросов проявления и формирования устойчивости жизненного мира человека в различных жизненных условиях.

Устойчивость жизненного мира человека рассматривается в отечественной психологии в качестве существенного показателя успешности жизненного самоосуществления как перевода присущих ему (человеку) возможностей в действительность. В результате этого перехода происходит не только дальнейшее развитие возможностей, но и становление (формирование, открытие для себя) того уникального пространства, которое К. Левин называл «пространством свободного движения», В.Е. Ключко определяет как «многомерное пространство жизни», а В.В. Знаков – как «внутреннюю вселенную личности», особую «интрапсихическую реальность», делающую человека свободным от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями. Жизненное самоосуществление человека характеризует степень его открытости в мир и задает направление движения психологической системы, выводя её на качественно новый уровень, требующий обнаружения новых соответствий, выступающих причиной взаимодействия с миром («своего», пока не ставшего «своим», но ожидаемого и желанного), основой жизнедеятельности как процесса самопорождения новых параметров порядка.

Отправной позицией для нас выступила точка зрения, что взаимосвязь среды, создающей обстоятельства жизни человека, и самого человека, способного изменять условия собственной жизне-

деятельности, позволяет выбирать оптимальный режим функционирования психологической системы: особым образом организованный человеком процесс жизнедеятельности, способствующий сохранению здоровья, личностному росту и творчеству.

Важнейшей системной особенностью выступает тенденция к тому, чтобы оптимизировать свой потенциал, которая может считаться успешной, если человеку удастся достичь гармоничного развития во всех жизненно важных для него сферах. Совокупность показателей определяет общую конструктивность (продуктивность и оптимальность) жизненного процесса человека. Конструктивность способа жизнеосуществления как раз и определяет степень устойчивости жизненного мира человека. При отсутствии или недостаточной выраженности устойчивости жизненного мира человек демонстрирует тождественность не всей своей жизни, а только ее отрывкам, отдельным событиям, ситуациям. В данном случае можно говорить лишь о совокупности отрывков, представляющих жизненную мозаику, а не драму, поскольку она (жизнь) лишается внутреннего самоотчества. Устойчивость жизненного мира человека позволяет удерживать целостность системы «человек – мир» за счет открытости новым возможностям, которые в процессе деятельности по реализации себя как проекта переходят в действительность.

Таким образом, устойчивость мира человека обеспечивает возможность жизненного самоосуществления проекта своей жизни, выступающую неотъемлемой характеристикой человека и проявляющуюся в процессах жизненного самоосуществления.

Основные вопросы данного раздела касаются того, как происходит расширение жизненного пространства и каким образом человек «движется» в сторону усложнения собственной системной организации, расширяя пространство жизненного самоосуществления, обнаруживая тем самым все новые возможности в мире, сохраняя в процессе движения собственную целостность.

Жизненное самоосуществление понимается нами выше как форма самоорганизации психологической системы, усложняющаяся в процессе своего становления. В процессе самоорганизации при переходе с одного уровня на другой изменяются параметры

порядка, обуславливающие довольно сложную траекторию движения системы. Источник этого самодвижения кроется в многообразии взаимодействий, в которые система избирательно вступает, вычерпывая из окружающего мира то, в чем она «заинтересована». Однако этих «результатов взаимодействий» – новообразований системного порядка, явно недостаточно для перехода на более высокий уровень системной организации.

Ю.Н. Белокопытов отмечает, что закономерности самоорганизации систем, особенности их эффективного функционирования остаются в науке пока белым пятном. По мнению ученого, в русле многочисленных классических психологических направлений и школ решить проблему невозможно. Требуется новое, более широкое интегративное видение проблемы, выдвигающее на первый план интеграцию разноуровневых структур в единое целое с учетом их внутренних противоречий. Более того, по мнению автора, «психологические системы пока не рассматриваются нелинейными и самоорганизующимися» (Белокопытов, 2003. С. 125).

Обозначая собственную точку зрения, заметим, что с первыми посылами можно согласиться, поскольку действительно «надо разбираться с тем, как на самом деле осуществляется переход возможности в действительность, почему в одних случаях он осуществляется, а в других нет» (Клочко, 2008). Однако последнее высказывание Ю.Н. Белокопытова вызывает вполне определенные возражения: во-первых, человек как самоорганизующаяся психологическая система выступает предметом исследований в системной антропологической психологии, являющейся преемницей теории психологических систем, само название которой подразумевает обращение к психологическим системам, расширяющимся и усложняющимся «за счет взаимодействия с внешним, делая его внутренним» (Клочко, 2005. С. 103); во-вторых, самоорганизация как методологическая рамка позволяет посмотреть на человека сквозь призму становления, обнаружив тем самым прогрессивное и закономерное усложнение системной организации всей психологической системы, являющееся основанием ее устойчивого бытия (Клочко, 2005. С. 17). Все виды устойчивости не являются стати-

ческими, а достигаются за счет непрерывно протекающих процессов, активно препятствующих любой тенденции к нарушению этого постоянства.

Заметим, что в основе процесса жизненного самоосуществления человека как антропологического проявления его (человека) сущности лежит только возможность самоосуществления, которая может так и остаться возможностью. Реализация себя в процессе жизненного самоосуществления зависит от свободного решения человека, выбора стратегической линии собственного жизнестроительства, определяющих незавершенность человека, которая как раз и состоит в том, что он в процессе собственного самоосуществления ищет ответы на разнообразные вопросы. Б.В. Марков отмечает: «Чтобы творить, необходимо иметь образ творимого, так человек вынужден спрашивать себя, что он есть». А поскольку мир постоянно меняется, то человек вынужден отвечать на вызов времени, открываясь этому миру.

В этой связи самоосуществление есть реализация способности человека к изменению социальных условий бытия в соответствии с собственной логикой развития, которая не оторвана от общественного контекста и может выражать эволюционно-исторические тенденции развития общества: «Сама жизнь человека выступает процессом самоосуществления» (Клочко, 2005. С. 32).

Автор синергичной антропологии С.С. Хоружий, выступая на научном семинаре философского факультета Новгородского государственного университета в апреле 2006 года, отметил, что центральным понятием разрабатываемого им подхода выступает термин «предельное антропологическое проявление», в которое вкладывается возможность определяющих свойств, предикатов антропологической реальности испытывать изменения. Особо ученый акцентирует внимание на предельности – ключевой дефиниции человека как целостного явления, благодаря которой человек в своих проявлениях выходит к «пределу горизонта своего существования». Предельность мира человека располагается в пространстве «беспорядок – порядок», а «дело жизни» человека состоит в том, чтобы мир приобрел упорядоченность и устойчи-

вость, которые возникают благодаря следующей жизненной логике: «от «действовать, чтобы поддерживать свою жизнь» до «жить для того, чтобы делать дело своей жизни» (Леонтьев, 2001. С. 502).

В.П. Серкин выдвигает предположение о том, что «постоянное нарушение и восстановление на новом уровне комплементарности образа мира и образа жизни – постоянный механизм смыслообразования» (Серкин, 2004а. С. 155), выступающий, на наш взгляд, важнейшей детерминантой устойчивости жизненного мира человека как возможности его самоосуществления. Поскольку жизненное самоосуществление человека есть непрерывное «наращивание» собственной целостности и сложности, которое никогда не может быть полностью реализованным, ведь это всегда путь к реализации, стремление к завершенной реальности, то основной его характеристикой как раз и выступает дефицитарность, обнаруживаемая в отношениях между образом мира и образом жизни.

Жизнь не может разворачиваться в ситуации гармоничного существования образа мира и образа жизни, которая приводит к умиранию системы – ей не к чему больше стремиться: не испытывая дефицита в том, что надо «вычерпнуть» из мира для удовлетворения собственных потребностей (надо), психологическая система меняет вектор своего движения в сторону распада (так возникают и тут же распадаются психологические системы детей, воспитывающихся в условиях гиперопеки, предполагающей прогнозирование и исполнение малейшего желания или потребности ребенка; так распадаются психологические системы взрослых, реализовавших полностью собственный жизненный план или закрывших систему от взаимодействий, ограничив смысловую наполненность жизни). К. Ясперс писал о пустоте, источником которой служит «нереализованность человека». Готовность продолжать самоосуществление в обстоятельствах, которые его блокируют, – в этом можно усмотреть природу готовности человека к изменению образа жизни. В своей работе Е.В. Некрасова приводит примеры того, как «закрытие» человека, являющегося по природе своей открытой и сложной пространственно-временной организацией, оборачивается распадом системы.

В контексте жизненного самоосуществления, ориентированно на наращивание системных характеристик, расширение спектра взаимодействий с возможным будущим, «зона прорыва» определяется состоянием дефицитарности – отсутствием у системы того, что определяет «напряженную возможность» (Клочко, 2005. С. 151) её (системы).

Усложнение же системной организации человека предполагает перевод возможности в действительность как реально разворачивающийся процесс жизненного самоосуществления, в котором обнаруживается постоянное противоречие между образом жизни и качеством многомерного мира, и этот перманентный дисбаланс между ними выступает источником развития человека, движущей силой его развития, превращающей его в упорядоченный процесс становления (Клочко, 2005. С. 142). В постоянном разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит жизнь человека – такова, по мнению представителей теории психологических систем (В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский, Е.В. Некрасова), природа порождающего взаимодействия человека с миром, ориентированного как на образование более сложных форм организации, так и преодоление сложившихся, препятствующих образованию новых, форм организации.

Близкую позицию к данной точке зрения занимает Г. Олпорт, выделяющий (в терминологии А. Маслоу) два типа стремлений, или мотивов, в человеке – дефицита и роста. Первый тип характеризует людей как стремящихся к снятию напряжения и восстановлению равновесия системы, второй же – как поддерживающих напряжения, порой беспредельно, за счет чего их цели долгосрочны, трудно достижимы, побуждая человека к непрерывному саморазвитию и совершенствованию себя и своей действительности. Заметим, что данная позиция имеет в основе своей идею развертки двух схем: приспособительной и ценностной, которые в исключительных случаях могут совпадать, потому что имеют разную природу возникновения (адаптивную и сверхадаптивную). Подобной позиции придерживался В.Н. Дружинин (2000), выдвинувший тезис о наличии двух базовых форм активности человека во взаимодействии его как субъекта с объ-

ектом: адаптивной и преобразующей. В первом случае субъект приспособляется к окружающему миру, ассимилируя его качества, а во втором – преобразует его, причем преобразование может иметь два пути: конструктивный, основанный на творческой активности, и деструктивный, основанный на разрушающем поведении.

Несмотря на то что в рамках данного подхода адаптация и самоосуществление противопоставляются друг другу, по мнению ученых, творческий человек «вырастает» из человека адаптирующегося (Вахромов, 2001), вследствие чего ощущает растущую гордость за себя как чувствительного, открытого, реалистичного, внутренне управляющего собой представителя человеческого рода, который мужественно и творчески приспособляется к сложностям изменяющейся ситуации (Роджерс, 1998).

Не приуменьшая значения в жизни человека процессов адаптации, акцентируем внимание на мнении А.Н. Леонтьева, которое мы разделяем, что приспособительная деятельность не является основанием человеческого образования (личности), поэтому человек в процессе собственного жизненного самоосуществления выходит за пределы адаптационных реакций, проявляя собственную сущность через преобразование себя и своего жизненного мира. Особую роль в этих процессах играет мышление человека, позволяя ему выйти к анализу содержания собственного образа мира и образа жизни. Заметим, что мышление не является функцией сознания, оно – деятельность человека, обладающего сознанием, поэтому может быть участником и показателем (одновременно) структуризации образа мира. Данная роль принадлежит мышлению в силу его особенности – обнаружения познавательного противоречия, «запускающего» инициативное поведение человека по отношению к его решению (Клочко, 1991). В диссертационном исследовании «Инициация мыслительной деятельности» ученый показывает две линии, усматриваемые человеком при разрешении проблемы в одном предмете и «отвечающие двум разным системам жизненных отношений»: необходимое как актуальная потребность и возможное (Клочко, 1991. С. 20). Участие мышления в процессах структуризации образа мира как раз и обусловлено его «способностью» обнаруживать «дефици-

ты» системы в пространстве «необходимость – возможность» как пространстве для разворачивания деятельности, направленной на разрешение противоречия, выступающего одним из источников «самодвижения деятельности» (Там же. С. 41).

В контексте же идеи жизненного самоосуществления человека как самоорганизационного движения психологической системы явление дефицитарности приобретает черты условия и причины взаимодействия человека с миром (поскольку позволяет обнаружить, узнавать «свое, не ставшее своим, но так необходимое») для обеспечения целостности системы, а не «подгонки» себя под мир или мира под себя. На противоречиях, возникающих между образом мира и образом жизни, «пульсирует» готовность человека осуществить задуманное, возможное, желаемое, покрытое всегда налетом эмоционального отношения к «рожденному» в реальных условиях жизнедеятельности противоречию (О.М. Краснорядцева, Е.В. Некрасова, Т.Г. Ходжабагиянц).

На наш взгляд, возможны три варианта дефицитарности, обуславливающей становление жизненного самоосуществления психологической системы, содержательно соотносимые с характеристиками жизненного самоосуществления человека, выделенными нами:

Первый вариант: противоречие между образом мира и образом жизни не выходит за рамки «области сходимости» (Аршинов, Буданов, 1994) или горизонта предсказуемости в случае динамического хаоса. В этом случае невелика доля неопределенности, поскольку данная область противоречия может быть хорошо осознаваема человеком, он понимает собственные «дефициты» и демонстрирует готовность к их восполнению путем целеполагания и рефлексии, «включающейся» на каждом этапе реализации восполнения дефицитов. Обнаруживаемые противоречия вызывают переосмысление как способ взаимодействия между образом мира и образом жизни, которое само может быть расценено как самоосуществление человека, характеризующееся пошаговым выстраиванием реальности за счет взаимодействия с энергетически ближайшим окружением. За счет явного понимания степени несоответствия образа мира и образа жизни человек «разворачивает» дея-

тельность в стремлении гармонизировать их отношения, расставаясь тем самым с собой «наличным» ради «необходимого» и только в этом диапазоне реализуя собственную миссию в процессе жизненного самоосуществления.

Второй вариант – противоречие между образом мира и образом жизни настолько велико, что у человека нет возможности оформить его в виде определенной цели, на достижение которой «можно работать», гармонизируя этот дисбаланс. Здесь обнаруживается полная неопределенность результата, которая ограничивает возможности участия человека в управлении движением системы. В соответствии с первым вариантом понятно, что «разностный порог» между образом мира и образом жизни должен укладываться в такое «пространство», где возможности человека соответствуют степени его ответственности за их реализацию. Как только человек не в силах «ликвидировать» эту разницу в образе мира и образе жизни (в связи с пониманием, что у него недостаточно ресурса для этой ликвидации, зависящего как от его собственного потенциала, так и условий среды), система начинает «скатываться в хаос», характеризующийся, наряду с позитивными, и негативными последствиями, среди которых, по мнению Е.В. Некрасовой, нарушение непрерывности личностной истории, самоотжественности, утрата целей и смыслов жизнедеятельности, возникающих в силу отсутствия равновесия между реальностью и желаемой гармонией, образом мира и образом жизни (Некрасова, 2005. С. 38). Однако этот процесс можно также считать продуктивным при условии сохранения активности и ответственности человека по отношению к самому себе; здесь может использоваться режим поиска, генерации новых жизненных контекстов, «рождающих» новые смыслы, существенным образом расширяющих пространство жизненного самоосуществления человека.

Третий вариант – смешанная альтернатива, проявляющаяся в том, что изначально «разрыв» между образом мира и образом жизни человека невелик; он осознаваем человеком, который, в свою очередь, ориентирован на достижение определенного результата, но действия по его достижению приводят не к сближению образа мира и образа жизни, а к их «разбалансировке», как бы

расширяя зону неопределенности. Акцентируем внимание, что выход к возможностям открывается только через необходимость как действие, но «чтобы действовать, мы, прежде всего, ставим себе цель: мы составляем план, затем переходим к деталям механизма, который должен его реализовать. Последняя операция возможна только тогда, когда мы знаем, на что нам рассчитывать. Нужно, чтобы мы выделяли в природе те сходства, которые позволили бы нам предвосхищать будущее» (Бергсон).

В ситуации перехода от необходимости к возможностям психологическая система сама «защищает» себя от излишней стабильности, вводя в состояние хаоса, разрушая неустойчивые или квазиустойчивые параметры системы. Здесь совершается постоянное духовное усилие, переводящее неопределенность во вполне определенную ситуацию ответственности по отношению к собственным возможностям, сужен диапазон равновесности, преобладает самопроизвольная неравновесность, позволяющая системе «нащупывать» своё будущее, обнаруживая противоречия между собственным замыслом и реальными условиями жизни. Несовпадение между реальной жизнью человека и его образом мира определяет широту «водораздела» между прошлым и будущим.

Именно в этой связи можно говорить об обнаружении человеком «субъективной прогностической модели будущего» (Серкин, 2005), задающей направление движения психологической системы: возможность предвидеть будущее делает человека в известной мере «господином событий» (Бергсон).

Можно сказать, что система как бы постоянно изменяет саму себя, рождая новые параметры порядка, выводящие её на качественно новый уровень, требующий обнаружения новых противоречий, выступающих основой жизненного самоосуществления как процесса самопорождения из хаоса параметров порядка, посредством которого реализуется эволюционный ценностный отбор, «заново-рождение» системы. Именно этот вариант можно считать истинным источником движения, «открывающим» многообразие смысловых оттенков, контекстов собственного жизненного самоосуществления. Кроме того, данный вариант как нельзя точнее

отражает специфику жизненного самоосуществления в заданном нами системно-антропологическом контексте, выступая творчеством по отношению к самому себе, заданного будущим, которое есть мир его целевых установок, направляющих деятельность в настоящем.

Известно, что противоречия между явлениями или феноменами могут приводить к уничтожению одного из них или гибели обоих, но могут быть и источником развития каждого и даже прогресса системы, в которую они входят. Если интерпретировать ситуацию обнаружения противоречий между образом мира и образом жизни с позиции самоорганизации, то следует помнить, что образ мира и образ жизни обладают определенными параметрами порядка, т.е. основаны на перманентной самоорганизации. Поэтому взаимного уничтожения или подавления одного другим в ситуации «противостояния» образа мира и образа жизни быть не может.

Самоорганизация проявляет себя в процессах активного созидания образа жизни, подразумевающего постоянно идущий процесс переструктурирования образа мира – особой духовной работы по реализации проекта, направленного на самого себя. Результатом такой работы выступают новые формы взаимодействия с окружающим миром, новые условия жизни – новая действительность, новые способы жизнедеятельности и поведения. Можно сказать, что так происходит выход из наличного настоящего в будущее, в котором человек проявляет внеситуативные формы активности, нормо- и жизнетворчество, базирующиеся на гетеростатической сущности самого человека. В потоке жизни многое существует в модусе будущего, которое реально возможно. В этом ракурсе по-новому звучат слова Л.С. Выготского «человек овладевает собой из вне», указывающие на выход человека в сферу «вне себя» пространственно и временно, откуда, имея вполне определенный замысел, он начинает процесс «овладения». Этот процесс овладения и является по сути жизненным самоосуществлением, в котором определяются наиболее существенные стороны жизни человека, перспективы его дальнейшего движения (к самому себе из мира, более богатого сосуществующими друг с другом возможно-

стями, в которых здесь и сейчас психологическая система испытывает дефицит). Рассмотрение человека как сложной самоорганизующейся системы выводит к пониманию того, что человек, создавая свой мир, проецирует себя в среду, превращая ее тем самым в действительность, обладающую параметрами предметности и реальности, что гарантирует человеку многомерное бытие, исключая возможность устанавливать равновесие между образом мира и образом жизни так, что прервется становление человека, являющееся непременным условием его жизненного самоосуществления как стремления человека к преодолению равновесия – состояния, смертельно опасного для устойчивого бытия (Клочко, 2005. С. 23–24).

Жизненное самоосуществление как разрешение противоречий между образом мира и образом жизни, вызывающее переход на новый, качественно иной уровень, разворачивается по следующей схеме:

- 1) обнаруживается противоречие между образом мира и образом жизни;
- 2) решается задача на обнаружение «разрыва» между образом мира и образом жизни;
- 3) нахождение в окружающей среде того «недостающего», что восполнит этот разрыв;
- 4) взаимодействие с соответствующим для увеличения собственной системности;
- 5) линейный этап жизненного самоосуществления;
- 6) обнаруживается новое противоречие между образом мира и образом жизни.

В этой жизненной развертке и обнаруживается противоречие между образом мира и образом жизни человека, выступающее его движущей силой.

Другими словами, в условиях жизнедеятельности (как, собственно, и в онтогенезе) осуществляется становление «человеческого в человеке – ценностно-смыслового мира человека с его подвижной, открытой в окружающую среду (природную, социальную, культурную) границей» (Клочко, 2005. С. 11–12). В.Е. Клочко отмечает, что смыслы, пребывающие в культуре в идеальной

форме, соединяются с предметным пространством человека, «превращая тем самым предметный мир в реальность, в которой можно действовать, понимая смысл своих действий и отвечая за них», а «настоящая деятельность совершается тогда, когда человек понимает смысл... своих действий». И, наконец, ценностные координаты превращают жизненный мир человека в действительность, в пространство «для реализации возможностей, выражения своей сущности, самоопределения и самостановления, которые сближают его с другими людьми». При этом важная роль отводится рефлексии как возможности самостоятельного определения своего образа жизни, постижения смысла собственных действий, определяющих образ мира, что выводит к проявлению ценностного осмысления жизни. Открытие новых мерностей образа мира и противоречий между образом мира и образом жизни возможно в актах рефлексивного отношения человека к собственной действительности (О.М. Краснорядцева, Е.В. Четошникова).

На этапе завершения становления каждой из жизненных координат при сохранении имеющегося режима функционирования психологической системы либо наступает период стагнации, сопровождающийся потерей «эффекта наращивания», либо режим функционирования принимает неконструктивный характер, обнажая противоречия между образом мира человека и его образом жизни, возникающие под влиянием изменяющегося (становящегося усложненным, более структурированным, системным) образа мира. Обнаруженное противоречие между образом мира и образом жизни, «требующее» решения, выступает движущей силой жизненного самоосуществления, отвечающего за продуктивность и оптимальность жизнедеятельности человека. Любое движение происходит неравномерно. Это поэтапный, но непрерывный процесс, представляющий собой необходимое накопление материала, его освоение, анализ, использование его для решения творческих задач, выводящих на новый уровень с получением продуктов нового качества, переход на новый уровень бытия. Для перехода на новый уровень необходим некий импульс, толчок, стимул – определенное «состояние духа», способствующее расширению жиз-

ненного мира, жизненного пространства человека как пространства его жизненного самоосуществления.

М.К. Мамардашвили писал, что мир, в котором живет человек, – это мир ожиданий (я ожидаю, что если что-то сделаю, будет то-то), который «образуется» на разрыве имеющегося (реального) и желаемого, возможного (как образа идеального). Для того, чтобы этот ожидаемый, нереальный мир стал миром реальным, надо иметь привычку разрушать привычные связности ожидаемых событий («реальность ничего общего не имеет с возможностями: потенции человеческой жизни богаче, чем реализованные возможности» (Мамардашвили, 1996); «необходимость... единство возможности и действительности» (Гегель, 1974)). Умение видеть возможности в мире, реализовывать их, превращая мир в реальность, воплощено в жизненном самоосуществлении человека.

Изменения, происходящие «на полюсе субъекта», определяют динамику образа мира, а изменения на полюсе актуально осуществляющейся системы деятельностей – динамику образа жизни. Однако и те и другие изменения «оказываются обусловленными динамикой ментального пространства, которая может инициироваться под воздействием как внешних (в том числе и независящих от человека), так и внутренних («напряженные возможности», «напряженные потребности») факторов» (Ходжабагиянц, 2007. С. 12). Ментальное пространство человека обеспечивает ценностную наполненность образа жизни и обуславливает целостность образа мира человека, определяя направленность процесса разрешения все время возобновляемого противоречия между ними. Ментальное пространство опосредует взаимосвязь между образом мира и образом жизни человека, представляя собой содержательный состав жизненного пространства как пространственно-временной организации. При этом само трансформируется и перестраивается в процессах постоянно актуализируемого противоречия между образом жизни и образом мира (Клочко, 2005), открывая новые смысловые контексты имеющихся обстоятельств места и действия, «рождающих» новые инициативы и новые возможности, реализация которых приводит человека к новому простран-

ству жизненного самоосуществления в условиях новой действительности.

В этой связи становление ментального пространства человека и его жизненного самоосуществления совпадают в интенции движения человека как психологической системы. Движение их можно представить как тенденцию к самораскрытию и саморазвертыванию творческого потенциала человека, сознательный процесс самосовершенствования с целью эффективной самореализации на основе внутренне значимых устремлений и внешних влияний, творчество сегодня по реализации себя будущего с учетом опыта прошлого.

Таким образом, можно констатировать, что образ мира и образ жизни, будучи включенными в одну систему жизнеобеспечения, тенденционально направленную на сохранение ее целостности, удерживают баланс между собой, который определяется отношением динамического равновесия, позволяющим говорить об изменениях в одной из структур без потери гомеостаза в другой.

Е.В. Некрасова отмечает, что в разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит жизнь человека. Объект, по мнению автора, «входит» в образ мира человека в виде ценностных норм, трансформируя его образ жизни, приводя к его изменению. Без жизненного мира как формы события человека в безграничном по возможностям объективном мире не существует для человека ни времени, ни ценностей. Автор указывает, что отсутствие жизненного мира приводит к невозможности развертки жизненного самоосуществления человека, построение же жизненного мира как совершенной формы возможно при наличии образа мира, открывающегося смысла и изменения, осуществляющего деятельность (Некрасова, 2005. С. 23).

Таким образом, именно жизненные «дефициты», фиксируемые образом мира и образом жизни, выводят человека в область возможного, «туда, где его еще нет»; но от того, каков он сейчас, зависит, в какую «точку пространства и времени» и в какой форме он (человек) будет возможен (Мамардашвили, 1997. С. 466) в зависимости от тех усилий, которые человек приложит для того, чтобы «возможность стала действительностью» (Бергсон). Другими сло-

вами, человек вступает во взаимодействие с пространственными структурами, постепенно в процессе взаимодействия увеличивая пространство возможностей, благодаря чему выбор альтернатив будет основан на состоянии системы в момент выхода из режима хаоса за счет изменения внешних условий, а вероятность выбора той или иной альтернативы соотносима с долей времени пребывания в нем. Явление дефицитарности, возникающее в отношениях между образом мира и образом жизни, подразумевает восполнение, вычерпывание необходимого, недостающего, которое сопряжено с вхождением системы в новое состояние, сопровождающееся, как известно, сдвигом, качественным преобразованием, обусловленными новыми отношениями с миром, нежели те, которые были на предыдущем этапе становления. К данным вопросам ученые обращаются не первый десяток лет, упоминая при этом два понятия, описывающих жизненное самоосуществление человека, разворачивающегося на фоне дефицитарности в отношениях между образом мира и образом жизни человека: преодоление и восхождение.

Еще Н.И. Бердяев в работе «О назначении человека» отмечал, что «Человек есть существо, преодолевающее себя и мир. Человек – вечный протестант против действительности» (Бердяев, 2006. С. 325). Признавая человека существом, преодолевающим природу и возвышающимся над ней, автор указывает на неотъемлемое качество человека – его целостность, удержание которой возможно при совмещении двух принципов: принципа свободы и «принципа, определенного тем, что он (человек. – *И.Л.*) есть образ и подобие Божье, Божья идея, Божий замысел, который она (свобода. – *И.Л.*) может осуществить или загубить» (Бердяев, 2006. С. 332–333).

Пьер Тейяр де Шарден эволюцию сознания человека рассматривал как восхождение, открывающее возможность понимания, что ноосфера или мир вообще – это совокупность, осмыслить которую можно только выйдя за пределы души человека. Данная точка зрения открывает перспективы ноогенеза, где время и пространство очеловечиваются, а универсум и личное «возрастают в одном и том же направлении и достигают кульминации друг в друге одновременно» (Шарден, 2002. С. 371–373).

А. Бергсон в работе «Творческая эволюция» рассматривал восхождение как соответствующее внутренней работе созревания и творчества, оно длится (в отличие от нисхождения, которое совершается почти мгновенно как распрямляющаяся пружина), потому что в этом и состоит его сущность, и оно налагает свой ритм на первое (нисхождение. – *И.Л.*), неотделимое от него. Ученый считал, что если обе эти линии свести к третьей, которую он считал основной, появится возможность «понять, не только почему, в каком смысле вещи двигаются в пространстве и во времени, но также и почему существуют пространство и время, почему существует движение, почему существуют вещи». Другими словами, жизнь проявляет себя в каждом акте творчества человека, обнаруживая свои сущностные силы и преумножая их, создавая новое и ломая при этом старые формы и отношения, выступающие основой разнообразных жизненных сценариев, располагающихся в диапазоне «восхождение – преодоление» и реализуемых людьми в процессе жизни.

По мнению Е.В. Некрасовой, в процессе жизни бывшее совершенным снимается более совершенным, человек «восходит» к миру, культуре и к самому себе, за счет чего удерживается целостность психологической системы. Человек, согласуя детерминации «необходимость – возможность – действительность» и «возможность – необходимость – действительность», полагает себя с позиции собственного жизненного мира через реализацию своих целей в предметном мире, в новых предметных формах с новыми временными характеристиками (Некрасова, 2005. С. 23).

Развивая данную точку зрения, мы полагаем, что преодоление и восхождение – это сценарии становления психологической системы в пространстве и времени, характеризующие два типа дефицитарности: преодоление – восполнение необходимого, без которого система не может двигаться дальше (то, что в диссертационном исследовании Е.В. Некрасовой обозначается как актуальная трансспектива, несмотря на употребление термина «восхождение»), и восхождение – восполнение сверхнеобходимого, характеризующего сверхнормативную сущность системы. При этом оба сценария

охватывают диапазон «необходимость – возможность», в котором и разворачивается жизненное самоосуществление человека, предполагая только разную «длительность» (время) и «дальнодействие» (пространство) собственных усилий: реальность складывается быстрее действительности как в онтогенетических процессах становления человека, так и в конкретных актах жизнедеятельности («открытие» смысла и ценности).

Подтверждение данной позиции находим у А. Бергсона, отмечающего, что «достаточно оказаться перед истинной длительностью, чтобы заметить, что она означает творчество и что если то, что разрушается, длится, то это может быть только в силу солидарности его с тем, что создается. Так выявилась бы необходимость непрерывного роста Вселенной, я хочу сказать, роста жизни реального. Тогда мы увидели бы в новом аспекте ту жизнь, что встречаем на поверхности нашей планеты, жизнь, идущую в том же направлении, что и жизнь Вселенной, являющуюся противоположностью материальности».

Кроме этого, второй сценарий предполагает особое «духовное усилие» в виде чувств или «переживаний экзистенции» (Карпинский, 2002. С. 123–128) собственного существования, которые способны облагораживать человека, переводить небытие (возможность) в бытие (действительность). Восхождение представляет собой «потребность творчества, проявляется только там, где творчество возможно. Оно засыпает, если жизнь осуждена на автоматизм; оно пробуждается, как только вновь возникает возможность выбора» (Бергсон). В этой связи можно согласиться с Н.И. Бердяевым, что цель человека – это творческое восхождение. Несомненно, оба сценария отражают сущность жизненного самоосуществления и обеспечивают выход человека в мир реальности и действительности. Учитывая вышеизложенное, можно полагать, что в процессе становления человека отношения между образом мира и образом жизни выступают движущей силой жизненного самоосуществления и «переключают» режим функционирования системы (режим преодоления или режим восхождения), обеспечивая тем самым разворотку процессов жизненного самоосуществления.

Характер режима функционирования самоорганизующейся психологической системы может быть как конструктивным, так и неконструктивным, в зависимости от соответствия режима функционирования условиям и требованиям среды. Эта взаимосвязь среды, создающей обстоятельства жизни человека, и самого человека, способного изменять условия собственной жизнедеятельности, позволяет выбирать оптимальный режим функционирования психологической системы: особым образом организованный человеком процесс жизнедеятельности, способствующий сохранению здоровья, личностному росту и творчеству. Важнейшей системной особенностью выступает, как показали исследования Б.В. Маркова (2004. С. 162), тенденция к оптимизации своего потенциала, характеризующая жизненный путь любого человека. Эта оптимизация считается успешной, если человеку удастся достичь гармоничного развития самореализации во всех жизненно важных для него сферах. Совокупность показателей определяет общую конструктивность (продуктивность и оптимальность) жизненного процесса человека.

Отметим, что жизненное пространство человека – это поле его будущих возможностей, его самоосуществления в пространстве и времени, в его истории жизни, которая еще не состоялась, но частью которой он является. Решающую роль здесь выполняет будущее, выступающее экзистенциальным заказом и удерживающим общую интенцию движения человека в пространстве разнообразных возможностей.

При отсутствии или недостаточной выраженности устойчивости жизненного мира «человек тождествен не всей своей жизни, а лишь ее отрывкам» (Хасаина, 2010). В данном случае можно говорить лишь о совокупности отрывков, представляющих жизненную мозаику, а не драму, поскольку она (жизнь) лишается внутреннего самоощущения. Устойчивость жизненного мира человека позволяет удерживать целостность системы «человек – мир» за счет открытости новым возможностям, которые в процессе деятельности по реализации себя как проекта переходят в действительность.

Таким образом, устойчивость мира человека обеспечивает возможность жизненного самоосуществления проекта своей жизни,

выступающую неотъемлемой характеристикой человека и проявляющуюся в процессах жизненного самоосуществления.

Исследование устойчивости жизненного мира людей, проживающих в динамично развивающихся и депрессивных регионах

Материалы и методы. Выборка исследования представлена двумя группами респондентов: первая группа – респонденты, проживающие в динамично развивающихся регионах, характеризующихся высокой изменчивостью условий жизнедеятельности; вторая группа – респонденты, проживающие в депрессивных регионах, характеризующихся низкой изменчивостью условий жизнедеятельности. К динамично развивающимся населенным пунктам, характеризующимся высокой изменчивостью условий жизнедеятельности, мы отнесли регионы и города, включенные в перечень самых развивающихся и перспективных городов России по результатам рейтингового агентства «VivaReit» (<http://vivareit.ru/samye-razvivayushhiesya-i-perspektivnye-goroda-rossii/>). К депрессивным регионам, характеризующимся низкой изменчивостью условий жизнедеятельности, мы отнесли регионы и города, включенные в перечень Топ-10 депрессивных городов России за последние 3 года (источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ).

Выборка формировалась из представителей этих регионов методом попарного отбора по возрасту, полу, уровню образования, роду деятельности, социальному статусу, что обеспечило их тождественность по нейтральным и контрольным, но отличие по факторной характеристике. Общий объем выборки составил 360 человек, по 180 человек в каждой группе респондентов. В качестве основного исследовательского приема использовалась методика «Изучение устойчивости жизненного мира человека» (Логинова, 2012), позволяющая изучать особенности устойчивости жизненного мира человека в процессе осуществления реальной жизнедеятельности, включающая изучение характера проявления устойчивости жизненного мира. Для анализа полученных эмпирических данных применялись ме-

годы количественной (статистической) и качественной обработки данных исследования (пакет программы STATISTICA 6,0).

Ход исследования. Исследование проводилось в период с 2015 по 2017 год. Распределение респондентов внутри выборки представлено в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Распределение респондентов по параметрам внутри групп

Параметр	Пол		Возраст	Образование			Соц. статус / Род деятельности	
	Жен.	Муж.		Среднее	Ср. спец.	Высшее	Рабочие	Служащие
1-я группа	60%	40%	39,4+5,7	23,9%	34,4%	41,7%	26,1%	73,9%
2-я группа	60%	40%	40,2+5,3	25%	33,9%	41,1%	26,6%	73,4%

Все респонденты дали добровольное информированное согласие на участие в исследовании в соответствии с нормами Локального этического комитета (ЛЭК) КрасГМУ.

Все полученные по методике «Изучение устойчивости жизненного мира человека» данные респондентов двух групп были систематизированы в соответствии с инструкцией и представлены в табл. 2.

Качественный анализ полученных данных у респондентов первой группы свидетельствует:

1. Временной модус описываемых респондентами событий располагается в диапазоне «прошлое – настоящее – будущее». Это подтверждается наличием глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени в текстах респондентов и указывает на непрерывность личностной истории, которая удерживается на протяжении всего текста, определяя перспективы дальнейшего движения.

2. Критерием выбора содержания событий является хронотоп как пространственно-временной континуум реального бытия респондентов, в котором наиболее значимыми выступают события, удерживающие общую линию развития, что может быть связано с целостностью жизненной истории и самоидентичностью респондентов.

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа устойчивости жизненного мира
двух групп респондентов**

Исследуемый параметр	Первая группа	Вторая группа
Временной модус событий	Настоящее–будущее 60%; прошлое–настоящее– будущее 40%	Настоящее 30%; про- шлое 40%; прошлое и настоящее 30%
Соотношение глаголов	Настоящее и будущее в равных долях 60%; про- шлое–настоящее–будущее в равных долях 40%	Настоящее 40%; про- шлое 40%; прошлое- настоящее 20%
Критерий выбора со- держания описываемых событий	Хронологический 30%; топологический 60%; био- графический 10%	Хронологический 20%; топологический 20%; биографический 60%
Общий эмоциональный фон событий	Положительный 60%; нейтральный 30%; отрицательный 10%	Положительный 30%; нейтральный 40%; отрицательный 30%
Значение описываемых событий в жизни	Удержание общей направ- ленности линии развития 50%; не удерживающие общей направленности 30%; начало линии разви- тия 20%	Удержание общей направленности линии развития 20%; не удер- живающие общей направленности 30%; центральная линия раз- вития 20%; завершение линии развития 30%
Отношение к событиям	Ценностное 60%; ответ- ственное 20%; рациональ- ное 20%	Ценностное 15%; отв- етственное 5%; раци- ональное 80%
Непрерывность лич- ностной истории	Удерживается 75%; прояв- ляется на отд. этапах 20%; отсутствует 5%	Удерживается 5%; про- является на отд. этапах 30%; отсутствует 65%
Рефлексивная позиция автора	Целостная рефлексивная позиция 60%; рефлексив- ное отношение ситуативно 25%; отсутствие рефлек- сивного отношения 10%	Целостная рефлексив- ная позиция 10%; ре- флексивное отношение ситуативно 30%; отсут- ствие рефлексивного отношения 60%

3. Доминирует положительный общий эмоциональный фон событий, общая направленность линии развития удерживается у по-

ловины респондентов, что подтверждается и удержанием непрерывности личностной истории у большинства респондентов.

4. Наличие рефлексивного отношения к жизненным событиям, самому себе способствует анализу жизненных условий, трудностей, возникающих в процессах жизнедеятельности, что обеспечивает динамичность изменений в процессе жизни и повышает степень устойчивости жизненного мира респондентов.

Качественный анализ полученных данных у респондентов второй группы свидетельствует:

1. В условиях жизнедеятельности, характеризующихся депрессивными тенденциями, временной модус описываемых респондентами событий располагается в диапазоне «прошлое – настоящее», что подтверждается наличием глаголов настоящего и прошедшего времени в текстах респондентов, и указывает на отсутствие непрерывности личностной истории.

2. Критерием выбора содержания событий является биография респондентов, в которой наиболее значимыми выступают события, характеризующие центральную линию развития, завершение линии развития, а в некоторых случаях – значимые и важные, но не удерживающие общую линию развития, что связывается нами с фрагментарностью, появляющейся в силу особых (кризисных) условий жизнедеятельности.

3. Доминирует нейтральный общий эмоциональный фон событий, общая направленность линии развития удерживается только у 20% респондентов, остальные связывают значимые события жизни с отдельным жизненным этапом.

4. Отсутствие рефлексивного отношения или его ситуативное проявление, несмотря на рациональное отношение к описываемым событиям, затрудняет анализ жизненных условий, трудностей, возникающих в кризисных условиях жизнедеятельности, что не способствует как изменению жизненной ситуации, так и изменению степени устойчивости жизненного мира респондентов.

В ходе исследования выявлено, что у испытуемых второй группы преобладают стагнационный характер проявления устойчивости жизненного мира – у 65% респондентов и неконструктивный –

у 35% респондентов. Стагнационный характер обусловлен, таким образом, организованным человеком процессом жизнедеятельности, который ориентирован на использование ранее сформированных форм взаимодействия с окружающим миром, часто неадекватных условиям настоящей жизненной ситуации. Стагнационный характер проявления устойчивости не способствует продуктивному и оптимальному жизненному самоосуществлению. У испытуемых отсутствуют ценностное отношение к жизни, перспективы дальнейшего развития, возможность адекватно оценивать собственные жизненные дефициты.

Неконструктивный характер обуславливает процесс жизнедеятельности человека, который не способствует сохранению здоровья, личностному росту и творчеству (Логина, 2011). У испытуемых утрачиваются цели и смысл жизнедеятельности, отсутствует равновесие между реальностью и желаемой гармонией.

В первой группе испытуемых преобладает конструктивный характер проявления устойчивости жизненного мира – 65%, стагнационный характер – 5% и неконструктивный характер устойчивости – 30% респондентов. Конструктивный характер характеризует особым образом организованный человеком процесс жизнедеятельности, способствующий сохранению здоровья, личностному росту и творчеству, отражает тенденцию к оптимизации своего потенциала, гармоничному самоосуществлению во всех жизненно важных для него сферах.

Таким образом, показатели респондентов первой группы указывают на преобладание конструктивного характера проявления устойчивости жизненного мира, способствующего сохранению здоровья и способствующего оптимизации собственного потенциала. В данных условиях жизнедеятельности представители данной группы имеют возможность апробировать различные способы взаимодействия с миром, осуществлять выбор наиболее адекватного способа жизнедеятельности, что позитивно сказывается на устойчивости жизненного мира и успешности жизнедеятельности. Можно полагать, что устойчивость этих респондентов в условиях неустойчивости жизненной ситуации определяется динамично-

стью психологической системы, способной к изменениям таким образом, что факторы неустойчивости обращаются на пользу системы, выступая отправными точками (само)изменения. Ранее нами было показано, что большая устойчивость жизненного мира, проявляющаяся в способности к взаимодействию с миром на основе имеющейся готовности к изменениям под влиянием обстоятельств и выработанных форм взаимодействия с миром, которые человек изменяет под влиянием обстоятельств, получая взамен возможность отвечать на «вызовы» жизненного мира, обретается с расширением ценностно-смысловых пространств жизненного самоосуществления (Логинава, 2010).

Показатели респондентов второй группы свидетельствуют о наличии и использовании ранее сформированных форм взаимодействия с окружающим миром, часто неадекватных условиям настоящей жизненной ситуации. Можно полагать, что в трудных условиях жизнедеятельности представители данной группы не могут отступить от имеющихся способов взаимодействия с миром, затрудняются адекватно оценить ситуацию, действуют неконструктивно, демонстрируя низкую степень устойчивости жизненного мира.

Различия между данными группами позволяют предположить, что в динамично изменяющихся условиях жизнедеятельности степень устойчивости жизненного мира людей характеризуется определенным образом: преобладает конструктивный характер проявления устойчивости жизненного мира, способствующий сохранению здоровья, личностному росту и творчеству. Совокупность этих показателей определяет общую конструктивность (продуктивность и оптимальность) жизненного процесса человека.

Литература

- Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука. М., 1994. С. 229–243.
- Белокопытов Ю.Н. Фрактально-синергетический образ нелинейного мира // Мир психологии. 2003. № 4. С. 116–132.
- Бергсон А. Творческая эволюция. URL: <http://www.philosophy.ru/berg/5.html>

- Бердяев Н. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 637 с.
- Вахромов Е.Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М. : Междунар. педагог. академия, 2001. 162 с.
- Выготский Л.С. Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо, 2005. 1136 с.
- Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Самореализация личности: системный взгляд / под ред. Г.В. Залевского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 154 с.
- Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности : дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 299 с.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук // Собр. соч. : в 3 т. М. : Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1974. Т. 3.
- Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : ИМАТОН-М, 2000. 93 с.
- Знаков В.В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М. : ИП РАН, 2004. 384 с.
- Карпинский К.В. Психология жизненного пути личности. Гродно, 2002. 167 с.
- Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 372 с.
- Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
- Ключко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8. С. 10–23.
- Красноярцева О.М. Особенности профессионального мышления в условиях психодиагностической деятельности. Барнаул, 1998. 114 с.
- Красноярцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности (на материале педагогического труда) : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997. 341 с.
- Левин К. Динамическая психология. М. : Смысл, 2001. 572 с.
- Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2001. 511 с.
- Логинова И.О. Исследование устойчивости жизненного мира человека в процессе самоосуществления // Психология обучения. 2010. № 2. С. 4–22.
- Логинова И.О. Особенности устойчивости жизненного мира человека в кризисных условиях жизнедеятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 2. С. 21–26.

- Логинова И.О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 18–28.
- Мамардашвили М.К. Необходимость себя / Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М. : Лабиринт, 1996. 432 с.
- Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути (М. Пруст «В поисках утраченного времени») / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1997. 570 с.
- Марков Б.В. Дуальность природы человека. 2004. URL: <http://antropology.ru/ru/texts/markov/dual.html>
- Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 47 с.
- Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М. : Смысл, 2002. 462 с.
- Роджерс К. Клиентоцентрированный / человекоцентрированный подход к терапии / пер. с англ. Э. Матюхиной, А. Орлова, А. Шевелевой // Московский психотерапевтический журнал. 1998. № 4.
- Серкин В.П. Структура и функции образа мира в практической деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 356 с.
- Хасаина З.М. О специфике «современного человека» // Человек: соотношение национального и общечеловеческого : сб. материалов междунар. симп. 2010. URL: www.edit.muh.ru/content/mag/jour3.php?link=po022010
- Ходжабагиянц Т.Г. Динамические характеристики ментального пространства человека и их проявление в процессах вхождения в инокультурную среду : автореф. ... канд. психол. наук. Томск, 2007. 26 с.
- Четошников Е.В. Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления : автореф. ... канд. психол. наук. Томск, 2008. 23 с.
- Шарден П.Т. Феномен человека // Феномен человека : сб. очерков и эссе / пер. с фр. ; сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. М. : АСТ, 2002. С. 24–493.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Klochko V.E. Modern Psychology: Systems Meaning of a Paradigm Shift // Psychology in Russia: State of the Art / ed. by Y. Zinchenko, V. Petrenko. Moscow : Department of Psychology MSU & IGSOCIN, 2008. P. 25–40.

Глава 3. Проблема аутентификации. Необходимость психологии подлинности

О.В. Лукьянов

На высоком уровне обобщения проблематику дискуссий конца XX и начала XXI века о роли и месте психологии в жизни современного человека можно свести к идее парадигмального сдвига. В контексте данной публикации парадигмальный сдвиг можно определить как необходимость искать новые методы и подходы для принятия и согласования несовместимых по своей природе и происхождению ценностей (Берлин, 2014). Ограничим понятие парадигмы проблемой согласования противоречащих друг другу ценностей. Мы не пишем работу по истории психологии, поэтому имеет смысл сосредоточиться на тех смысловых аспектах, которые важны в данной работе. В процессе рефлексии парадигмального сдвига фиксировалась тенденция изменения не только предмета психологии. Определять предмет психологии как психику и психические процессы было уже невозможно, в том числе и потому, что антиномия субъекта и объекта уже не обладала объяснительной достаточностью не только в гуманитарных, но и в естественных науках, внимание акцентировалось на роли контекста, на условии присутствия наблюдателя. Дискуссии велись о тенденциях изменения психологической методологии. Из аналитической психология становилась в большей степени проективной.

Парадигмальный сдвиг воплотился в возникновении ряда новых методологических подходов. На факультете психологии Томского государственного университета возникли два методологических подхода, отвечающих этому тренду: постметодология В.И. Кабрина (Кабрин, 2014) и Системно-антропологическая психология В.И. Ключко (Ключко, 2015). Эти подходы претендовали на нередуктивное восприятие психологической природы человека. Предполагая различные модусы развития психологии в соответ-

ствии с развитием человека и человечества, актуализировалась душевная устойчивость человека в изменениях, что требовало введения новых категорий и новых типов психологических отношений, связей. Категориальный аппарат названных подходов представлен в публикациях авторов.

В общенаучном отношении тенденция парадигмального сдвига воплотилась в актуализации конструкта самоидентичности, который широко употреблялся во всех науках о человеке для объяснения многомерности, относительности, потенциальности психологических явлений (Барышев, Лукьянов, 2017). Психология самоидентичности «росла» очень быстро, но еще быстрее она была воспринята в области разработки средств коммуникации (сетевые взаимодействия) и практически перестала быть психологией после того, как появился так называемый креативный класс – поколение людей, самостоятельно фиксирующих свою идентичность и легализующих ее в ими же создаваемом мире. Позволяя себе вольности метафорического языка, можно сказать, что психология самоидентичности была растлена и проституирована политиками, эксплуатирующими ее наивность, красоту, молодость и привлекательность в корыстных целях.

Не располагая основаниями для исторического и методологического анализа эпохи проституирования психологии самоидентичности, отметим, что методологический сдвиг привел психологию (и не только ее) к сдвигу аксиологическому, т.е. от проблемы согласования противоречащих ценностей мы перешли к проблеме генерирования ценностей. И если методологический сдвиг подразумевал идентичность как объяснительную категорию, хоть и гибкую, но достаточно реальную и устойчивую, то аксиологический сдвиг подразумевает идентичность в качестве товара, разменной монеты, средства конвертации ценностей (Барышев, Лукьянов, 2017). И это воплощается в изменении различных сфер человеческой жизни. Для понимания психологии, как нам кажется, важнейшими изменениями следует считать изменения в экономической деятельности и экономических отношениях.

Аксиологический сдвиг

Аксиологический сдвиг по отношению к психологии, кроме всего прочего, состоит в следующем: когда для поддержания жизни людям было необходимо встретиться лицом к лицу, а для этого, в свою очередь, пройти достаточно продолжительный путь, психология имела одни смыслы и миссии. Сегодня, когда наш мир наполнен различными посредниками в виде технологий и политик, смысл и миссия психологии изменяются и требуют не только рефлексии, как это было в эпоху НТР, не только идентификации, как это было в эпоху гуманизма, но и аутентификации, актуализируемой эпохой цифровизации/сетевизации. Современный человек может не встречаться с Другим. Ему может казаться, что достаточно иметь дело с «интерфейсом», посредником, сетью. В качестве примера можно заметить, что многие люди на полном серьезе считают, что социальные сети – это способ общения, взаимодействия между людьми. Постепенно становится очевидно, что социальные сети – это не взаимодействие людей. В лучшем случае это «взаимодействие» человека с самим собой. Как и дистанционное образование, которое направлено на самообразование, но не на взаимодействие с Другим и поэтому не является образованием в полном смысле слова, а является «информационной средой», в большей степени обеспечивающей отбор и, в меньшей степени, собственно, образование (образование смыслов, качеств, отношений и т.п.).

Высокие технологии

Сегодня можно констатировать воплощение гипотез и интуиций ученых по поводу проблематики идентичности, интенсивно изучавшейся на рубеже XX и XXI веков. Тогда идентичность предполагалась основанием для пониманий и объяснений многих аспектов человеческого существования. Это воплощалось, кроме всего прочего, в популярности таких конструктов, как самоорганизация, саморазвитие, саморегуляция, самоактуализация и пр. Эти

гипотезы сегодня воплотились в особого рода технологиях. С одной стороны, эти технологии порождаются человеком и воспроизводят человека, с другой – отчуждают человека от источников жизни и ресурсов, делают его присутствие отстраненным, опосредованным. Наша эпоха «позволила» человеку самому творить свою идентичность. И, как всякая новая степень свободы, свобода творить свою идентичность (эту свободу провозглашает так называемый креативный класс) предъявила цену: мы сталкиваемся с новыми психологическими контекстами, не укладывающимися в традиционные категории адаптации, активности, взаимодействия, предпринимательства, собственности и пр.

Среди новых психологических контекстов выделим несколько в качестве примеров:

- имитационная экономика – бюрократические системы и акторы экономики заняты имитированием результативности, эффективности, полезности, поскольку это оказывается выгоднее, чем обеспечение действительной результативности, эффективности и полезности;

- экономика внимания – внимание к товару или производству привлекается не достоинствами произведения, а технологиями вовлечения людей в информационные каналы;

- цензура посредственности – то, что не проходит через фильтры технологий вовлечения, становится трудно доступным;

- заполнение пространства различного рода фэйками и т.п.

В современном мире психологический акт «уменьшился» от масштаба взаимодействия с миром до масштаба привлечения внимания к сообщению (просмотра). Временное внимание сегодня важнее устойчивой действительности. Парадоксы масштабируемости удивительны. С одной стороны, речь о вечности воспринимается как мистика, религиозная агитация или абстракция, поскольку реально доступным считается только ближайший горизонт контроля, с другой стороны, ценности, смыслы, счастье, измеряются тестами для больших групп людей и географических регионов, превращаясь в абстрактные параметры.

Имитационная активность сегодня выгоднее действительной компетенции, рейтинг доверия важнее доказательств, и, как след-

ствие, сегодня многие люди и многие организации «ищут» свою идентичность не в мире, а в технологиях и технологических продуктах. Поиск идентичности – само по себе опасное занятие, но еще опаснее имитация идентичности. Опасность имитации идентичности состоит в том, что она нарушает связь с реальностью, имитационность накапливает специфическое напряжение, которое разрешается только катастрофой, ведь имитацию нельзя «вылечить», ее можно только «похоронить». В качестве примера можно привести ставшие сегодня нормальной частью общественной жизни и даже социальной технологией банкротства (причем не только и не столько экономические банкротства, но и социальные, культурные, психологические), скандалы и политически ангажированные каналы СМИ.

Роль психологии в жизни человека

Психологию среди других наук, кроме всего прочего, всегда отличало опережение текущего, обыденного времени. Будучи тем, что соединяет различные уровни и порядки организации жизни, психология открывает в гипотетических формах то, что со временем становится объективированными концепциями, технологиями и нормами. Психология догадывается о достоинствах природы, пока другие науки допытываются у природы доказательств ее (природы) уязвимости, доступности. Психология бывает слабее других наук по части доказательств, но достаточно сильна по части интерпретаций и полезных гипотез, поскольку имеет непосредственный контакт с тем, что делает человека человеком. Можно вспомнить афоризм Григория Сковороды о том, что такое душа. Он говорил, что душа – это то, без чего дерево – дрова, трава – сено, а человек – труп. По аналогии с его мыслью можно сказать, что психология – это то, без чего речь – болтовня, жизнь – товар, а человек – дурак. И, как это ни странно, у современного человека часто нет доступа к действительной психологии. В цифровую эпоху, в эпоху прямого доступа людей друг к другу через социальные сети, наивный, интересующийся психологией человек попадает в

лабиринты производных от психологии фикций и не имеет доступа к первоисточникам. Не потому, что их нет, а потому, что он их не видит, не читает, не понимает, не принимает всерьез. Зачем? Ведь есть «специально для него» приготовленные суррогаты.

Долгое время смысл психологической деятельности в комплексных исследованиях человека состоял в решении проблемы посредничества, медиации между различными формами жизни, уровнями организации и парадигмами деятельности. С развитием новых технологий, в том числе технологий, трансформирующих повседневную реальность человека из технологической в сетевую (цифровую), меняется и роль психологии в отношении комплексности или целостности понимания человека.

Прежде всего, следует осознать, что психология сегодня перестает быть посредником, медиатором, поскольку теряет в некоторых областях необходимую для этого сакральность, растворяется в сфере профанного знания и перестает быть источником полезных гипотез. На роль посредников сегодня претендует креативный класс в лице менеджеров, маркетологов, экспертов, управленцев, дизайнеров, политиков и пр.

1. Психология перестает быть посредником, медиатором, соединением людей, процессов и уровней организации. Сегодня эта роль принадлежит политикам. Политики бывают очень разного масштаба, особенно много мелких политиков. В качестве примера можно привести такую фантомную и очень популярную роль, как менеджер по персоналу, к которой сегодня без юмора и часто без критики относятся на самых разных уровнях, начиная от студентов и заканчивая руководителями организаций. Как будто можно управлять персоналом, не управляя при этом организацией в целом.

2. Психология перестает быть посредником, уступая эту роль так называемому искусственному интеллекту, который пока, конечно, никаким интеллектом не является, а представляет собой неупорядоченную, но постоянно перемешивающуюся свалку нарративов, так называемые интерпретативные петли. Описания и самоописания продуцируются в различных формах, в том числе в

форме видеосообщений, дистанционных курсов, вебинаров, онлайн-консультаций, справочно-поисковых систем и пр. И без критики воспринимаются версии о замене человека роботами. При этом почему-то исключается из обсуждения проблема обслуживания роботов. «Искусственный интеллект» требует обслуживания в не меньшей степени, чем интеллект натуральный.

3. Психология перестает быть посредником, поскольку выделяется в отдельное научное направление, уступая роль интегратора и предпочитая «торговать» отдельными элементами. Это приводит к тому, что психология становится интересна только представителям своего же направления, что не отменяет возможности использования психологических шедевров в качестве предмета обмена и конвертации средств в других направлениях деятельности.

Возможно, имеют место и другие тенденции потери психологией своей традиционной роли. Но перейдем к осознанию того, чем сегодня психология является и в чем ее специфика.

1. Психологии принадлежит приоритет в решении проблем интерпретации свободного человеческого поведения и свободной человеческой активности. И в исследованиях индекса счастья, и в критериях оценки эффективности региональных руководителей, и в области изучения мотивации сегодня используются субъективные критерии оценки, такие как удовлетворенность (жизнью), свобода выбора, доступность самореализации и т.д. То есть сегодня актуальны рефлексивные данные, требующие психологической интерпретации и при формулировании вопроса, и при принятии к сведению ответа.

2. Психологии принадлежит приоритет в интерпретации процессов и механизмов идентификации. Сегодня говорят о креативном классе, креативном работнике, аттрактивности (способности индивидуума к реализации себя посредством чувствительности к изменяющимся условиям), Soft skills и т.д., что подразумевает не наследуемую или институализированную идентичность, а идентичность, создаваемую индивидуумом в создаваемом и поддерживаемом им же самим мире (например, как в случае с творческими субкультурами).

3. Но самое важное для современной психологии – это удержание фронта борьбы с имитационностью, фиктивностью, извращенностью (издевательством над смыслом). К сожалению, именно этот аспект сегодня в наименьшей степени рефлексивируется и обсуждается, вероятно, потому, что мы все в этом преступлении «замешаны».

Многие люди, и психологи в том числе, считают, что для достижения успеха вполне можно вложить часть средств и усилий в создание «персонального имиджа», «персонального бренда», «персонального рейтинга» и т.д., если это быстро конвертируется в доход. Эта идея продолжает характерную для капитализма норму – нормальность конкуренции. Привлечение внимания к продукту не считается обманом, поскольку это считается просто капитализмом. Но если психология санкционирует безразличие к специфике подлинности и фальсификации, то она совсем перестает быть наукой и становится средством экономики внимания.

Лично мне чрезвычайно неприятна современная норма публикации в социальных сетях текущих «личных достижений», откровенно работающая на формирование личного канала внимания, вербовку клиентов, слушателей, почитателей и пр., на зарабатывание денег посредством популяризации самих себя. Это явление можно квалифицировать как социально одобряемый способ доминирования через «бомбежку» своим присутствием в социальных сетях. Психологически это означает, что человек сам себе делегировал право создания своей истории. И теперь, вполне возможно, что нагловатый болтун, на свой манер пересказывающий прочитанные им книжки, может стать блоггером с большим числом прочтений и «авторитетом» от самого себя. Не говоря уже о доминировании посредственности и спекуляции в «открытом эфире». И массовость этого явления вытесняет из социальных сетей взаимодействия, которые могли бы быть нормальными и полезными. Сегодня сам человек, индивид должен обеспечить критику открытой информации. Это добавляет смыслов ответственности, в том числе в области психологии восприятия.

Проблема аутентификации идентичности

Идентичность сегодня является основанием для мотивации и активности человека. Но идентичность может быть ложной, фиктивной, смущенной, деструктивной. Идентичность не может выступать гарантом верности, адекватности, ответственности. В ситуации плюрализма идентификаций необходимо проверять ситуацию, среду взаимодействия на подлинность, «вынося за скобки» декларируемые идентичности. Сегодня множество людей объявляют себя экспертами, консультантами, терапевтами, тренерами и т.д., утверждая, что они делают что-то полезное и их действия приводят к полезному результату. Не говоря уже об авторах «научных» статей, считающих, что они что-то действительно полезное написали, а на самом деле просто выполняющих требования по публикационной активности. Люди сами себя объявляют успешными, творческими, свободными, любящими и т.д., упуская, что эти претензии требуют проверки, легализации Другими. И творчество своей идентичности, так называемое жизнетворчество, нельзя запретить, это ведь важное достижение нашей эпохи. Но и верить самопровозглашаемым идентичностям безоговорочно тоже нельзя.

Сегодня мы непосредственно переживаем положение М. Хайдеггера о том, что ложь бытия первична. Бытие человека изначально лживо и неподлинно. Чтобы жизнь, действие стали подлинными, необходимо специфическое усилие, подразумевающее принятие действительности в целостности присутствия. Это усилие мы и называем аутентификацией.

Сегодня в литературе и кинематографе популярны специфические персонажи – аутентификаторы. Их изображают в различных социальных ролях: ученых, врачей, детективов, политиков и пр. Например, персонаж британского актера Хью Лори доктор Хаус из одноименного сериала. Доктор Грегори Хаус – не только высокого класса профессионал, он еще особым образом не равнодушен к подлинности. Утверждая, что «все врут», он все время приводит и себя и других к подлинности, к действительности. Кстати, интересно замечание Хью Лори о том, что за изображение врача он по-

лучал больше денег, чем его отец, который действительно был врачом. И сегодня это не только недоразумение, но и социальная закономерность – за изображение кого-то или чего-то действительно можно получать больше денег, чем за настоящую работу.

В информационных системах аутентификация понимается как проверка на подлинность идентификатора пользователя (логина), сегодня, как правило, посредством сопоставления его с паролем, т.е. с символическим идентификатором. Аутентификация в техническом отношении – это усилие в подтверждении того, что заявитель действительно тот, за кого себя выдает, и что он идентифицирует себя адекватными средствами.

В более широком психологическом контексте аутентификация – это проверка на соответствие существований всех участников диалога. В виде модели это можно выразить, опираясь на концепцию речевого метода О. Розенштока-Хюсси (Розеншток-Хюсси, 1994).

По О. Розенштоку-Хюсси, речь, диалог – это способ устанавливать мир. Мы все время устанавливаем мир, включаясь в реальность диалога, речи, языка. Здоровье языка обеспечивает здоровье человека как существа психологического и социального. Подлинная речь характеризуется тем, что в ней происходит организованная смена ролей: говорящий, слушающий, предмет речи. Так, например, психотерапевт говорит, потом слушает, потом является предметом обсуждения. Аналогично и клиент, и даже проблема, над которой они работают, иногда «говорит», а иногда «слушает». Но если роли не меняются (один только говорит, а другой только слушает), меняются не организованно, то речь не подлинная, а значит, и существование в данном случае тоже не полноценно.

Без аутентификации ничему нельзя верить. А если учесть, что в психологическом смысле ничто не остается тем же самым при повторении, то необходимость аутентификации как модуса психологической активности становится очевидной. Но технические формы аутентификации «привязаны» к контексту, к ситуации, они устаревают. Так, экзаменационный тест работает только один раз, в одном поколении студентов. После того, как одно поколение сдаст экзамен и получит обратную связь, этот тест станет просто

тематическим контентом и следующее поколение студентов, не задумываясь над ним, просто найдет его в Сети.

Если рассматривать проблему аутентификации как формирование психологической установки, то можно определить ее как выявление протоидентичности, базальное соответствие, по В.Е. Ключко, и формирование установки к такому усилию должно опираться на науку. Поэтому необходима психология аутентификации, логическое развитие психологии идентичности. Психология аутентификации актуальна на разных уровнях организации жизни, где имеют место человеческая свобода и необходимость, сохраняя свободу обеспечивать безопасность.

В общем виде, в версии 2017 года, психология аутентификации могла бы выглядеть так, как представлено в таблице.

Необходимой характеристикой психологии аутентификации является следование принципу соответствия объективного и субъективного – принцип эмпирического обобщения В. Вернадского. Поэтому, определяя объекты психологического исследования, мы обобщенно называем их экономиками. Так называемые управленцы определяют объект своей деятельности как «политики», вероятно, имея в виду, что главным типом связи между людьми является насилие. В этой связи логично, если психологи определяют свои объекты как экономика, подразумевая, что главный тип связи между людьми – ненасильственное принуждение.

Говоря о психологии в целом, мы, конечно, должны понимать, что конкретные люди и группы, вовлеченные в то, что мы называем психологией, занимаются своими конкретными делами и пространствами. Но, будучи вовлечены в конкретное дело, мы отождествляемся с делом общим и общим пространством. Так мы переживаем любовь к Родине, сохраняя память о Малой Родине. Открываясь модному сегодня тренду трансфессиональности в принципе, мы обязаны быть высокопрофессиональными в конкретном своем деле, в конкретной ситуации.

Что же сегодня должны делать психологи, занимаясь своими частными предметами? Кстати, сегодня многие факультеты нашего университета задумываются над вопросами: Кто они? Зачем они учат студентов? При этом следует учитывать так называемый Закон Гардинера: «85% людей любой специальности некомпетентны».

Порядки психологии аутентификации

Порядок ценностей	Объекты (проблемы)	Предметы	Методы	Гипотезы
Ценности объективации, предельности. Ценности свободы покоя	Имитационная экономика (Экономика критериев)	Целостность, достаточность	Соответствие смыслов, проявлений в рефлексии участников диалога	В основе человеческого благополучия лежит аутентичная речь
Ценности взаимоотношений. Ценности свободы творчества	Сетевая экономика (Экономика доступов)	Соответствия явлений и символов (Идентификация)	Анализ взаимодействий, интеракций	Идентичность – это процесс, обусловленный качеством социальных связей (социальным капиталом)
Ценности индивидуализации. Ценности индивидуальной свободы и предпринимательства	Экономика внимания (Экономика доверия)	Свидетельства и основания (Мотивация)	Анализ связей и разрывов между усилиями и результатами	Поведение человека объясняет качество мотивации
Ценности благополучия, прогресса. Ценности свободы накапливать благосостояние	Экономика креативности (Экономика предпочтений)	Уникальность, самобытность, эффективность (Одаренность)	Анализ индивидуального интеллекта и индивидуальных стратегий научения	Успешность обучения и развития обеспечивается индивидуальным талантом в качестве основания
Ценности прогнозирования. Ценности свободы предполагать и планировать	Экономика принуждения (Политическая экономика)	Факторы воздействия (Детерминация)	Лонгитюды, в том числе посредством анализа больших данных	Отношения людей обусловлены унаследованными принадлежностями к этносу, полу, типу (генотипу)
Ценности спонтанности. Ценности свободы обновления	Экономика призвания (Экономика образования)	Сильные метафоры (Личностный потенциал)	Мониторинг казусов (например, юмора)	Прошлое не определяет то, что происходит в настоящем и будущем

Мы должны понимать, что выпускники университета только на 15% могут соответствовать заявляемым компетенциям, а все остальное – это фоновые, т.е. психологические характеристики. Что же должны делать люди, в большинстве своем мало знающие о своем предмете?

На самом обобщенном уровне психологи сегодня – это люди, способные проверить на подлинность результат основанной на свободе человеческой активности. Метафорически можно сказать, что психологи – это люди, помогающие сказать своевременное «Да» и своевременное «Нет». В категориях экономики психологи – это агенты недоверия императивам безразличия к подлинности и императивам безграничного принятия имитаций.

Пусть будет «ДА», если в самом деле «ДА», и «НЕТ», если в самом деле «НЕТ».

Программа исследований психологии аутентификации

Развернем представленную нами таблицу более подробно, представляя возможные исследовательские перспективы по отношению к разным типам объектов и гипотез.

Имитационная экономика – это объект (проблема) психологических исследований. В силу того, что виртуальная реальность заняла достаточно большое место в повседневности людей, выживаемость акторов взаимодействия, совершенствующихся в области имитации деятельности, жизни, компетентности и пр., в короткие периоды сильно возросла. И даже более того, теперь все вынуждены «мимикрировать» в эту сторону, даже те, кто занимаются вполне реальной деятельностью. Если бы мы писали эту работу в соавторстве с экономистом, то, я надеюсь, были бы приведены достаточные основания и описания реальности имитационной экономики. Со своей стороны могу привести психологический довод. Сегодня никому не надо доказывать реальность имитационной экономики. В имитационную активность вовлечены все. Участвуя в работе различных творческих коллективов нашего университета, я встречал мгновенное понимание этого явления со стороны самых

разных специалистов. Ученые имитируют научную деятельность, занимаясь увеличением своего персонального индекса цитирования, руководители исследовательских групп уделяют большое внимание имитации при участии в конкурсах на финансирование проектов, сотрудники административного аппарата организаций постоянно имитируют деятельность в отчетах. И дело не в том, что все хотят имитировать деятельность. Дело в том, что имитация выгоднее и в ситуации конкуренции за ресурсы необходима. Имитация доступнее, быстрее, техничнее в производстве и т.д.

Что в имитационной экономике психологического? Предмет. Ж. Прудон писал, что всякая собственность в своей основе – кража. Это утверждение, резковатое в правовом и историческом смысле, верно в смысле психологическом. Для того чтобы определить, что является психологическим предметом имитационной экономики, нам достаточно определить, что «крадется» (умалчивается) в легализации этого типа взаимодействия. Имитационная экономика «торгует» скраденной (скрытой) целостностью, достаточностью. Имитационная экономика – это психологическая инфляция целостности. На основании того, что деньги, прибыль кажутся реальными, допускается необязательность целостности жизни. Учитывая, что человеческая жизнь изначально не целостная, не подлинная, не настоящая и требует специфического усилия для того, чтобы быть настоящей, имитационная экономика «держится» на допущении о необязательности этого усилия. «Освободив» человека от необходимости усилия в аутентификации жизни, имитационная экономика превращает человека в потребителя.

Появление этого аспекта неаутентичности жизни актуализирует методы психологии аутентификации в сфере ценностей свободы покоя – это методы экспликации смысловых соответствий в рефлексии акторов (участников) взаимодействия. Генерализованной гипотезой этой области исследований является гипотеза о том, что в основе человеческого благополучия лежит аутентичная речь.

Сетевая экономика – объект (проблема) психологии аутентификации. Психологический смысл сетевой экономики – это взаимодействие на основе текущих предпочтений. Участники взаимо-

действия могут выбирать себе партнеров и предметы посредством быстрых средств коммуникации (сетей). По отношению к предыдущим эпохам снижаются издержки на установление контактов. Теперь достаточно написать сообщение или принять приглашение и «процесс договора пошел». Но появляются новые издержки. Возникает борьба за доступ, за вероятность того, что предпочтение будет оказано тому, кто доступнее. Точнее борьба за то, чье сообщение окажется доступнее. Для этого генерируются каналы соответствий ожиданий и обещаний, создаются специальные идентичности. Сегодня мало создать содержание (производить продукт), мало создать образ (упаковку), надо еще создать канал соответствия (сеть взаимоотношений). Поэтому обобщенным методом психологического исследования является анализ интеракций. Что в этом случае представляет собой аутентификация? Это уточнение гипотезы о том, что идентичность является следствием интеракций, социальных связей.

Экономика внимания – вероятно, самый актуальный объект психологии аутентификации. Более точно в психологическом смысле этот модус современности стоило бы назвать экономикой доверия. В ситуации избытка сообщений и давления презентаций, рассчитанных на повышение рейтинга издателя, недоверие к источнику возрастает. В техническом смысле для повышения уровня доверия достаточно генерировать сообщения, комплементарные ожиданиям потребителя. Эту проблему рассматривал еще Гарольд Гарфинкель в экспериментах по изучению повседневных взаимодействий и фоновых ожиданий. В ответ на ожидания потребителя ответы эксперта «Да» или «Нет» не имеют решающего значения. Потребитель все равно использует эти сообщения в качестве подтверждения своих фоновых ожиданий. Аутентификация в этом контексте представляет собой изучение связей и разрывов между усилиями и результатами. Сегодня в этой области интенсивно изучаются мотивация и качество жизни, а также экономическое поведение.

Экономика креативности. Как уже говорилось выше, сегодня модусу креативности уделяется большое значение, с креативностью связаны надежды на выживание в новой эпохе. Фиксируется

даже появление креативного класса – людей, идентифицирующих себя с миром, ими самими создаваемым; людей, живущих сгенерированными, а не унаследованными ценностями; людей, лишенных многих аспектов стыда, характерных для человека предыдущих эпох. Психологически проблематика креативности тесно связана с индивидуальной организацией жизни: с уникальностью, самобытностью и эффективностью личности. Упрощая проблему креативности, можно определить ее как психологическую индивидуализацию пространства произведений человечества. Креативность – это не творчество, если определять творчество как творение из ничего, а цитирование и компилирование, индивидуальное прочтение и индивидуальное представление, дизайн. Аутентифицировать этот уровень организации человеческой жизни можно на основании индивидуальных стратегий. Среди них могут быть стратегии восприятия, стратегии научения, стратегии избирательности и т.п. Это проблематика индивидуального интеллекта. Генерализованной общепсихологической гипотезой на этом уровне исследований может служить предположение, что индивидуальный талант является основой для индивидуальной активности развития, познания.

Экономика призвания/принуждения. Чем дальше мы отходим в идентификации психологических объектов от целостности жизни, тем ближе подходим к генерализованным формам знания, включая обобщения больших данных. На уровне психологии как модуса естественных законов существования психология превращается в экономику принуждения. Понимание и выявление факторов детерминации требует определенности в длительности, в некотором временном периоде, поэтому основным методом здесь является лонгитюд. Аутентификация причинности связана с вероятностью повторения, в идеале с закономерностью. И если такие закономерности обнаруживаются, то мы вправе предполагать, что отношения людей обусловлены их индивидуальной конституцией – генотипом, полом, этносом и пр., но эти обусловленности необходимо психологически эксплицитировать.

Экономика знаний. Несмотря на увеличивающееся количество технических прорывов и теоретических моделей, не теряет своего

напряжения дискуссия о том, является ли психология естественной (т.е. в подлинном смысле слова наукой) или психология – это что-то не вполне научное, а на грани с искусством или форма междисциплинарности. В контексте популярного сегодня допущения о методологическом плюрализме следует признать необходимость идентификации психологии на разных уровнях рефлексии, в том числе и в качестве естественной науки. Но важно, не потерять специфику психологии, редуцируя ее до «психометрии», «психонетики» или какого-нибудь «-изма».

Самый естественный аспект психологии – это знания. И речь идет не только о знаниях, приобретаемых и воспроизводящихся в онтогенезе, но и о знаниях, воспроизводящихся в филогенезе. Провозглашаемая сегодня экономика знаний – это психология естественности в новых современных обстоятельствах. Генерализованным предметом в экономике знаний, вероятно, следует считать личностный потенциал (Леонтьев, 2011). Именно он, по версии современных ученых, опосредует психологические явления. Методом аутентификации экономики знаний являются мониторинги. И не только мониторинги процессов, но и мониторинги казусов. Эти исследования исходят из предположения, что прошлое не всегда определяет то, что происходит в настоящем и будущем, что человеку свойственна изменчивость по типу проб и ошибок, как это видится в природе растений и животных.

И снова об аксиологическом сдвиге

Мы живем в мире, в котором меняются качества и степени человеческой свободы на фоне уменьшения надежности, достоверности, объективности сообщений. Сегодня психологические трудности связаны с неспособностью быть настоящим на «длинных дистанциях». Я могу быть «хорошим» собеседником для другого человека именно потому, что мы с ним не живем долго вместе. При увеличении времени взаимодействия я могу потерять свои качества и стать гораздо менее реальным собеседником. Я восхищаюсь определенными местами в стране, но с трудом могу понять:

нравится ли мне эта страна в целом. Мы становимся более свободны и точны в отдельных действиях и все более растерянны в целом. Что такое психология вообще, сегодня никому не известно, но у каждого есть свое мнение на счет психологии в конкретной ситуации.

Сегодня психология призвана не просто согласовывать различные по своей природе ценности. Например, ценности вида и ценности индивида. Сегодня психология призвана уничтожать патологические ценности в масштабе отдельного ума (воспитание, терапия) и в масштабе коллективной жизни (экономика). И «психологи», зарабатывающие на размножении патологических ценностей, а сетевая реальность пока предоставляет для них большие возможности, должны быть идентифицированы и получить свое, желательно, позорное имя.

Психологические исследования теряют свою реальную ценность, если исследователи не интерпретируют полученные ими данные в контексте аксиологического сдвига. Сегодня свобода человека преодолела барьер личного пространства. Борьба за личную свободу – это контекст революций прошлого века. Если раньше человек имел право поверить в иллюзию, то сегодня, благодаря высоким и информационным технологиям, отдельный человек имеет право принуждать других поверить в свою иллюзию. И это не искусство, как это было до эпохи информационных сетей. Сегодня принуждение людей к иллюзии – это информационная сетевая технология. И если раньше психология генерировала гипотезы, поскольку ограничения были естественны и многочисленны, то сегодня в некоторых модулях бытия ограничения должны строиться и устанавливаться подобно этическим принципам в социуме.

Если мы признаем факт свободы конструирования идентичности в техническом, процессуальном смысле, факт доступности технологий конструирования и акцентирования идентичности, то должны признать и риск извращения психологического процесса самоорганизации и саморазвития. Вероятно, прежде чем будут найдены этические ограничения, следует инициировать психологические основания. Аутентификация, психология аутентифика-

ции актуальна на различных уровнях человеческого взаимодействия.

Литература

- Барышев А.А., Лукьянов О.В. Аксиологический сдвиг в анализе предпринимательской идентичности и предпринимательского действия // Сибирский психологический журнал. 2017. № 66. С. 82–96. DOI: 10.17223/17267080/66/6
- Берлин И. Философия свободы. Европа. 2-е изд. / предисл. А. Эткинды. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 448 с.
- Леонтьев Д.А. Личностный потенциал. Структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 675 с.
- Кабрин В.И. Транскоммуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропопозис) // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 158–175.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Красноядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
- Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.

Глава 4. Генетико-семиотические проблемы эволюционной персонологии

К.Г. Языков

Введение

Слово проблема означает «брошенное вперёд, поставленное впереди». Актуальность поднятых здесь задач, их «брошенность вперед» означает попытку выстраивания автором вектора направления размышлений, поля напряжений, которые улавливают намечающийся синтез. Ряд положений в будущем могут иметь эмпирическое подтверждение. Но более важным на этом этапе является формулировка вероятных путей обобщения, обнаружения плодотворных теоретических конструктов, имеющих творческий потенциал.

Личностное оформление психики обнаруживает явный эволюционный характер. Наиболее отчетливо оно воплощено в религиозных системах, где личность в энергичной сопричастности Богу обретает качества теоморфизма. Такая диалектика присутствует в обоюдонаправленной связи антропо-теоморфизма.

Эволюционный характер динамики представлен в раскрытии антропомерности бытия в сторону его теомерности. Качества же, заданные человеку, обнаружены психологами и представлены в категоризации личностного начала человека. Эта деятельность становится актуальнее, поскольку «наследники христианской культуры вступили в эпоху постхристианского постмодернизма».

Предшествующая эпоха характеризовалась рациональным овладением мира с помощью науки. А наиболее ценными значениями основного смысла современного мира стали гедонистические. Ведущим же принципом понимания мира стала манихейская бинарность. Преодоление этой редукции и определяет характер исследования. Традиционное решение усматривается в системном поле. Говорится об антропных системах, психологических систе-

мах. Психология, постепенно преодолевая методологический кризис, включает представление об эволюции раскрывающегося сознания в n-мерности психологических систем (ПС).

Поиск смыслов и их означение включает человека как личность в общий космогонический процесс. Неприятие такого взгляда на сущность личностного начала не означает его неприсутствие.

О смысловых фильтрах, преобразующих структуру личности, писал В.В. Налимов, создавший вероятностную теорию смыслов. Через непрерывное переосмысление смыслов раскрывается личность человека (Налимов, 2011. С. 319). Согласно Налимову, происходит распаковывание семантического континуума (Там же. С. 213).

Предметом исследования является, с одной стороны, раскрытие путей возможного синтеза информационных структур как знаниевых (означенных), с другой стороны, определение эволюционно-генетических процессов человекомерных информационных структур посредством фиксации в историогенезе появления и становления новообразованных личностных свойств.

В круге задач отображены проблемы, которые возникают в контексте взаимодействия и совмещения глобальных биологических и социальных систем.

Для этого используются разнообразные подходы, которые заранее обозначим. Во-первых, основанием работы служат воспринятые идеи теории психологических систем (теории ПС; ТПС). Во-вторых, возможность включения положений эпигенетической теории Г.С. Драгавцева. В-третьих, подкрепляющие представления информационно-синергетической теории Мелик-Гайказян и семиотико-смысловой концепции Налимова-Розина-Бахтина. В-четвертых, семиотическая разработка У. Эко. Кроме того, в работе используются и ряд других подходов, более полно раскрывающих исследовательские подходы.

Столь разнородный состав рассматриваемых положений определяет авторскую позицию, направленную на интуитивно-композиционное выстраивание (вероятностное по своей природе), которое могло бы в дальнейшем вести и к эмпирическим подтверждениям.

В работе термином «психологическое» обозначено как совершенно отличное по своей природе качество Универсума, которое является становящимся в свойствах его носителей.

Проявление психологического, таким образом, одновременно является и наблюдаемым, и наблюдателем в соответствии с высказыванием В. Франкла, утверждавшим, что «путь человека к себе лежит через мир» (цит. по: (Клочко, 2005)). Это реализует во внешнем (в широком смысле как «культура»), как семиотически осмысленное и передаваемое как знание или произведенное как артефакт.

Нам близка философия конструктивного альтернативизма, которая полагает, что «вселенная реальна, но разные люди интерпретируют ее по-разному».

«Процессы личности – это проложенные в психике каналы, в русле которых человек прогнозирует события» (цит. по: (Хьелл, Зиглер, 1997)).

Добавим, что интерпретация исходит из мерной конструкции психики, в которой смыслу придается особая метрика.

Метрика представляет некое абстрактное выделение качества из изотропного бытия. Реально присутствует функция неких переменных. Не все психологи, будучи временно (в силу методологической специфики этой науки) «отлученными» от биологии и целостного антропологического дискурса, «видят» эти переменные. Но их видят некоторые психиатры (например, известный украинский и чешский психиатр и психотерапевт В.П. Самохвалов), которые пытаются оценить вклады и вес той или иной переменной.

Имеются данные относительно воздействия средовых программирующих факторов, таких как этно-климатогелиофизические, которые могут существенно модифицировать или даже нормировать поведение. Вероятно, психологи также пока не «видят» и реальную природную популяцию, и популяционные градации. Тогда как же воспринимать человекомерную координату? Или она выражена только в персонально-цивилизационной метрике? Или это просто цивилизационная метрика? В любом случае она не регламентирована этно-популяционным разнообразием. Исключение из

анализа ряда такого рода факторов, определяющих разнообразие антропных систем, может снижать степень обобщения и определить редуктивный характер модели.

Эволюционное направление персонологии необходимо рассматривать также и в поле клинического полиморфизма.

Обоснованием положений, выдвинутых в работе, будут ссылки на источники, цитаты из которых мы рассматриваем в качестве подтверждающих аргументов. Это характерно для герменевтического анализа.

Обратимся к выбору определения семиотики. Наибольшие возможности предоставляет семиотическая трактовка У. Эко.

Мы опираемся на информационно-синергетическую концепцию. Информационные процессы избыточны. Это универсальное свойство. На это указывают, в том числе, и генетические, и лингвистические тексты. Но информационная избыточность является фактором полиморфизма, дающим возможность иметь альтернативные пути развития. Действительно, исходя из синергетической трактовки, информационная структура в точках бифуркации может претерпевать серьезные системные изменения, в результате чего возникают варианты различных динамик.

Персонологический кластер

Персонология определяется как наука о здоровой и больной личности. В.Я. Семке считает, что персонология утвердила себя как плодотворная область исследований.

В ряде персонологических теорий отражен сильный акцент на поведенческих феноменах, наблюдаемых чаще в психотерапевтических ситуациях. Эта ориентация особенно характерна для Адлера, Хорни, Юнга и, в какой-то степени, Эриксона.

Патологические и защитные аспекты функционирования человека больше представлены в персонологических теориях Фромма, Келли, Роджерса, Бандуры и Роттера.

Клинико-психобиологическая эволюционная персонология

Самосознание, восприятие и знание себя как личности сохраняется или, по крайней мере, воспроизводится (принцип самоприменимости) благодаря механизму памяти. По расчету нейрофизиологов, сотни миллионов нейронных ансамблей хранят информацию о внутреннем мире человека (Лебедев, 2004. С. 19). Утверждается, что природа нейронных состояний имеет волновой характер. Сформулирована гипотеза о циклических нейронных кодах внутреннего мира человека. А.Н. Лебедев пишет : «В узорах электроэнцефалограммы (ЭЭГ) закодированы «буквы» и «слова», отражающие внутренний мир человека, его неповторимую индивидуальность» (Там же. С. 21).

Сохранение личностного начала обеспечивается сохранением фазовых отношений между конфигурациями активностей нейросетей. Фазовые соотношения в каждый момент времени могут восстановиться и восстанавливаются в прежнем порядке.

Оказалось, что «психологический портрет личности после обучения ЭЭГ-экспертной системы также может быть вычислен с приемлемой точностью только по параметрам электроэнцефалограммы, без единого вопроса к испытуемому» (Там же. С. 34).

В эволюции мозга человека на следующем уровне можно видеть развертку системно-динамических процессов, положения о которых сформулированы в Луриевской нейропсихологической школе. А.Р. Лурия ввел понятие нейропсихологического фактора как морфофункциональной единицы деятельности мозга. Нейропсихологические факторы (НПФ) являются связующим звеном между активностью генетических матриц участков мозга с психической активностью. Е.Д. Хомская считает, что «НПФ отражают генетические механизмы психической деятельности, посредством которых генотип влияет на психические явления через морфофункциональные образования мозга» (Хомская, 1999. С. 32). Группа НПФ является в трактовке Е.Д. Хомской теми «психологическими переменными», которые в наибольшей степени сопоставимы с генотипом, другими словами, их можно рассматривать как

генетически детерминированные фенотипические признаки. Это, по-видимому, те самые звенья (параметры) психических функций, за которые ответственны разные нейropsychологические факторы (Хомская, 1999. С. 37).

Нейropsychологическая генетическая матрица коррелирована с состояниями нейронных ансамблей, воплощена в существовании НП факторов ВПФ. Ноам Хомский говорит о «гене языка» (genetic endowment), языковом опыте (experience) и принципах, неспецифических для языковой способности (principles not to the faculty of language) (Кибрик, 2015). В этих положениях отражен принцип развития живых систем во взаимодействии «генотип–среда». В широком контексте можно говорить об информационной (И) среде дискурса как тексте в процессе использования в языковой деятельности (среда), т.е. также в отношении взаимодействия.

Одним из глобальных НПФ является фактор латерализации, связанный с бикамеральностью и межполушарным взаимодействием. Существуют доказательства вклада индивидуальных генетических программ в тип межполушарной организации мозга и латеральность психических функций.

Структурно-функциональная сепарация мозга и латерализация функций определяют и ментальные оппозиции. Бинарное кодирование определяет последующие графы ветвлений в эволюции семиотической сферы. Историческая динамика семиотических структур будет аттрактивно связана с разделением «Чет – Нечет». Бинарные операции, по К. Леви-Строссу, становятся базисом мифологической логики. Бинарные оппозиции, типа левый–правый, отрицательный–положительный, женский–мужской, черный–белый, ад–рай и пр., сохраняют во многом диалектику современного процесса мышления.

В 1976 году Джулиан Джейнс создает теорию «бикамерального» разума. Согласно Джейнсу, «бикамеральный» разум состоял из двух частей: в одной принималось решение, в другой им следовал человек. Коммуникация осуществлялась с помощью речи. В голове звучал голос, который указывал, что делать, и человек подчинялся этому внутреннему голосу. Человек говорил с «богами». Внутренний голос человека был голосом божества либо вождя,

правителя или жреца. Это был голос значимого суггестора. У «бикамерального» человека, в сущности, отсутствовало внутреннее ментальное пространство. Согласно Джейнсу, сознание появилось у человека около трех тысяч лет назад, когда появилась письменность. С появлением письменности появились удобные носители информации, что способствовало ее воспроизводству, усложнению, разнообразию и развитию культуры.

Джейнс делает заявление о том, что «Илиада» была окном в ближайшем бикамеральном прошлом. Он пишет: «Мы стояли на другой стороне этого окна и смотрели в дальнее сознательное будущее, рассматривая этот великий таинственный голос гнева не столько как конечную точку предшествующей ему вербальной традиции, сколько как начало нового менталитета» (Jaunes, 2000. P. 257).

Джейнс отмечает, что слова в «Илиаде», которые в более поздних греческих языках указывают на аспекты сознания, на ранней стадии имеют более конкретные и телесные референты. Факт, что определенные слова приходят к ментальным значениям позже, предполагает, что они могут быть своего рода ключом к пониманию того, как развивалось сознание в целом и греческое сознание в частности (Ibid. P. 263).

Следствие этой посылки, очевидно, определяет будущий семиотический вектор. В этом случае значение дублирует материальный аналог. Например, такие слова, как *thumos*, *phrenes*, *kradie*, ранее означали стресс-индуцированные физиологические изменения: сосудистые, приводящие к покраснению (*thumos*), резкие изменения дыхания (*phrenes*), учащенное сердцебиение (*phrenes*) или трепетание сердца (*kradie*, позже *kardie*).

Понятие *thumos* претерпело этимологическую трансформацию. Теперь *thumos* означает «страсть», эмоциональный элемент, в силу которого человек чувствует гнев, страх. Древнегреческое слово *phren* предназначено для обозначения мозга или ума. *Kradie* (позже *kardie*) стало определять позднее горе, радость, страх, боль, гнев (Psychological and Ethical Ideas, 1995).

Стабилизация и организация межполушарных взаимодействий постепенно меняют «бикамеральную» ситуацию. Голоса «богов»

становятся более неадекватными и подавленными. Можно предположить, что во время этого социального хаоса интенсивность стресса, необходимого для галлюцинированного голоса, будет возрастать. Джейнс считает, что «бикамеральный» разум формировал типы культур и соответствовал определенному социальному устройству.

С появлением письменности логико-вербальное мышление постепенно становится доминирующим. С увеличением грамотного населения, в первую очередь «людей книги» (араб. *kutib alnaas*), и развитием университетов континуально-циклическое (согласно Ю.М. Лотману) мифологическое мышление стало дополняться рациональным. В.П. Самохвалов указывает на то, что «большую часть исторического прошлого можно обозначить как мифопоэтический век и относиться к нему как к огромному пласту культурного развития, через которое прошло все человечество, как к важнейшему явлению культурной истории» (Самохвалов, 1998. С. 80).

В психопатологии, особенно при формальных нарушениях мышления в рамках шизофрении, происходит регресс письменности на пиктографический этап с комментирующими надписями. (Самохвалов, 1998).

В.П. Самохвалов пишет, что «глагол, будучи эволюционно древней формой речи, метафора, скорее всего, может быть отнесена по своему происхождению к средневековому сознанию, оперировавшему не столько понятиями о предмете, сколько представлениями о нем». Б.Ф. Поршнева считал, что древнейшая запретительная функция слова связана как раз с глаголом (цит. по: (Самохвалов, 1998)).

Метафорический этап развития мышления, связанный с семантическим переносом, «выполняет особую, только для него предназначенную роль, в том числе в развитии мышления» (Самохвалов, 1998. С. 64).

В книге В.П. Самохвалова есть ссылка на Саса (Томас Сас; в венгерской транскрипции Тамаш Шаш), который с антипсихиатрических позиций провел исследование воздействия шизофренического мышления на литературу, историю, философию, психологию и психиатрию. Сас обнаруживает «параллели формальных и содержательных особенностей такого мышления и эволюции искус-

ства от модернизма к постмодернизму. Современный язык культуры уже не может быть понят нормативной лингвистикой, он требует знания шизолингвистики, с амбивалентностью, амбитендентностью, разорванностью, шизофизией» (Самохвалов, 1998. С. 44).

Сас писал: «Если с Богом разговариваете Вы – это молитва; а если Бог разговаривает с Вами – это шизофрения. Если мёртвые разговаривают с Вами – Вы спиритуалист, а если с мёртвыми разговариваете Вы – Вы шизофреник» (Szasz, 1974).

Энтропические образы древних палео-, неолитических стоянок, согласно В. Самохвалову, характерны для регрессии и ИСС. В частности, он предлагает рассматривать фосфены (светящиеся полосы, круги, шары и другие фигуры) как элементарные галлюцинации, которые были присущи палеолитическому искусству и имеют психическое происхождение.

Самохвалов утверждает, что у человека существует эндопсихический механизм, «внутренний генератор образов, проецирующий ИСС вовне». Экзопсихически это привело к созданию орнаментов, татуировок, которые несли защитную магическую функцию и являлись эквивалентом карты сознания.

Эти положения выводят нас на перспективу исследования развития знаний как ментальную развертку сознания. В этой связи получение знания в любой исторический промежуток есть результат психоактогенеза.

Согласно В.В. Налимову, в промежутке $[t_i, t_{i+1}]$ происходит акт перераспределения вероятности в континууме смыслов. В результате в распределении, на периферии частот событий с исчезающе малой вероятностью спонтанно выделяются моды с более высокой вероятностью. Это соответствует проявлению ранее почти исчезающе присутствующего смысла. В.В. Налимов называет этот процесс созданием смыслового фильтра.

Возникновение проблемы как «брошенного вперёд, поставленного впереди» сопровождается локальным напряжением в информационной среде. Это фаза интуитивного поиска, появления самоорганизующего локуса. Позднее этот локус подобно центру, организующему будущий фазовый переход, распространит его на со-

циальный слой. В этой социосемииосфере будет создан проект культурного типа. Культурный тип присущ формированию нового субъективного качества «квалиа». Л.С. Выготский писал, что ВПФ формируются как внешние предметные функции и только позже становятся внутренними умственными функциями.

Согласно Пиаже, ребенок исходит из опыта взаимодействия с окружающей средой, создает представления. Такие факторы, как язык, считает Пиаже, не играют важной роли в когнитивном развитии. Лингвистическое развитие всегда догоняет когнитивное. Процессуальные знания становятся впоследствии декларативным знанием, артикулируются в знания о предмете и его функциях. В теории Выготского культура, особенно язык, играет значительную роль в познавательном развитии. Таким образом, это два параллельных подхода. Их ключевое различие состоит в том, что ребенок, по Пиаже, является самодостаточным, а ребенок, по Выготскому, – центр внимания со стороны взаимодействия с окружающей средой. Окружающая среда – это когнитивная среда с многообразным контентом, предоставляющая Зону Ближайшего Развития.

Культурный образный мир основан на когнитивных схемах, результате проявления универсальной человеческой познавательной способности. Картина мира складывается из представлений всего этнолингвистического сообщества, совместно используемого при приобретении языка.

В центре речевого текста находятся обычные метафоры – речевые сообщества, которые чаще сосредоточены на идеях, связанных с телом (универсальные метафорические иллюстрации), способных объективировать культурное воображение.

В развитии люди являются субъективными наблюдателями мира, которые не свободны в своей интерпретации от идей культуры, в соответствии с их собственными идеями (смысловыми фильтрами). Переходы осуществляются через стереотипы, специфичные для дискурса. Чем дальше культурное понятие от центра культурного воображения, тем сильнее оно меняет характеристики культуры выражения.

«Индивидуализм станет программой на третье тысячелетие. Принцип индивидуальности и принцип личности озаряются новым культурным смыслом и... создают новую социальность» (Баткин, 1989. С. 31).

Перефразируя Баткина, индивидуальность не осознается вне осознающей среды культуры и ее носителей личностей. Значит, личность первична. Она модель культуры, ее психотип, носитель ее системы. Сама же культура становится репликатором психологических систем, способных воспринимать и репродуцировать ее смыслы или создавать новую семантику.

Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор».

Метафору можно рассматривать как результат отражения эволюционного развития мозга в форме «бикамерального» разума. В метафоре происходит слияние образа и слова. Анализ понятия когнитивной метафоры разрабатывается в теории концептуальной интеграции (теория блендинга) с 90-х годов прошлого века. Бикамеральное «смешение» концептов обозначил А. Ричардс. Он отмечал, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» (Ричардс, 1990).

Й. Цинкен обсуждает возможность «разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка», и указывает на необходимость «учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира». Й. Цинкен (Zinken, 2003), отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор важно учитывать культурный, исторический опыт.

В.П. Самохвалов пишет, что «глагол, метафора, будучи эволюционно древними формами речи, скорее всего, могут быть отнесены по своему происхождению, средневековому сознанию, оперировавшему не столько понятиями о предмете, сколько представлениями о нем». Б.Ф. Поршнев считал, что древнейшая запретительная функция слова связана как раз с глаголом.

Метафорический этап развития мышления, связанный с семантическим переносом, «выполняет особую, только для него предназначенную роль, в том числе в развитии мышления» (Самохвалов, 1998. С. 64).

В произведениях искусства с помощью художественных средств изображается фрагмент образа мира автора, преломленного через систему его личностных смыслов (цит. по: (Дорфман, 2006)).

Поведение как Текст выражается через систему наблюдаемый / наблюдатель, в которой происходят осцилляции субъект-объектных S–O; субъект-субъектных S–S отношений в диалектике. Психология разрабатывает подходы к определению устойчивых поведенческих паттернов.

В концепции Л.Я. Дорфмана привлекает внимание разработка концепции метаиндивидуальности (МИ), в которой предлагается системная идея холона. Л.Я. Дорфман раскрывает диалектику холона: мир выступает по отношению к индивидуальности как целое (в базовой системе отношений от мира к индивидуальности) и является частью индивидуальности (в базовой системе отношений от индивидуальности к миру).

В разработке этого исследования находились базовые отношения, которые, по-видимому, определяют и социобиологические основания личностных свойств. Отношение «Авторство» рассматривается как самоопределение или как самопричинение. Отношение «Обладание» – в этой области действуют самоопределение и самопричинение с выходом их следствий вовне, в мир. «Принятие» – в этой области мир выступает как источник причинения. «Зависимость» – в этой области индивидуальность как бы не принадлежит самой себе. Социобиологическое обоснование признаков МИ обеспечивается их корреляцией с признаками ЕРІ (Айзенка), обладающими свойствами высо-

кой генетической детерминации (Равич-Щербо и др., 2002). Таким образом, теоретические положения концепции МИ Дорфмана, обоснованные эмпирически, демонстрируют свойства связанности генетико-семиотических структур.

Генетические и социобиологические послылки

Генетические обоснования структур психики позволяют выявить связывание текстов, использующих универсальный код живого (генетических текстов) и ее физические воплощения с кодами Сознания в идеальных семантических структурах.

В.А. Ратнер утверждает, что в любых сложных (добавим, нелинейных) динамических системах всегда существуют лимитирующие звенья, «параметры функционирования которых непосредственно сказываются на выходных параметрах системы» (Ратнер, 1993). В генетике олигогенных систем такие звенья связывают с управляющими генами или, согласно Э. Гинзбургу, с так называемыми «майор»-генами. В эпигенетике вместо относительно жесткого конструкта «ген» оперируют понятием «наследственное состояние», что сближает его с «широким» информационным понятием гена в психогенетике. В нелинейно динамических системах эти звенья называют управляющими элементами.

Важное замечание: эволюционно оцениваются только лимитирующие звенья и то, что в результате мутаций эти гены (состояния) могут утратить эффект лимитирования (Ратнер, 1993). То есть в эволюционном спектре могут появляться разные гармоника. Ратнер пишет: «В мультигенных семействах (особенно тандемных) идут сложные внутренние процессы дупликации, дивергенции, конверсии, неравного кроссинговера и т.д., которые создают или нивелируют разнообразие генов». Разнообразие мультигенных семейств и супергенов создается комбинаторно-блочным способом. Известно, что гены эукариот имеют разрывную экзон-интронную структуру и благодаря механизму альтернативного сплайсинга формируют практически неисчерпаемое разнообразие белков.

В.А. Ратнер в 80-х годах XX века разрабатывает представление о *молекулярно-генетической системе управления* (МГСУ) (Ратнер и др., 1985). МГСУ оперирует генетическими объектами, но так, как если бы они были семиотическими объектами. Мы встречаемся с *генами*, с их молекулярными продуктами, *системами генов*, динамическим взаимодействием макромолекул, *геномами* и другими функциональными единицами с их знаками пунктуации и управления. МГСУ можно рассматривать в качестве динамической системы взаимодействующих макромолекул, способной к самовоспроизведению.

Язык может служить примером, в котором системы символов содержат элементы, которые могут также рекомбинировать в широком спектре различных значимых сообщений. В генетике для сходного процесса используется термин «альтернативный сплайсинг». Класс полигенных моделей может отражать реальность образования новых системных качеств в фазовом переходе, а олигогенность есть результат выделения из кластера управляющих элементов, генов, лимитирующих широкую сетевую активность. Это позволяет говорить о свертке информации в генетических системах посредством интеграции в цистроны, скриптоны и другие информационные блоки.

Возникающие такого рода генетико-семиотические реляционные системы предполагают, с одной стороны, появление эволюционных продуктов изменчивости генетических систем, с другой – их социальную оценку в конвенциональном поле «норма–патология». С культурно-генетических коэволюционных позиций предполагается, что каждый исторический период характеризуется собственным спектром психопатологических симптомов, а каждый этнос как культурно-природный феномен – собственной лингвопсихоформой патологии.

Новая методология теории эколога-генетической организации количественных признаков (ТЭГОКП), разрабатываемая В.А. Драгавцевым, намечает новые решения задач генетического анализа любых живых организмов. Ключевые моменты этой теории перспективны для реализации задач синтеза.

Во-первых, главным выводом ТЭГОКП следует считать отрицание наличия полигенов в реальности и моногенный контроль признака в любой момент времени.

Во-вторых, реализуется эпигенетическая программа развития.

В-третьих, развитие осуществляется в условиях действия лимитирующих факторов среды (лим-факторов). Лим-факторы образуют сложные эколого-генетические системы регуляции различных спектров генов признака. Существенным в теории ТЭГОКП Драгавцева является следующий вывод: «Для признака, подверженно-го феномену взаимодействия «генотип–среда», невозможно дать стабильную, «паспортную» генетическую характеристику для всех сред» (Драгавцев, 2012).

Психологическое развитие человека имеет важные точки бифуркации, соответствующие фазам, ступеням, стадиям развития. В классификации, основанной на психоаналитической платформе, периодизация представлена импринтными контурами, эпигенетическими трансформациями.

Э. Эриксон формулирует эпигенетическую периодизацию как нелинейный, накладывающийся друг на друга периодами процесс. Такая схема близка к теории Драгавцева, в которой лим-факторы образуют различные условия эпигенетического ландшафта.

ТЭГОКП Драгавцева позволяет решить традиционную генетическую проблему «взаимодействие “генотип – среда”» как «смену рангов генотипов в наборе генотипов в разных средах» (Там же).

Представляется возможным расширение эпигенетического подхода к психологическим признакам феномена сознания.

Информационно-синергетический подход

Генетика-семиотическая проблема разрешается в информационно-синергетическом подходе и конкретизируется в терминах описания структурно-функциональных уровней живых систем. Этот подход разработан И.В. Мелик-Гайказян. В нашем рассмотрении используется понятие оператора как «способа для завершения целенаправленных действий на основе переданной информации (И)» (Мелик-Гайказян, 2009).

Согласно модели И-процесса Мелик-Гайказян, каждый уровень включает этап трансляции, который начинается с этапа кодирова-

ния и завершается стадией создания оператора. Выраженные в знаке форматы трансляции образуют действия (прагматика), образы (синтактика) и смыслы (семантика). Коммуникативный уровень определяется именно созданием коммуникационных средств – операторов, необратимо формирующих реальность. Этот И-процесс синергетичен в смысле макросостояния. Согласно оригинальному положению методологического подхода, любой И-процесс является синергетическим.

Сознание рассматривается с позиции знаково-символической функции. Исходя из уровня разработанности в нейропсихологии, введем ограничение сознания языковой функцией. Эта функция имеет широкое представительство в функционально-морфологической структуре мозга. Это указывает на глобальный аспект речи в организации и развитии мозга человека.

Речевая функция есть совершенно новая семиотическая система и, как всякая система, имеет элементы (языка), отношения (синтаксис), композиции (текст). Эта функция, очевидно, связана с когнитивной функцией сознания в когнитивной деятельности. Можно экстраполировать, что вторая сигнальная система есть новый функционал лобных структур в структурно-морфологическом дублировании двигательной области мозга. Когнитивные системы как коммуникативные системы упорядочивают образы мира и неотделимы друг от друга. Схема включает отношение (субъект – объект) – ментальные представления – знание (лингвальная конвенция).

Знаковые формы формировались последовательно в соответствии с когнитивным развитием и достижением определенных методологических позиций, выраженных в теоретических конструктах. Поэтому статистический анализ распространенности фиксирует состав форм и соответственно выраженность того или иного качества как диапазона квазистабильных состояний. Язык отражает многообразие этих состояний, ухватывает в реальности определенные сущностные качества, включая одновременно и искусственно изобретенные слова для передачи свойств. Искусственные словообразования-понятия уточняются с каждым пересмотром классификации для более точной передачи конвенционального смысла.

Самохвалов реконструирует фило-, онто- и историогенез психопатологического знака. Предполагается, что «невербальное и вербальное поведение, а также сфера материальной культуры могут быть взаимотранслированы подобно сферам различных языков, имеющих общее происхождение» (Эволюционные формы кататонической шизофрении). Так, например, продуктивные расстройства мышления (бредовые синдромы), основной симптомокомплекс параноидной шизофрении, обнаруживают, по мнению автора, аналогии в мифологических знаковых системах и других феноменах архаической культуры.

Так, в книге «Мифы и гены» впервые указано на фольклорно-мифологические корреляты с генетическими маркерами, на миграцию носителей определенных гаплотипов и появление новых для данной территории мифологических мотивов (Коротаев, Халтурина, 2011).

В работе Коротаева и Халтуриной рассматривается «сходство фонда мотивов в мифологических системах народов, обитающих в далеко удаленных друг от друга областях Земного шара в качестве результата древних контактов, диффузии соответствующих мифологических систем», которые сопоставляются с миграцией и, следовательно, сходством (корреляцией) «X», «Y» гаплотипов. Примечательным здесь является обнаружение центров образования мотива мифа (психосемиотические системы) и генетических систем людей, носителей мифа. Ареальное распределение фиксирует не только места расселения (генетико-мифологические зоны), но и явление уникальных культурно-генетических систем и их носителей уникальных личностей.

Козволюционная генетико-семантическая система может быть представлена в основаниях: 1) эволюция психики (сознания) связана с развитием и появлением новых эпигенетических систем управления информационными потоками; 2) эволюция сознания как культурного феномена прослеживается в эволюции артефактов, в том числе и продуктов художественно-литературного жанра; 3) «художник» чаще описывает собственные душевные и духовные феномены, в том числе и психопатологические; 4) параллельно развивающаяся психология и психиатрия формируют и используют

собственные понятийные аппараты (аппараты познания), улавливают психологические особенности в литературных персонажах и сравнивают эти особенности с собственными конструктами.

Психология сознания есть, прежде всего, психология смысла. Именно смыслы составляют суть эволюции антропных систем. Семиотическая система художественной литературы «работает» именно со смысловой сферой сознания. Можно считать, что история литературы может дать образцы для сверки двух эволюционных ветвей – генетической и семиотической.

Квасистабильные состояния, структурируясь, «ищут» соответствующие знаковые формы, и наоборот, спонтанно, словотворчески появляющиеся в сознании символы «обнаруживают» психические феномены. Художественная литература зафиксировала десятки (36 – в мировой литературе, согласно Жоржу Польти) сюжетов, на которых строится история человеческих отношений. Это параллельная эволюционной психологии феноменология более близка сущности человека. Ее раннее и естественное происхождение в донаучную эпоху позднее дополнилось науками о человеке.

Развитие информационных наук, к которым, несомненно, можно отнести и генетику, сблизило эти две формы познания. Конечно, это в первую очередь понимают системно мыслящие ученые. Сближение эволюционных линий соответствует новому типу исследователей (STEM-специалистов), которые нередукционистски воплощают идеи конвергенции.

Можно становление ГС человека связать с разделением ИС головного мозга и тела. ЦНС мозга имеет собственные ГС нейронных структур, обладающие существенно отличным от других тканей специфическим клеточным объединением посредством синапсов и объединения в нейронные сети.

Существуют прямые доказательства связи эволюционных преобразований психики человека с преобразованиями генома. В хромосомах человека (2, 7, 12, 16, 20 Хр) обнаружены области «ускоренного развития», HAR-области, которые содержат информацию об изменениях, приведших к эволюционному формированию человеческого мозга, развитию языка и абстрактного мышления.

Антропоэкологический генетико-симеотический аспект

Поведение в определенной экологической ситуации имеет адаптивный либо защитный контекст и является для социума нормальным или он воспринимает его как аномальное (от лат. *незаконное*).

Согласно О. Гильбурду, некоторые экологические ниши, в частности на Севере, создают условия рекрутирования адаптивных типов, которые диагностируются как суб-, или патологические с типичной для шизофрении картиной «редукции энергетического потенциала». Гильбурдом был описан этноспецифический стереотип невербального поведения, который «содержит устойчивый и обширный набор поведенческих стигм из этологического репертуара, описанного при состояниях «шизофренического спектра» (Гильбурд, 1998).

В концепции В.П. Самохвалова и В.И. Егорова (Самохвалов, Егоров, 1995) психическая патология объявляется одним из важнейших факторов эволюции; шизофрения и состояния ее круга также являются фактором эволюции человека.

Психосинергетика личности

Онтологию самоорганизации и саморазвития – последовательное усложнение системной организации, эволюцию системы – следует рассматривать как развертку ее в пространстве и времени. Согласно Степину «сама процедура порождения новых уровней организации в этой системе представлена следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием «своего иного», и затем этот процесс повторяется на новой основе» (Клочко, 2005. С. 40).

Транспективный анализ предлагает регистрацию моментов, точек, фаз, стадий, пространств, в которых возможность становится действительностью, и потому это такой анализ, который вскрывает историю осуществляемых ожиданий.

Семиотический кластер

На основе знаковой функции сознания происходит становление истинно человеческих психических процессов, таких как логическое мышление, воля, речь. Считается, что фундаментальный вклад Л.С. Выготского в психологию связан именно с введением в анализ структуры, функционирования и развития психических процессов понятия «знак». Семиозис и есть ведущий процесс становления антропных психологических систем. Можно определить структуру вложенности «знаковых» структур:

((((генный ансамбль (нейронные сети (нейропсихологические факторы (психические функции (тексты (деятельность))))))

Считается, что идею семиотики высказал Ф. де Соссюр. Он предлагал новое направление называть семиологией (Розин, 2001. С. 11). О семиологе Барте У. Эко говорит, что «он перевернул сосюрсовское определение, трактуя семиологию как некую транслингвистику, которая изучает знаковые системы как сводимые к законам языка» (цит. по: (Розин, 2001. С. 12)).

Согласно В.М. Розину, «одна из основных задач семиотики – построение классификаций (типологий) знаков и знаковых систем. Каждый такой класс (тип) задает свой особый случай связи традиционного объекта изучения с выбранным контекстом (образованием)» (Там же. С. 25).

При построении собственной гипотезы В.М. Розин последовательно показывает, какие намечались пути семиосинтеза:

О Г.П. Щедровицком он писал, что тот «высоко ценил идеи Выготского и заимствовал у него идею знака, пытаясь создать «общую семиотику», объединив и переработав на естественнонаучной основе главные семиотические идеи, сформулированные в разных направлениях семиотики». Розин пишет: «Щедровицкий считает, что «такое объединение должно происходить с опорой на истинную семиотическую идею, которая и позволит создать семиотическую теорию» (Там же. С. 10).

Г.П. Щедровицкий утверждает, что «появление специальных средств связи происходит одновременно с появлением новых ви-

дов деятельности, направленных на них, и именно эта новая деятельность является той «конечной» силой, которая связывает все элементы, старые и новые, в единую структуру» (Розин, 2001. С. 15).

Другой способ решения проблемы оснований семиотики предлагает Умберто Эко. Согласно У. Эко, существует «поступательное движение семиозиса», определяемое изменяющимися обстоятельствами и идеологией, и оно непрерывно перестраивает знаковые системы. Но это поступательное движение семиозиса сочетается с неизменностью ментальных структур. Но это, как считает У. Эко, представление о неизменности человеческого ума является утопическим. Тем самым подчеркивается эволюционный характер знаковых систем коммуникации. Таким образом, необходимо постоянно следить «за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов». Вся знаковая система непрерывно перестраивается как поступательное движение семиозиса» (Розин, 2001).

Семиотический подход позволяет соединить предметы и объекты человеческой практики (коммуникацию, обучение, развитие) в единое целое.

Генетико-семиотический подход претендует на фундаментальный характер будучи универсальным в объяснении коммуникации между живыми системами и в том особенном случае, когда человек формирует специфические антропные системы для коммуникации и познания. Также можно выделить аспекты подхода, которые в расширительной трактовке традиционно рассматриваются как прагматические, деятельностные, коммуникационные (герменевтические).

Такой подход объединяет знаниевый, языковой, эпистемологический планы с эволюцией человека. Он рассматривает культуру как динамический процесс освоения структур реальности с помощью семиотических средств, соединяет различные планы в единый Универсум.

Исторические эпохи и являются теми планами развертывания на генетических основаниях ментальных структур, позволяющих создавать семиосферу эпохи, ее культурный потенциал.

Раскрывая динамику знаковых систем, Розин отмечает, что семиотика Античности раскрывается в движении, «определяя знак как количество, число движения». В Средние века идут поиски

новых принципов «понимания времени» как «отношение к Богу (Я-прошлое – до веры в Христа, Я-настоящее – поверивший, но слабый духом, и Я-будущее – истинный христианин). Время становится психологичным, как психологический опыт человеческой души». В Новое Время будущее индивидуальной жизни связано с прогрессом естественных наук, творчеством человека, реализацией человека (Розин, 2013). У Маркса в его философии начинается переход от стратегии изменения личности к стратегии на изменение общества. Это противоречило религиозному мировоззрению, стремившемуся к внутреннему изменению человека (Там же).

Умберто Эко больше известен как писатель, как ученый-семиотик, создавший концепцию, которая «охватывает все аспекты коммуникации, которые актуальны для исследования современных культурных процессов. Этот подход предполагался для проведения различных исследований.

У. Эко афористически высказал видение сущности знака: отдельно идея – это знак вещи, а образ – это знак идеи, т.е. знак знака.

Лутеро утверждает, что существуют «линии Пирса» (логическая ветвь) и «линии Соссюра» (лингвистическая традиция). А для Эко важен принцип неограниченного семиозиса (Лутеро, 2015).

Средневековье у Эко предстает как несомненная вершина европейской культуры. Эко в романе «Баудолино» отобразил характерный тип средневекового человека.

Эко считает, что банковская экономика, национальные монархии и республики, самостоятельные города, природа левого и правого экстремизма, современные европейские языки, психология пытки, реакция на гомосексуализм – все, без чего немислимо современное общество, уходит своими корнями в Средневековье.

Средние века – это ключ к пониманию сегодняшних проблем: «это наше детство, к которому надо возвращаться постоянно, возвращаться за анамнезом», в котором Фомой Аквином создается новая модель Личности, ее культурный мемокомплекс. Обращение к столь выдающемуся творцу, как Умберто Эко, обусловлено тем, что, как утверждает А.Р. Усманова, обозначает особые качества этого ученого и писателя.

Уникальность ситуации Умберто Эко состоит прежде всего в том, что по его произведениям можно было бы восстановить общую картину эволюции западной гуманитаристики последних тридцати лет, поскольку он всегда оказывался в эпицентре интеллектуальных событий (Усманова, 2000). У. Эко разрабатывал модель «открытого произведения» в период, когда формировалась постнеклассическая наука и естествознание переживало смену парадигмы на синергетическую в структуре взаимных переходов «порядок – хаос». Гуманитарные науки были в меньшей степени готовы к постнеклассическому мышлению. Генетика в силу ее детерминистского стиля пока придерживается кибернетических принципов, заложенных еще в моделях Жакоба-Моно, Георгиева и последующих моделях генетических систем управления.

Умберто Эко с его концепцией универсального симеозиса выражает в наибольшей степени интересы данной работы. Эко употребляет термин «структурная гомология» с целью показать «происходящую конвергенцию новых канонов и требований».

Высказанная Эко идея «структурной гомологии» совпадает с идеей генетико-семиотического синтеза с позиций информационно-синергетического подхода.

А.Р. Усманова утверждает: «Семиотика оказалась наименее готовой к ассимиляции философии хаоса» (Там же).

Включение синергетических идей можно отчетливо наблюдать у Эко. В работе Усмановой мы можем видеть восприятие вероятностной природы симеозиса Эко.

Он воспринял идеи случайности и непредсказуемости не только в качестве онтологических реалий, но и как модель для «раскрепощения» семиотической методологии. Он полагает, что элемент хаоса в структуре повседневной жизни является тем импульсом, который позволяет системам изменяться и развиваться.

Он привлек теорию информации для обоснования идеи «открытости», считает, что проводить подобные параллели стало возможным с того момента, когда формам искусства стала свойственна высокая степень непредсказуемости и невероятности.

Как иллюстрацию к высказанной в данной работе позиции рассмотрим взгляды Бахтина на античный литературный жанр. Здесь уместно говорить об античной личности автора романов как носителя знаков и выразителе голосов людей того времени.

Бахтин – во многом загадочная, до конца нераскрытая личность. С.С. Аверинцев говорит о «секрете личности Бахтина».

Мелик-Пашаев пишет: «...Литературоведение М.М. Бахтина буквально пропитано психологией “понимающего” и персоналистского толка. Персона, личность творца, а также его героя и читателя – вот что главное для М.М. Бахтина» (Мелик-Пашаев, 1996).

А.А. Мелик-Пашаев пишет, что «ближайший философский контекст творчества М.М. Бахтина – это христианский персонализм».

Мы опираемся на работу М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике».

Бахтин пишет, что уже на античной почве были созданы три существенных типа романного единства, три соответствующих способа художественного освоения времени и пространства в романе. Бахтин называет их тремя романскими хронотопами. Эти три типа определили развитие всего авантюрного романа до середины XVIII в.

Первый тип античного романа – авантюрный роман испытания, сложившийся во II–VI веках нашей эры.

Далее Бахтин пишет, что действие греческого романа, его события и приключения не входят ни в исторический, ни в бытовой, ни в биографический, ни в элементарно биологически-возрастной временные ряды. Они лежат вне этих рядов и вне присущих этим рядам закономерностей и человеческих измерителей. В этом времени ничего не меняется: мир остается тем же, каким он был, биографически жизнь героев тоже не меняется, чувства их тоже остаются неизменными, люди даже не стареют в этом времени.

Поэтому мир греческого романа – чужой мир: все в нем неопределенное, незнакомое, чужое, герои в нем – в первый раз, никаких существенных связей и отношений с ним у них нет, социально-политические, бытовые и иные закономерности этого мира

им чужды, они их не знают; поэтому для них только и существуют в этом мире случайные одновременности и разновременности.

Этот абстрактнейший хронотоп вместе с тем и наиболее статический хронотоп. Мир и человек в нем абсолютно готовы и неподвижны. Никаких потенций становления, роста, изменения здесь нет.

Авантюрное «время случая» есть специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь, вмешательство судьбы («тюхе»), богов, демонов, магов-волшебников, в поздних авантюрных романах – романских злодеев, которые, как злодеи, используют как свое орудие случайную одновременность и случайную разновременность, «подстерегают», «выжидают», обрушиваются «вдруг» и «как раз».

Итак, это мир застывшего времени. Личность здесь неизменно статична. Ее качества изначально заданы, они не развиваются. Это своего рода компьютерная игра с запрограммированными персонажами. Неожиданно появляются затруднительные ситуации или персонажи, что формирует такую личностную черту, как «тревожность», не связанную с конкретной ситуацией.

Второй тип античного романа условно Бахтиным назван «авантюрно-бытовым романом».

Здесь главной чертой является метаморфоза (превращение) – в основном человеческое превращение – наряду с тождеством (также в основном – человеческим тождеством) принадлежит к сокровищнице мирового доклассового фольклора. Превращение и тождество глубоко сочетаются в фольклорном образе человека.

Прослеживается древний образ мышления, где присутствуют реальные и галлюцинаторные образы людей и животных, зооморфных персонажей.

В мифологической оболочке метаморфозы содержится идея развития, притом не прямолинейного, а скачкообразного, с узлами. Но состав этой идеи очень сложный, почему из нее и разворачиваются временные ряды различных типов.

Далее этот личностный тип трансформируется в **два образа человека**, разделенных и соединенных кризисом и перерождением, – образ грешника (до перерождения) и образ праведника – святого (после

кризиса и перерождения). Иногда даются и **три образа**, именно в тех случаях, когда особо выделен и разработан отрезок жизни, посвященный очистительному страданию, аскезе, борьбе с собой.

В последующих эпохах метаморфоза станет источником новых идей и образов в искусстве и науке.

В «Метаморфозах» Овидия уже на поздних стадиях метаморфоза становится частной метаморфозой единичных изолированных явлений и приобретает характер внешнего чудесного превращения. Остается идея изображения под углом зрения метаморфозы всего космогонического и исторического процесса.

В третьем типе романа – биографическом – грек предстает как не знающий разделения на внешнее и внутреннее (немое и незримое). Наше «внутреннее» для грека в образе человека располагалось в одном ряду с нашим «внешним», т.е. было так же видимо и слышимо и существовало вовне для других, так же как и для себя. В этом отношении все моменты образа человека были однородными.

Бахтин говорит, что лишь с эллинистической и римской эпохи начинается процесс перевода целых сфер бытия как в самом человеке, так и вне его на немой регистр и на принципиальную незримость. Этот процесс также далеко не завершился на античной почве.

Характерно, что еще «Исповедь» блаженного Августина нельзя читать «про себя», а нужно декламировать вслух.

Заключение

В представленном аналитическом эскизе существенным является представление о едином фундаментальном информационном процессе, главным звеном которого является функционирование генетического аппарата. Он включает кодирующий аппарат, универсальный источник живого и сознания, генетические системы управления (СУ) которого реализуют через систему операторов тексты ДНК, несущие информацию (И) о всех последующих уровнях развития и функционирования. Следующий универсальный протеомный уровень ЖС переводит тексты ДНК посредством СУ во множество белковых структур.

Усложнение И-потоков на генетико-физиологическом уровне реализуется в эпигенетической СУ, описываемой в рамках теории Драгавцева. Отметим, что на начальных этапах И-процесса знаковая система существенно кодогенна. Кодогенность (изоморфизм) на следующих уровнях функционирования генома замещается формированием сложных СУ и дополняется информационно-синергетическими принципами создания, хранения и реализации И. Нейроны становятся новыми элементами И-процессов и вступают в уникальные взаимоотношения, используя механизм нейропластичности. В результате фазовых переходов микросостояния нейронов переходят в макросостояния нейронных ансамблей и в целом в нелинейно-динамический формат существования сознания. Д. Деннет пишет: «Сознание состоит из того информационного содержания мозга, которое побеждает в конкуренции за доступ к нему, добывается «известности» или «политического влияния» в мозге и таким образом управляет поведением и контролирует его» (Dennett, 2005).

В заключении в диаде «Культура – Личность» выведем диалектическую форму «культурного тела» (КТ), в котором воплощен принцип психотелесного культурального единства личности.

Первый тезис: КТ обязательно обладает сознанием. В том смысле, что «сознание может быть описано вне приурочивания этого сознания к определенному психическому субъекту, индивиду» (Хомская, 1999). Но обладает сознанием весьма специфическим. Прежде всего оно выражается в культурных единицах: семио-, символа-, знаковых формах. Жизнедеятельность (ЖД) КТ происходит во времени существования этнической формы – особой антропосистемы, существующей в транстемпоральном измерении. Второй важный тезис связан с особенностью ЖД КТ. КТ живет в особой мезо- и макрокосмосистеме. ЖД КТ сопровождается определенными трудностями, которые она преодолевает, и этот опыт запоминается в коллективной памяти. Эти трудности душевно-духовного характера, вытекающего из самой природы КТ. Границы КТ антропологические и им соответствует определенная знаковая форма – миф лиминальных состояний (от лат. *limen* по-

рог, пороговая величина). В мезоэкосистеме КП предстает как социальный субъект. Здесь заданы его антропологические границы. Эти антропные границы определяют лимитрофные, т.е. энергетические, границы. Их поддержание определяется особым видом энергии. Данная форма энергии не имеет эквивалента в физическом мире. Известный математик и выдающийся отечественный философ С. Хоружий (Хоружий, 1997) объясняет их божественным происхождением. В естественно-научной позитивистской парадигме, конечно, нет места таким формам и идеям. Но эпистемология ПР не может ограничиваться только позитивизмом и эмпирицизмом. ПР относятся к сфере душевной жизни антропосистем и имеют психическое содержание. Поэтому доказательная медицина имеет очень ограниченные возможности исследования таких систем. А КТ относится к классу психологических систем. Реально доминирующая антропосистема имеет культурное тело в том числе и признаков девальвирующих оснований. Этому соответствует снижение уровня образования, прежде всего университетского, в разных расово-этнических сферах, перемещения сознания в область виртуальной реальности. И самое главное – это расслоение на интеллектуальные страты (на это еще указывал известный генетик Феодосий Добжанский).

Литература

- Баткин Л.М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука, 1989. 272 с.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/apulej-i-petronij.htm>.
- Гильбурд О.А. Роль шизофрении и родственных ей состояний в эволюции человека: антропоэкологический и палеопсихиатрический аспекты // Реабилитация в психиатрии (клинические и социальные аспекты) / под ред. акад. В.Я. Семке. Томск, 1998. С. 39–42.
- Дорфман Л.Я. Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 3. С. 3–34.

- Драгавцев В.А. Уроки эволюции генетики растений // Биосфера. 2012. № 4 (3). С. 251–262.
- Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М. : Яз. славян. культуры, 2015. С. 29–60.
- Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
- Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 184 с.
- Лебедев А.Н. Нейронный код // Психология. 2004. № 3. С. 18–36.
- Лутеро Т. О концепции Умберто Эко и его вклад в семиологические исследования // Язык и культура : сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : ЦРНС, 2015. С. 129–133.
- Мелик-Гайказян И.В. События, организующие коммуникативное пространство // Конструирование человека : сб. трудов III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 5–8 июня 2009 г.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2009. С. 13–20.
- Мелик-Пашаев А.А. Л.С. Выготский и М.М. Бахтин: подготовительные материалы к несостоявшемуся диалогу // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 51–56. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1996/965/965051.htm>.
- Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. 3-е изд. М. : Академ. проект ; Парадигма, 2011. 399 с.
- Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М. : АспектПресс, 2002. 447 с.
- Ратнер В.А., Жарких А.А., Колчанов Н.А., Родин С.Н., Соловьев В.В., Шамин В.В. Проблемы теории молекулярной эволюции. Новосибирск : Наука, 1985. 263 с.
- Ратнер В.А. О проблеме кажущейся «невероятности» прогрессивной эволюции путем случайного перебора вариантов и о решении этой проблемы на молекулярном уровне // Современные проблемы теории эволюции / под ред. Л.П. Татаринова. М. : Наука, 1993. 126 с.
- Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 44–67.
- Розин В.М. Семиотические исследования. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Универ. книга, 2001. 256 с.
- Розин В.М. Полагание, сознание, переживание будущего в контексте самоопределения // Мир психологии. Апрель–июнь 2013. № 2 (74). С. 48–59.

- Самохвалов В.П. Психический мир будущего. Симферополь : КИТ, 1998. 400 с.
- Самохвалов В.П., Егоров В.И. Психическая патология как фактор эволюции человека // *Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychoterapeutica et Ethologica Taurica*. 1995. V. 2, № 3. С. 76–103.
- Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск : Пропилей, 2000. 200 с. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-italiya/index.htm>.
- Хомская Е.Д. Изучение биологических основ психики с позиции нейропсихологии // *Вопросы нейропсихологии*. 1999. С. 27–38.
- Хоружий С.А. Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // *Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 53–68.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / пер. С. Меленевской, Д. Викторовой. L. Hjelte, D. Ziegler. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research and Applications 3th ed.* McGraw-Hill, 1992; СПб. : ПитерПресс, 1997. 608 с.
- Эволюционные формы кататонической шизофрении. Кататоническая моторика. URL: <http://dommedika.com/psixiatria/22.html>.
- Dennett D.C. *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2005. 216 p.
- Jaynes Julian. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind* // A Mariner Book Houghton Mifflin Company Boston. New York, 2000. 479 p.
- Psychological and Ethical Ideas: What Early Greeks Say. Sullivan Shirley Darcus Collection // *Mnemosyne*. 1995. Vol. 44. 262 p.
- Szasz T.S. *The Second Sin*. Doubleday, 1974. 121 p.
- Zinken Jörg. Ideological imagination. Intertextual and correlational metaphors in political discourse // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14, № 4. S. 507–523.

Часть 2.
Системно-антропологический подход
к решению проблем
психологического благополучия
и безопасности личности

Глава 5. Психологические аспекты реабилитологии в фокусе семьи

Н.В. Козлова, Е.В. Гуткевич, Э.И. Мещережкова, Д.Е. Власова

Комплексная реабилитация (к постановке проблемы)

Новые тенденции развития общества предполагают в качестве одной из основополагающих ценностей здоровье человека, как физическое, так и психическое. Существующая необходимость расширения и углубления научных знаний в этой области вызвана конкретными нуждами практики – как медицинской, так и психологической. Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные постоянно разрабатывают новые методы диагностики функционального состояния отдельных органов, физиологических систем организма, клинко-психологические практики, однако количество работ, которые комплексно и обобщенно оценивают физическое и психическое здоровье человека, весьма незначительно.

За многообразием достаточно репрезентативных научных исследований наблюдается дефицит анализа специфики моделей оценки состояний психического и физического здоровья различных возрастных и профессиональных групп, недостаточно исследованы и систематизированы критерии психического и физического здоровья, неполно разработаны методы психологического обеспечения здоровья; недостаточно исследуются стратегии формирования внутренней картины здоровья; не описаны концептуальные основы возрастной психологии физического и психического здоровья; не найдены методы диагностики, оценки и самооценки взаимосвязи психического и физического здоровья. В этой связи можно констатировать и недостаточную эффективность существующей на сегодняшний день системы реабилитационных и профилактических мероприятий, не учитывающую совокупность всех маркеров, в том числе психологические особенности человека,

его психологические дефициты (не только когнитивные, а также множество эмоциональных, личностных и поведенческих проблем).

Понятие «реабилитация» было применено в медицине в 1946 г. в США, где впервые был проведен конгресс по реабилитации, на котором Курт Винтер предложил следующее определение: «Реабилитация – это целенаправленная деятельность коллектива в медицинском, педагогическом, социальном и экономическом аспектах с целью сохранения, восстановления и укрепления способностей человека принимать активное участие в социальной жизни» (Winter, 1962; Pohjasvaara et al., 1998). Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рассматривает реабилитацию как «процесс, включающий в себя все меры, направленные на обеспечение возможности достичь социальной интеграции» (Beblo, Driessen, 2002).

Современные представления ВОЗ о процессе реабилитации базируются на Международной классификации функционирования, инвалидности и здоровья (International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF), которая была утверждена на 54-й сессии Ассамблеи ВОЗ 22 мая 2001 г. Основой данной классификации служат *nhb* уровня функционирования:

- 1) функционирование на уровне организма или органа;
- 2) функционирование человека, отраженное в «деятельности», которую он способен выполнять;
- 3) функционирование человека в социальном окружении, что отражает участие в общественной жизни.

К сожалению, в нашей стране часто понятие «реабилитация» сужается до медицинского аспекта, сущностью которого является восстановительная медико-биологическая терапия. Безусловно, важно оказать человеку медицинскую помощь. Однако на деле медицинская реабилитация протекает без учета индивидуально-личностных особенностей человека, шкалы ценностей, уровня притязаний, представлений о личностном и социальном комфорте, о возможностях адекватного существования в новых условиях. Поэтому, на наш взгляд, проведение восстановительной терапии не может подменить собой реализацию индивидуальной программы реабилитации, основным содержательным компонентом кото-

рой выступает квалифицированная помощь в прояснении реабилитационного потенциала для каждого человека. Другими словами, реабилитация в современном понимании предполагает включение в зону своей ответственности достаточно большого круга лиц, в том числе медиков, логопедов, эрготерапевтов, психологов, специалистов по лечебной физкультуре, педагогов и др. и требует комплексного подхода. Основная цель комплексной реабилитации заключается в формировании или развитии оптимальных возможностей функционирования человека. Именно поэтому эффективность реабилитационных мероприятий зависит от согласованной работы комплексной бригады специалистов.

Реабилитационный процесс имеет определенные стадии. На первой стадии, которую можно назвать диагностической, основной задачей для специалистов выступает оценка взаимовлияния соматической патологии и психической организации клиента. Сюда относятся:

1. Оценка глубины патологического дефекта, например как дисфункции головного мозга, сформированные инсультом, повлияли на когнитивную сферу пациента. Понятно, что это совместная деятельность медика (невролога) и психолога (нейропсихолога).

2. Выяснение преморбидных особенностей пациента (типа темперамента, характера, специфики копинг-стратегий до болезни, коморбидных заболеваний и пр.). Здесь зона ответственности психолога.

3. Диагностика эмоционального состояния пациента (настроение, ведущая эмоция и пр.).

4. Анализ возможностей повседневной деятельности (т.е. функционирование относительно самообслуживания, выполнения определенных домашних функций, активизация интересов, существующих до болезни и пр.), который осуществляет в первую очередь эрготерапевт.

5. Взаимоотношения с референтной группой (семьей, друзьями, профессиональной группой и пр.), т.е. отношение к значимым людям, с одной стороны, и отношение значимых людей – с другой. Над этой задачей работает вся комплексная бригада.

В результате итогом первой диагностической стадии реабилитационного процесса становится индивидуальная программа реабилитации, суть которой в поиске ресурсов и потенциалов данного клиента. Опыт определения и анализа реабилитационного потенциала показывает, что, как правило, реабилитационный потенциал представляют в виде специфического образования со сложной структурой, состоящей из качественно разных элементов. Только в последние годы в число этих элементов стали включать психологический реабилитационный потенциал или реабилитационный потенциал личности.

Второй этап, который можно назвать терапевтическим, предусматривает деятельность комплексной бригады по решению следующих задач:

1. Формирование мотивации на реабилитацию. Эта задача прямо связана с индивидуально-личностными особенностями. Наличие / отсутствие мотивации, т.е. эффективность работы в данном направлении, диагностируется степенью активности пациента по отношению к улучшению своего здоровья.

2. Деятельность по компенсации соматического дефицита. Это главная задача второго этапа реабилитации, когда все участники данного процесса, в том числе пациент и члены его референтных групп (в первую очередь семьи), стараются восстановить, насколько это возможно, функционирование личности. Для психолога решение этой задачи предусматривает проведение психокоррекционных (психотерапевтических) мероприятий, направленных на:

- формирование доверительных отношений в системе «пациент – психолог»;

- обеспечение психологической поддержки, которая выражается в эмоциональном личностном принятии, сообщении о понимании особенностей, чувств, сложностей, ограничений возможностей и пр.;

- обучение в адекватном соматическом состоянии выбору копинг-стратегий пациента и, при необходимости, членов семьи;

- содействие свободному проявлению чувств, отреагированию подавленных и (или) вытесненных переживаний, овладение навыками конструктивного выражения чувств;

- помощь в овладении приемами саморегуляции;
- содействие в развитии и (или) восстановлении коммуникативной компетентности, в том числе навыков в разрешении конфликтных ситуаций;
- содействие осознанию своих особенностей, возможностей, перспектив.

Итоговой задачей данного этапа может стать совместное формирование нового жизненного сценария пациента, определение новых жизненных целей, смыслов, системы ценностей и пр.

С позиции Э.И. Мещеряковой, новое современное прочтение реабилитологии апеллирует к ценностному отношению человека к здоровью («здоровье как ценность»), порождающему смыслы и нравственные ориентиры на здоровьесберегающее поведение, развитие культуры здоровья, культуры здорового образа жизни, качества жизни, т.е. речь идет о здоровьесберегающей теории и практике. Данная проблематика принадлежит в целом к гуманитарному, символическому, психосемиотическому направлению развития психологического знания в XXI столетии. Без гуманитарного знания человек остается наедине с собой. Неслучайно сегодня вновь фокус направлен именно на персональный и семейный опыт как альтернативную платформу социальности, цепляние человека за общественные институты.

Такое формулирование проблемы предполагает понимание феномена самостроительства здоровья как направленного на построение «индивидуального целостного здоровья», отражающего и интегрирующего различные аспекты человеческого бытия. Акцент в реабилитации – на профилактике. Понимание этого факта является ключевым для разработки превентивных и профилактических программ, ибо требуется, чтобы те, кому они адресованы, не были сторонними наблюдателями, но участниками.

Подобный подход позволяет определить и конкретизировать психологические задачи по формированию, поддержанию, укреплению, развитию и реабилитации здоровья посредством индивидуального стиля здорового образа жизни – по «строительству», созданию здоровья, здоровьетворению. Очевидно, здесь речь идет о

проектировании каждым человеком собственной стратегии здоровья. Поэтому, прежде всего, нужно предложить методологические основы, закономерности и принципы проектирования научной картины здоровья и здоровьесотворения, здоровьесбережения.

Методология научной картины здоровья и здоровьесотворения в ее культурно-историческом изводе предполагает рассмотрение исторических предпосылок развития здоровьесберегающей теории в практике человечества.

Современные модели реабилитации должны позволять осуществлять качественный анализ компонентов различных плоскостей данных (биологических, психологических, социальных) и разрабатывать реабилитационные стратегии с учетом выявленных особенностей. При этом важно учитывать тенденции развития наук интеграционно – синтезирующего плана, которым принадлежит особая роль в создании человеком новых уровней саморегуляции и активности, а также в понимании и изучении человека и здоровья как необходимого условия стабильного функционирования. Кроме того, это позволяет расширить возможности практического применения реабилитационных мероприятий, в том числе и разработать методические указания по реализации данных мероприятий, программ повышения квалификации для медицинского персонала, работающих с семьями, имеющими детей с особенностями развития. Данный подход отмечается в данных отечественных и зарубежных специалистов медико-психологического профиля о сочетании в реабилитационных подходах различных медикаментозных и немедикаментозных методов. Реабилитация должна быть индивидуализированной, что указывает на важность учета её различных аспектов.

Необходимая глубина реабилитационных мероприятий и сопровождения обеспечивается обращением к антропосистемному подходу (вариант развития отечественного культурно-деятельностного подхода в психологии), рассматривающего человека как сложную самоорганизующуюся систему в контексте культуры и предполагающего изучение человека на разных уровнях его системной организации. При этом важной проблемой является опре-

деление методов анализа и сравнения, в том числе диагностических данных: психодиагностические, аппаратные и психофизиологические; методов сопровождения: психокоррекционные (когнитивные и психофизиологические, программно-аппаратные), психотерапевтические, экспертизы с диагностикой нарушенных и сохраненных функций, установок на осуществление продуктивной деятельности.

Реабилитация в сфере психического здоровья

Современное время описывается как «глобальная демографическая революция, когда масштаб существенных социальных изменений, происходящих в течение жизни человека, стал столь значительным, что ни общество в целом, ни отдельная личность не успевают приспособляться к стрессам от перемен миропорядка» (Капица, 2010). В результате возникают устойчивые очаги нарушения адаптируемости индивида и различных взаимодействующих групп. В актуальных программах сохранения психического и физического здоровья необходимо учитывать как биологические, так и социально-психологические составляющие, для квалификации которых следует использовать системный подход, который задает новые принципы, такие как понимание системы как саморазвивающейся; неотделимость изучения системы от условий ее существования; иерархичность строения систем, при которой один и тот же субстрат обладает разными характеристиками, параметрами, функциями (Юдин, 1997).

В соответствии с международными тенденциями существенное внимание должно быть уделено развитию профилактической системы охраны здоровья, разработке и внедрению новых эффективных методов и средств предупреждения отклонений в здоровье и дальнейшей реабилитации. Исследование действия основных факторов, влияющих на здоровье и определяющих развитие системы охраны здоровья, позволит проводить разработку методов направленного влияния и управления этими факторами и подойти к созданию персонализированной системы охраны здоровья и как ее

важного раздела – клинической (медицинской) психологии. В данной связи предлагается рассматривать здоровье как способность приспосабливаться к среде и своим собственным возможностям, противостоять внешним и внутренним возмущениям, болезням, способность сохранять себя, увеличивать длительность полноценной жизнедеятельности, улучшать возможности, свойства и способности своего организма, способность обеспечивать качество жизни и среду обитания.

Проведение в 2017 году в Санкт-Петербурге III Фестиваля реабилитационных программ для людей с психическими особенностями «Другие» показало, что целью современных реформ помощи лицам с проблемами в сфере психического здоровья должно стать максимальное обеспечение людей с психическими потребностями комплексными услугами по восстановлению поврежденных или утраченных когнитивных и эмоционально-волевых свойств и способностей, которые позволят человеку вернуться в общество и стать его полноправным гражданином. Эти задачи могут быть выполнены только при наличии единой лечебно-реабилитационной среды, которая обеспечена мультидисциплинарными командами специалистов, поддержкой со стороны общества и государства, наличием инфраструктуры реабилитационных учреждений, взаимодействием с НКО и организациями реального сектора экономики, правовыми и организационными возможностями привлечения и использования как государственных, так и частных средств.

Важной является проблема когнитивных нарушений, нарушений и особенностей психического развития, которая вышла за рамки медицины и получила психолого-социальное звучание. К таким нарушениям относят, прежде всего, расстройства аутистического спектра, задержки психического развития, детский церебральный паралич, синдром Дауна, деменцию и ряд других. Специфика этих расстройств предполагает комплексные подходы к специализированной помощи, которые должны основываться на особых условиях образования, воспитания и психосоциальной реабилитации на всем жизненном цикле. Для лиц с перечисленными и другими нарушениями необходима основанная на междисципли-

плинарном взаимодействии специалистов психологическая реабилитация и пожизненная абилитация (развитие навыков во всех сферах жизни), а также нормализация, связанная с созданием для них условий среды, позволяющих вести образ жизни, максимально приближенной к жизни любого человека.

Такой подход предусмотрен Международной классификацией функционирования, которая в настоящее время должна стать основой в деятельности всех учреждений здравоохранения и социальной сферы. Применение предусмотренной МКФ классификации функций и структур организма, активности и участия, в том числе по степени выраженности, а также факторов окружающей среды, позволит с высокой степенью достоверности и объективности оценивать здоровье индивида с биологической, психологической и социальной точек зрения и определять его нуждаемость в различных видах психосоциальной защиты и в мерах по разумному приспособлению окружающей среды к особенностям его функционирования.

Разработка и осуществление предупредительных и реабилитационных действий в сфере психического здоровья осуществляется в рамках психосоциальной реабилитации. Согласно современным представлениям разработаны теоретические основы моделей реабилитации в сфере психического здоровья, которые существуют в разных странах. Клиническая модель «психическое здоровье – психическая патология», на основе которой строятся многие модели реабилитации, разделяет лечение как минимизацию болезни, а реабилитацию – максимизацию здоровья. Представлены модели разных уровней. Наиболее востребованными являются те модели, которые: позволяют прогнозировать отклонения в здоровье или рецидив; применимы к различным группам пациентов, различающихся по степени выраженности психического расстройства; учитывают различные уровни социального взаимодействия больных, в том числе семейный; могут быть использованы при первичной, вторичной и третичной профилактике; используют различные методы воздействия. В настоящее время активно развивается концепция сберегающе-превентивной психосоциальной реабилита-

ции, основанной на понятиях личностно-социального восстановления, выздоровления («Recovery»), «социальный интеллект», «социальный мозг», «социальное познание». Особое значение имеет понятие и феномен «социальной поддержки».

Таким образом, психосоциальная реабилитация – это восстановление или формирование недостаточных или утраченных в результате отклонений в здоровье когнитивных, мотивационных, эмоциональных ресурсов личности, навыков, знаний, умений взаимодействовать, решать проблемы, использовать стратегии совладания. Цель психосоциального подхода – обеспечить равновесие между психической жизнью человека и социальными отношениями, влияющими на его жизнедеятельность.

Существует определенная этапность психосоциальной реабилитации: этап активных воздействий (психосоциальная терапия); этап практического освоения ролевых функций и социальных позиций пациента; этап закрепления и поддержки социального восстановления. Психосоциальные вмешательства осуществляются на различных уровнях (индивидуальном, семейном, популяционном) и служат задачам первичной, вторичной и третичной профилактики нарушений в сфере психического здоровья.

Так, при первичной профилактике следует решать вопросы воспитания детей и подростков, предупреждения семейных конфликтов и конфликтов на работе, с соседями, оказывать психологические консультации и медико-генетическую помощь и др. В рамках вторичной профилактики необходимо осуществлять раннюю психологическую диагностику отклонений в психическом здоровье и раннее вмешательство, психообразование для всей семьи, психосоциальную терапию и др. Третичная профилактика в сфере психического здоровья включает, в том числе, психосоциальную реабилитацию, использование инновационных психологических технологий помощи.

Нами разработана и представлена модель психосоциального функционирования и реабилитации лиц с нарушениями в сфере психического здоровья (рис. 1), включающая, в том числе, психологический диагноз и проведение мероприятий психотерапии и

психокоррекции для личностного восстановления, социальной адаптированности; постановку семейного диагноза и осуществление семейно-генетической превенции для восстановления дисфункциональных семейных взаимодействий.

Рис. 1. Модель психосоциального функционирования и реабилитации

Комплексное системное использование структурных элементов модели, иерархическая последовательность, состав стадий и этапов работы, совокупность процедур и привлекаемых средств и различных технологий психокоррекции, взаимодействие всех участников процесса реабилитационных вмешательств, определяемых целями и задачами психосоциальной реабилитации, позволять обеспечить эффективность оказания помощи лицам с нарушениями в сфере психического здоровья; комплексное управление, координацию и обратную связь при решении отдельных задач; всестороннее понимание и расширение базы знаний в области наук о человеке; учет точек зрения всех заинтересованных сторон: госу-

дарства, научного сообщества, психолого-диагностических и медицинских учреждений, пользователей услуг в сфере охраны психического здоровья.

Реабилитация несовершеннолетних с расстройствами аутистического спектра

Несмотря на рост качества и доступности оказываемой медицинской помощи, статистика показывает непрекращающийся рост количества детей, имеющих особенности развития (психологического, речевого, физического и т.д.) или страдающих хроническими соматическими заболеваниями (неврологическими, гормональными и т.д.). Дети, имеющие особенности развития, относятся к категории, находящейся в зоне риска, поскольку они часто ограничены в активности, могут столкнуться с ограниченным доступом в области образования и профессионально-технических возможностей, сужением социальных контактов и проблемами с созданием собственной семьи в будущем. Семья в общем и родители в частности обеспечивают среду для развития ребенка, формируют его отношение к себе, своим особенностям, обеспечивают условия для развития всех компонентов, формирующих основу психологического и психического здоровья.

Семья – это вид социальной системы, характеризующейся определенными связями и отношениями ее членов, что проявляется в круговых паттернах взаимодействия, в их структуре, иерархии, в распределении ролей и функций. Семья как целостное образование движется по своему собственному, уникальному пути в соответствии с общими закономерностями и стадиями, присущими любой системе, жизненному циклу семьи. Семья как источник генетического наследования и как первичная социальная группа, в которой происходит формирование личности человека и его отношения к окружающему миру, имеет тесную связь с возникающими у него болезнями и их течением (Семке и др., 2011).

Семья – это не просто группа людей, а система, обладающая определенной структурой и неповторимым качественным своеоб-

разием. Главная цель семьи – создание согласованной и стабильной среды, содержащей условия для адекватного выражения себя в процессе развития, которые необходимы для формирования здоровой личности. В семье все взаимосвязано, поэтому нарушение любого её звена отзывается на всех остальных её членах. При наличии в семье ребенка с отклонениями в психическом здоровье, что является сильным стрессором, мощным фрустрирующим и дезадаптирующим фактором, никто не остаётся интактным, нарушается баланс взаимоотношений, семья переходит на иной режим функционирования. Возникают неудовлетворенность, психическое напряжение, тревога, что обуславливает ее неустойчивость и становится источником сильного желания это изменить, чувство утраты обусловлено также крушением планов, ожиданий, надежд на карьеру, материальный достаток и иные достижения. В результате у них развивается состояние глобальной семейной неудовлетворенности (Эйдемиллер, Юстицкис, 2009). Болезнь члена семьи воспринимается как катастрофа, серьезное бедствие для семьи, так как развивается ощущение утраты контроля над болезнью и ситуацией, с ней связанной, при этом у родственников пациента возникает чувство экзистенциальной угрозы браку и самой жизни семьи (Jungbauer et al., 2001).

Описываются две наиболее часто встречающиеся точки зрения членов семьи на причины нарушений психического здоровья (Шутценбергер, 2016). Биологическая точка зрения подразумевает под собой то, что семьи, осознанно или неосознанно придерживающиеся этой теории, видят причины болезни в каких-либо не зависящих от воли пациента изменениях в организме. Они могут испытывать большую растерянность перед проявлениями болезни, переоценивать возможности медикаментозного лечения, у них нередко возникает страх за детей (что болезнь передается генетически) или за себя (что болезнь, вопреки всем уверениям врача, заразна). В то же время они не склонны обвинять друг друга в болезни или видеть в ней наказание пациента за его действительные или мнимые грехи. Вторая точка зрения – психологическая. Ее сторонники склонны обвинять себя, других членов семьи, самого

пациента. Они могут считать, что «мать слишком опекала», «отец был слишком строг», «сестра отвергала», «брат не помогал» и так далее, что, следовательно, все они так или иначе виноваты в том, что развилась болезнь. Кроме того, в данном случае выявляется некоторая агрессивность и по отношению к самому больному. Считается, что он сам виноват в том, что не выздоравливает, так как не прилагает к этому достаточных усилий. В этом случае члены семьи постепенно разделяются на обвиняющих и обвиняемых. Нередко ради своего спокойствия члены семьи стараются не высказывать обвинений вслух и не обсуждать, кто же более всех виноват. Но скрытые взаимные обвинения могут создавать особую атмосферу тягостной тишины вокруг некоторых тем.

Семья рассматривается как аккумулярованный результат поведения всех ее членов. Она как целое состоит из членов, которые в совокупности создают качественно новую функцию семьи. Взаимодействия отдельных членов семьи могут быть различными, при этом вырабатываются определенные стереотипы ролевого поведения, способы осуществления коммуникаций и иерархических взаимоотношений (Гуткевич, Каткова, 2015).

Особое значение семейному (микросоциальному) фактору придается в формировании расстройств аутистического спектра (РАС). Со времен открытия Лео Каннером аутизма имеются сторонники теории психогенеза – возникновения РАС под воздействием неблагоприятных психологических факторов, таких как эмоционально сдержанное, «холодное» отношение матери к ребенку в течение первых лет жизни, отсутствие аффективно положительной атмосферы в семье. Каннер в 1943 году одним из первых высказал данное предположение, которое сам же впоследствии и опроверг в монографии «В защиту матерей» (1944).

Наиболее известным приверженцем теории психогенного происхождения аутизма принято считать Б. Беттельхейма. В книге «Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я» он подробно излагает механизмы воздействия эмоциональной депривации на формирование РАС (Беттельхейм, 2004). В дальнейшем предположение о психогенном механизме аутизма не раз отрицалось на основании

результатов длительного изучения семей больных аутизмом. Существует точка зрения, что аутизм является выражением позитивной структуры шизофрении, обусловленной «бесконечно неудовлетворенным желанием избежать контроля реальности, освободить свой внутренний мир от мира других. Данные исследований указывают на важную роль психологического комфорта в семьях больных психическим заболеванием.

Исследователи, изучавшие родителей детей с РАС, утверждают, что большинство родителей имеют высшее образование и отдают предпочтение профессиональной деятельности в сфере математики и других точных наук. Неоднократные исследования в Калифорнийском центре высоких технологий, так называемой Силиконовой долине, где сосредоточилось большое число лиц с высшим образованием, работающих в сфере математики, программирования и высоких технологий, показали, что встречаемость аутизма среди детей в данной местности существенно превышает уровень заболеваемости РАС в детской популяции в целом. Исследователи объясняют всплеск заболеваемости аутизмом тем, что сотрудники сферы высоких технологий являются носителями генетической предрасположенности к РАС. Подобная ситуация складывается в Силиконовой долине (именуемой также Кремниевой долиной, Долиной миллионеров) – в зоне сосредоточения хайтек-предприятий и ведущих университетов.

Не существует какого-либо единого для всех больных, страдающих РАС, метода медико-психолого-коррекционной работы. В каждом отдельном случае подход к коррекции подбирается индивидуально, с учетом особенностей данного ребенка и условий его семьи. Коррекционная работа с детьми, страдающими аутизмом, направленная на улучшение психолого-социальной адаптации, должна осуществляться регулярно и длительно, а непременным условием успеха является установление теплых, доверительных отношений между ребенком и специалистами, участвующими в коррекции.

Нами проведено комплексное исследование 101 человека с расстройствами аутистического спектра, в том числе 57 несовершенно-

нолетних в возрасте от 3 до 17 лет, 46 мальчиков и 11 девочек; 63 полных и 38 неполных семей. Проанализирована структура семей исследуемого контингента на основе их состава. Полными признавались семьи, имеющие обоих родителей, неполными считались семьи, где ребенка воспитывает один из родителей. Как показал анализ данных, преобладали полные семьи (62,3%). Состав неполных семей разделился следующим образом: 37 (97,3%) семей состояли из одиноких матерей, воспитывающих детей, и одна семья состояла из одинокого отца и ребенка.

Исследование включало изучение психологической обстановки в семьях больных РАС как фактора, влияющего на динамику процесса. Следует отметить, что наличие у ребенка хронического психического заболевания уже само по себе является фактором депривации для родителей, служит источником стресса для членов семьи. Происходит постепенное «моральное выгорание» родителей, что нередко приводит к созданию неблагоприятной психологической обстановки в семьях или служит причиной развода.

В нашем исследовании критериями благоприятного психологического климата являлись минимальная конфликтность в семьях, отсутствие у родителей и лиц, проживающих с ребенком, алкогольной, наркотической и других зависимостей, неприятие родителями физического наказания детей, наличие у членов семьи общих интересов, увлечений. Особо принимались во внимание теплое дружеское отношение к ребенку, понимание и психологическое принятие членами семьи его заболевания. В семьях на первое место ставили благополучие детей, в том числе и больного ребенка. Здоровые сибсы (братья-сестры) и родственники семьи мотивировались родителями больных детей на доброжелательное отношение к ребенку с РАС, терпимое отношение к проявлениям его заболевания. Члены семей характеризовались как доброжелательные, хорошо контролирующие проявление эмоций, способные к проявлению эмпатии по отношению к близким. Важным критерием проявления благоприятного психологического климата являлось чувство ответственности перед членами семьи, желание помогать, оберегать, опекать.

Неблагоприятная психологическая обстановка характеризовалась частыми конфликтами в семье, алкоголизацией и употреблением наркотиков членами семьи, психологическим неприятием ребенка с РАС, непониманием его облегченного состояния, отвержением ребенка. В семьях с неблагоприятной психологической обстановкой члены семей отличались частым проявлением таких чувств, как раздражительность, агрессия, гнев. При этом в семьях отсутствовали совместные интересы и увлечения, больной ребенок воспринимался её членами как обуза, тяжелое жизненное испытание. По отношению к другим членам семьи часто отсутствовало чувство ответственности, эмпатии, дружбы, желания морально поддержать близких. Члены семей были разрознены, каждый жил своими интересами. Потребности детей не являлись приоритетными, родители не проявляли заботы о ребенке, дети находились в ситуации хронической психологической депривации.

В соответствии с задачами исследования семьи, имеющие больного РАС, были разделены на следующие группы: полные семьи с благоприятной психологической обстановкой, неполные семьи с благоприятной психологической обстановкой, полные семьи с неблагоприятной психологической обстановкой, неполные семьи с неблагоприятной психологической обстановкой. В группу полных семей с благоприятной психологической обстановкой вошло 40 семей (39,6%). Число больных с тяжелыми и легкими и умеренными проявлениями РАС распределилось в них практически одинаково (достоверной разницы между этими показателями не обнаружено). Не установлено достоверной разницы между числом больных с положительной и отрицательной динамикой в настоящих семьях.

Анализ неполных семей с благоприятной психологической обстановкой (16–15,8%) показал ситуацию, аналогичную таковой в полных семьях с благоприятной психологической обстановкой.

Показатели числа больных с тяжелым и умеренным течением аутизма не имеют между собой достоверной разницы и распределились одинаково: 50,0% – с тяжелыми формами, 50,0% – с легкими и умеренными. При этом показатели больных с положи-

тельной и отрицательной динамикой не имеют между собой достоверной разницы (43,7 и 56,2%).

В 21 полной семье с неблагополучной психологической обстановкой проживают 10 больных с тяжелым аутизмом, 11 – с легкими и умеренными формами (47,6 и 52,3%). Достоверной количественной разницы между этими показателями не обнаружено. Положительная динамика зафиксирована только в случаях легкого или умеренного течения РАС. Число больных с отрицательной динамикой существенно превосходит количество пациентов с положительной динамикой; эти данные высоко достоверны ($p < 0,001$).

В группу неполных семей с неблагоприятной психологической обстановкой вошли 24 семьи. В них проживали 10 больных с тяжелым течением РАС, 14 пациентов с легким и умеренным (41,6 и 58,3%), достоверной разницы между этими показателями не обнаружено. Положительная динамика выявлена в 2 случаях умеренного течения аутизма. Не зафиксировано положительной динамики у больных с тяжелым течением аутизма. Обнаружена высокая достоверность ($p < 0,001$) преобладания больных с отрицательной динамикой среди пациентов настоящей группы.

Таким образом, при равномерном распределении больных с тяжелыми и умеренными формами РАС среди 4 групп отмечается практически одинаковое число больных с отрицательной динамикой в семьях с благоприятной психологической обстановкой и в семьях с неблагополучной психологической обстановкой. Достоверной разницы между данными показателями не установлено.

Определена степень корреляции психологической обстановки в семьях с динамикой заболевания пациента. Анализ больных с положительной динамикой выявил следующую закономерность: в семьях с благоприятной психологической обстановкой с высокой степенью достоверности больше ($p < 0,001$) больных с положительной динамикой, в том числе и в случаях тяжелого течения РАС. В семьях с неблагоприятной психологической обстановкой не отмечалось случаев положительной динамики у больных с тяжелым течением аутизма. Психологическая обстановка в семьях играет существенную роль во влиянии на динамику заболевания.

Наибольшее количество больных с отрицательной динамикой (91,0%) установлено в группе неполных семей с неблагоприятной психологической обстановкой.

Более детальное изучение этой группы семей показало, что в их общем составе 95,8% одиноких матерей, воспитывающих больного ребенка. 1 семья (4,1%) состояла из одинокого отца и ребенка-инвалида. Наиболее частыми причинами недоброжелательной обстановки в таких случаях служат длительное воздействие таких стрессоров, как хроническое заболевание ребенка с серьезным прогнозом, отсутствие поддержки со стороны родственников и социальных служб, нехватка времени и материальных средств для содержания ребенка и проведения с ним полноценных коррекционных и реабилитационных мероприятий, переутомление матери. В полных семьях причиной недоброжелательной обстановки наиболее часто служат напряженные отношения между супругами, алкоголизация одного или обоих родителей, низкий материальный уровень, отсутствие социальной поддержки, безработица.

Проведение психолого-педагогической коррекции у больных расстройствами аутистического спектра на разных возрастных этапах позволило выявить особенности и оценить эффективность. Группа несовершеннолетних, принимавших участие в психолого-педагогической коррекции, составила 28 человек (62,2%). Исследование форм коррекционной работы показало, что 17 детей (60,7%) посещали Детский оздоровительно-образовательный центр им. А.И. Бороздина, 10 несовершеннолетних (35,7%) периодически проходили реабилитационные курсы в педиатрическом отделении НИИ физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН, 12 детей (42,8%) вовлекались в коррекционные процессы в центрах социального обслуживания. С двумя детьми индивидуально занимался частный психотерапевт (7,1%). Пять человек (17,8%) проходили обучение и психолого-педагогическую коррекцию в коррекционной школе VIII вида. Шесть человек проходили коррекционные курсы в реабилитационных центрах в других городах (4 детей – в Томской областной психиатрической больнице, 2 – в Московском Институте коррекционной педагогики). Три

больных проходили курсы реабилитации за рубежом (2 ребенка в Германии, 1 посещал занятия в психологическом центре в Южной Корее). Семь человек (25,0%) посещали психотерапевтическую группу в МБУЗ города Новосибирска «Консультативно-диагностическая поликлиника (МБУЗ КДП № 2) № 2», где работает психиатр-психотерапевт.

Занятия проходят один раз в неделю длительностью 1,5 часа. Число детей, одновременно посещающих группу, колеблется от 6 до 9 человек. Совместно с больными РАС группу посещают дети с эмоциональными расстройствами, расстройствами поведения, депрессивным и тревожным расстройствами, органическим когнитивным и астеническим расстройствами, с шизофренией, не имеющие аутистических проявлений. Один раз в месяц с каждым участником группы проводится 1-часовое индивидуальное занятие, 1 раз в месяц – консультации для родителей.

Группа рассчитана на регулярное и длительное (в течение ряда лет) психотерапевтическое сопровождение. В настоящее время детская психотерапевтическая группа действует 3 года. Основными направлениями работы являются социальная адаптация больных, преодоление нарушений в коммуникативной и поведенческой сферах. Коррекция проводится в форме свободных групповых бесед в сочетании с выполнением тренинговых упражнений. Используются методы игровой и арттерапии, символдрамы, аутотренинга и релаксации. После каждого занятия проводятся 30-минутные родительские собрания для родителей детей, посещающих группу. Преимуществом осуществляется с участковой психиатрической службой, клиническим психологом, педагогическим коллективом коррекционной школы.

Работа с родителями направлена на их информирование об особенностях заболевания ребенка и возможностях коррекции, на вовлечение родителей в коррекционный процесс. Совместно с родителями разрабатывается алгоритм помощи ребенку, родителей информируют о специализированных центрах по работе с проблемами аутизма, получают список литературных и интернет-источников, ориентированных на помощь родителям больных РАС. Большое внимание уделяется роли родителей в коррекционных

мероприятиях и социальной адаптации пациента. Разрабатываются индивидуальные рекомендации по самостоятельной коррекционной работе родителей, вовлечению в коррекционный процесс других членов семьи, определяется распорядок дня ребенка, даются рекомендации по посещению воспитательных и учебных заведений, по форме обучения. Акцентируется внимание на аспектах социальной адаптации ребенка. Совместно с родителями разрабатываются меры, направленные на оптимальную социализацию больного. На родительских собраниях освещаются моменты прошедшего занятия, особенности поведения ребенка на занятии, его взаимодействие с остальными участниками группы, обсуждаются эпизоды занятия, требующие особого внимания. Родители получают рекомендации по самостоятельным занятиям с ребенком.

Приводимые данные свидетельствуют о том, что больные, вовлекавшиеся в психолого-педагогическую коррекцию, имели возможность получать комплексную помощь в нескольких реабилитационных учреждениях. Следует отметить, что в психолого-педагогическом центре им. Бороздина и в психотерапевтической группе МБУЗ КДП № 2 реабилитация рассчитана на длительный период. В остальных реабилитационных заведениях дети получали помощь в виде 2–3-недельных лечебных курсов с периодичностью 1–2 раза в год. В психолого-педагогической коррекции принимали участие 18 несовершеннолетних с детским аутизмом и 10 детей с синдромом Аспергера. Преобладание больных с диагнозом детского аутизма достоверно не подтверждено. Обращает на себя внимание тот факт, что в коррекционных процессах не задействованы дети с атипичным аутизмом. Проведенный анализ форм коррекционной работы показал, что большинство больных были вовлечены в коррекционный процесс одновременно в нескольких учреждениях, занимающихся психолого-педагогической коррекцией.

Изучена динамика клинических проявлений в процессе коррекционного воздействия (табл. 1). Нарушения в коммуникативной сфере до начала коррекционных мероприятий наблюдались у 28 несовершеннолетних (100%), положительная динамика на фоне

коррекции отмечена у 100% детей. Расстройства аффективной сферы демонстрировали 78,5% несовершеннолетних. Очевидно преобладание детей с положительной динамикой на фоне проведения коррекционных мероприятий. Эти данные статистически достоверны ($p < 0,01$). Сфера поведения пострадала у 96,4% детей. Установлено преобладание несовершеннолетних с положительной динамикой (82,1%) в сравнении с таковыми с отрицательной динамикой и с теми, у кого не было динамики на фоне проведенной коррекции (7,1 и 7,1%). Проведенный анализ установил высокую статистическую достоверность этих данных ($p < 0,001$). Нарушения в речевой сфере до начала коррекционных мероприятий зафиксированы у 15 (53,5%) детей. После коррекционных мероприятий улучшение наблюдалось у 11 (73,3%), без динамики – у 4 (26,6%). Статистически значимой разницы между этими показателями не обнаружено.

Т а б л и ц а 1

Динамика клинических проявлений у несовершеннолетних с РАС в процессе психолого-педагогической коррекции

Сфера клинических проявлений	Кол-во человек	Положительная динамика	Отрицательная динамика	Без динамики
Коммуникативная	28 (100%)	28 (100%)	–	–
Аффективная	22 (78,5%)	16 (57,1%)	6 (21,4 %)	–
Поведение	27 (96,4%)	23 (82,1%)	2 (7,1 %)	2 (7,1%)
Речь	15 (53,5%)	11 (73,3%)	–	4 (26,6%)
Двигательная	9 (32,1%)	7 (77,7%)	–	2 (22,2%)
Игровая	28 (100%)	17 (60,7%)	1 (3,5%)	10 (35,7%)
Всего	28 (100%)	28 (100%)	28 (100%)	28 (100%)

Патология двигательной сферы до начала психолого-педагогической коррекции установлена у 9 несовершеннолетних (23,1%), положительная динамика установлена у 7 (77,7%), не было динамики – у 2 (22,2%); не установлено достоверной разницы между этими показателями. Нарушение в игровой деятельности демонстрировали 28 несовершеннолетних (100%), положительная

динамика в ходе коррекции установлена у 17 (60,7%), что значительно ($p < 0,001$) превышает число детей с отрицательной динамикой (3,5%). Не установлено значимой разницы между числом несовершеннолетних с положительной динамикой (60,7%) и числом несовершеннолетних без динамики (35,7%).

Проведен анализ социальной активности несовершеннолетних с РАС, принимавших участие в психолого-педагогической коррекции (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Оценка социальной активности несовершеннолетних с РАС,
принимających участие в коррекции**

Форма социальной активности	Число детей
Посещение детского сада	6 (21,4%)
Обучение в ООШ	10 (35,7%)
Обучение в коррекционной школе	5 (17,8%)
Обучение в колледже	1 (3,5%)
Обучение в вузе	1 (3,5%)
Пребывание дома	5 (17,8%)
Всего	28 (100%)

В целом РАС являются инвалидизирующим заболеванием, характеризуются ранней инвалидизацией и снижением социальной активности больных. Анализ данных табл. 2 показал, что среди детей, принимающих участие в психолого-педагогической коррекции, со статистической достоверностью ($p < 0,001$) преобладают социально активные дети (82,2%).

Проведен анализ и установлена корреляция между вовлеченностью родителей в реабилитационные процессы и динамикой заболевания (табл. 3). Из 45 семей, в которых с больными проводилась реабилитационная работа, в 16 (35,5%) семьях оба родителя регулярно участвовали в реабилитационных занятиях. Среди этих больных значительно преобладали пациенты с положительной динамикой (87,5%). Один из родителей регулярно участвовал в коррекционных занятиях в 22 (48,8%) семьях. Положительная динамика зафиксирована у 11 (50%) родителей, отрицательная – у 11 (50,0%).

В 7 семьях (15,5%) родители не были вовлечены в процесс коррекции. Положительная динамика отмечена в 2 случаях, отрицательная – в 5 (28,5% и 71,4%). Анализ полученных данных показал, что среди больных, чьи родители активно принимали участие в реабилитационном процессе, преобладали пациенты с положительной динамикой и, напротив, большинство больных отрицательной динамикой выявлено в семьях, где родители не вовлекались в процесс коррекции; данные высоко статистически достоверны ($p < 0,001$).

Важным является участие родителей в реабилитационном процессе больных расстройствами аутистического спектра. Процесс реабилитации больных РАС является длительным и требующим привлечения ряда специалистов. Кроме коррекционных мероприятий в специализированных учреждениях важной представляется роль родителей в реабилитационном процессе. В рамках исследования была изучена роль родителей детей с РАС в реабилитационном процессе.

Т а б л и ц а 3

Вовлеченность в реабилитацию родителей детей с РАС

Вовлеченность родителей	Динамика		Всего
	положительная	отрицательная	
Оба родителя вовлечены в реабилитацию	14 (87,5%)	2 (12,5%)	16 (100%)
Один родитель вовлечен в реабилитацию	11 (50%)	11 (50%)	22 (100%)
Родители не участвуют в реабилитации	2 (28,5%)	5 (71,4%)	7 (100%)

На основании приведенных данных роль родителей в реабилитационном процессе представляется важной. Вовлеченность родителей в мероприятия по реабилитации РАС может положительно влиять на динамику заболевания, особенно если оба родителя принимают активное участие в коррекционной работе. Родители, владеющие достаточной информацией об особенностях заболевания ребенка, современных методах коррекции, могут оказывать суще-

ственное влияние на социальную адаптацию ребенка, приобретение им навыков самостоятельной жизни, выбор и освоение им профессии.

Следует отметить роль матери ребенка в реабилитационном процессе, наиболее часто у детей-аутистов наблюдается симбиотическая привязанность к матери. Ребенок, особенно в первые годы жизни, не способен полностью дифференцировать себя от матери, воспринимает себя и мать как единое целое. Эта особенность может благоприятно повлиять на процесс коррекции, если мать выступает как активный участник процесса, владеет нужными навыками реабилитационного взаимодействия с ребенком. Одним из аспектов реабилитации должно стать информирование и обучение матерей пациентов реабилитационным навыкам.

Таблица 4

Оценка информированности родителей об особенностях заболевания ребенка с РАС и возможностях реабилитации

Информированность	Число родителей
Полная	49 (24,2%)
Частичная	12 (5,9%)
Отсутствие информации	141 (69,8%)
Всего	202 (100%)

В этом аспекте представляла интерес информированность родителей об особенностях заболевания и возможностях реабилитации (табл. 4). В исследование вошли 63 полных семей и 38 неполных. Родители из полных семей приглашались на беседу, в ходе которой устанавливался уровень их информированности об особенностях заболевания ребенка и возможностях реабилитации. О родителях из неполных семей, не проживающих с ребенком, информация собиралась от родителя, занимающегося воспитанием несовершеннолетнего, или от родственников, владеющих достаточной информацией. В результате из вошедших в исследование 202 родителей от 171 (100 матерей и 71 отец) информация была получена в непосредственной беседе; информация о 31 родителе (30 отцов и одна мать) получена в ходе беседы с родственниками.

Проведенный анализ позволил выделить три группы родителей: 1) обладающие достаточной информацией о заболевании ребенка и возможностях коррекции (49 – 24,2%); 2) обладающие недостаточной информацией и отрывочными сведениями об особенностях заболевания и возможностях коррекции (12 – 5,9%); 3) не владеющие практически никакой информацией о РАС и методах коррекции (141 – 69,8%).

Анализ полученных данных показал преобладание среди родителей лиц, не владеющих достаточной информацией о заболевании ребенка и возможностях коррекции. Большинство опрошенных родителей отмечают неудовлетворенность объемом полученной информации от психиатров, неврологов и других специалистов, работающих с ребенком, малодоступность литературы по данному вопросу. Никто из родителей не участвовал в обучающих, информационных, коррекционных группах для родителей детей с РАС из-за отсутствия доступных специализированных учреждений, центров, групп по работе с родителями детей с аутизмом. Очевидна необходимость создания таких центров и групп, а также обучения врачей и психологов, работающих с детьми с РАС, информационной работе с родителями.

Следует отметить тот факт, что часть родителей (84 – 41,7%) не обладает достаточной информацией о заболевании ребенка и возможностях его коррекции в связи с отсутствием интереса к данному вопросу и негативизмом в плане реабилитации.

Был разработан алгоритм оказания системы комплексной медико-психологической специализированной помощи больным расстройствами аутистического спектра в рамках психосоциальной реабилитации. Реабилитация должна быть многоэтапной, применяться в зависимости от особенностей клинического варианта РАС и знания конституционально-биологических, индивидуальных и семейных психологических, социально-экономических факторов, действующих на конкретного пациента, что подразумевает индивидуально-личностный подход. Реабилитационные программы должны включать этапы поликлинической и стационарной помощи с использованием фармакотерапии, обязательным подключе-

нием на ранних возрастных этапах психолого-педагогических методов коррекции с привлечением семьи пациента. Активное участие в реабилитационных процессах социальных служб представляется необходимым.

На основании установленных в ходе проведенного исследования данных нами разработан и внедрен алгоритм помощи больным РАС, включающий 5 последовательных этапов (рис. 2).

Первый этап проводится на базе участковых детских поликлиник в рамках амбулаторного приема. Настоящий этап помощи больным РАС включает специалистов первого звена, у которых ребенок наблюдается с периода новорожденности: участковые педиатры, неврологи. На этом этапе необходимо взаимодействие с детскими психологами, к которым чаще всего при проявлении первых признаков заболевания попадают больные РАС. Задачей первого этапа является предварительная диагностика РАС. Необходимы следующие требования к специалистам данного звена: высокий профессиональный уровень, включающий возможность первичной диагностики РАС. В деятельность специалистов первого этапа входят: постановка предварительного диагноза, первичная информационная работа с родителями, направление к участковому психиатру или в специализированные центры. Необходимо взаимодействие с участковой психиатрической службой (проведение совместных совещаний, конференций, семинаров по проблемам аутизма).

Второй этап проводится на базе учреждений детской службы психолого-психиатрического сопровождения в форме амбулаторного приема. На данном этапе с больным и его родителями взаимодействуют специалисты: врач-психиатр, медицинский психолог, врач-психотерапевт, логопед, дефектолог. В задачи этого этапа входят оказание диагностической, лечебной и психокоррекционной помощи больным РАС, информационная работа с родителями. Необходимыми требованиями к специалистам данного звена являются высокий профессиональный уровень, включающий возможность постановки уточненного диагноза, назначения терапии, проведения психологических и психотерапевтических коррекционных мероприятий.

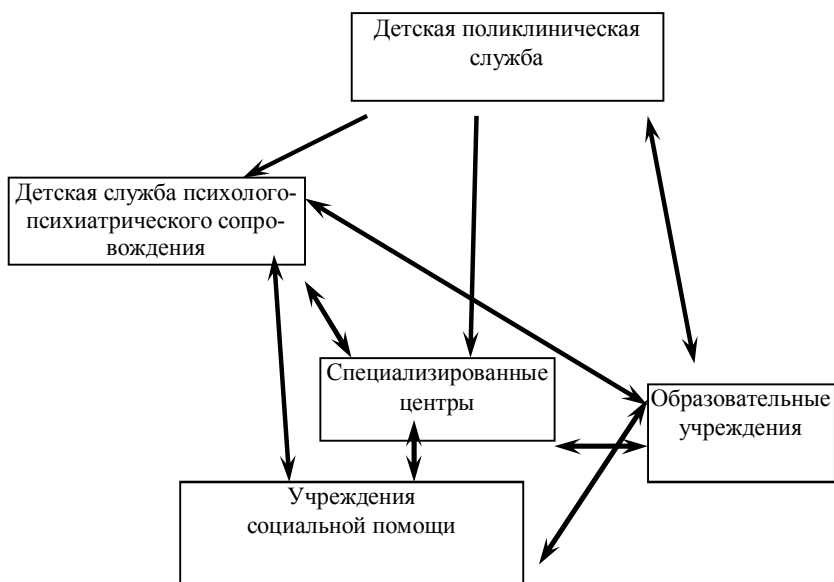

Рис. 2. Функциональная модель комплексной помощи больным РАС

Деятельность настоящего этапа включает постановку уточненного диагноза, назначение медикаментозной терапии, проведение психотерапевтической, психологической, логопедической коррекции, информационная работа с родителями, направление в специализированные центры. Необходима преемственность с педиатрической службой, неврологами, специализированными центрами, образовательными учреждениями, социальными и другими службами и общественными организациями и НКО.

Третий этап включает специализированные центры, ориентированные на реабилитацию больных РАС в форме амбулаторной и стационарной помощи. Помощь пациентам с РАС осуществляют психиатры и психотерапевты, прошедшие специальную подготовку в области РАС, клинические и детские психологи, педагоги-психологи, неврологи, дефектологи, логопед, социальные работники, при необходимости – другие специалисты. В задачи центра входят оконча-

тельная диагностика, назначение терапии, коррекция, реабилитация, разработка индивидуальных реабилитационных маршрутов, информационная, психопрофилактическая работа с родителями. Требования к специалистам: высокий узкоспециализированный профессиональный уровень. Деятельность центра включает уточнение диагноза, клинической формы и варианта течения заболевания, назначение медикаментозной коррекции, разработку и осуществление индивидуальных коррекционных и реабилитационных программ, в том числе и психотерапию в групповой и индивидуальной формах. Коррекционная и реабилитационная работа со взрослыми с последствиями аутизма, информационная и коррекционная работа с родителями пациентов. Коррекционная работа с родителями направлена на вовлечение их в коррекционный процесс ребенка и снятие хронического стрессового напряжения, связанного с болезнью ребенка, повышение его адаптивных способностей. На базе специализированных центров проходят обучающие семинары, конференции, тренинги для специалистов: психиатров, психологов, психотерапевтов, неврологов, педиатров, логопедов. Преимущество осуществляется с участковыми педиатрическими и психолого-психиатрическими службами, органами социальной помощи, общественными организациями и НКО.

Четвертый этап проводится на базе государственных и других образовательных и воспитательных учреждений (детские сады, школы и др.). Специалистами настоящего этапа являются педагоги, педагоги-психологи, воспитатели и другие специалисты. Основным требованием к специалистам является специальная подготовка в области работы с детьми с нарушениями развития и ограничениями в сфере психического здоровья. В задачи входит обеспечение оптимальных условий обучения и воспитания для больных РАС. Деятельность настоящего этапа включает осуществление учебного и воспитательного процессов, создание оптимальных условий для взаимодействия ребенка со здоровыми сверстниками. Осуществляется непосредственное взаимодействие с участковой психолого-психиатрической службой, органами социальной помощи.

Пятый этап осуществляется на базе учреждений социального обеспечения и реализуется социальными работниками, социаль-

ными психологами. Требования к специалистам включают наличие соответствующей квалификации, понимание особенностей состояния данной категории граждан. Задача пятого этапа – обеспечение социальной поддержки больных РАС и их семей. Деятельность, осуществляемая специалистами, состоит в проведении необходимого ухода, помощи в трудоустройстве взрослых пациентов, а также предполагает создание социальных центров, клубов общения для этой категории больных.

Таким образом, проведенный нами анализ реабилитации РАС позволил установить следующее:

- необходимое условие в формировании положительной динамики и благоприятного прогноза – проведение с больными РАС психолого-педагогической коррекции и психотерапевтической реабилитации, её раннее начало, регулярность и длительность;

- важной составляющей благоприятного прогноза является вовлеченность родителей в коррекционное взаимодействие;

- успешная реабилитация больных РАС возможна при создании комплексной медико-психолого-педагогической структуры помощи, основанной на преемственности специалистов, принимающих участие в реабилитации и одновременной работе с пациентом нескольких специалистов разных направлений.

Психологическая безопасность матерей, воспитывающих ребенка с особенностями в развитии как предмет реабилитации (из опыта работы)

На данном этапе развития общества, по традиции, сложившейся в нашей стране, проблемы семьи, которая воспитывает ребенка с особенностями в развитии, рассматриваются чаще всего через призму проблем самого ребенка (Миланич, 2014; Соколова, 2012; Ткачева, 2004). Родителям даются методические рекомендации и советы по вопросам поддержания здоровья, обучения и воспитания ребенка. Однако, из поля зрения исключается один из важных аспектов, требующих особого внимания, а именно: сами родители ребенка с отклонениями в развитии, их психологическое состояние.

По данным ряда авторов (Кольцова, 2015; Лаврова, 2014; Миланич, 2014; Карпова, 2010; Горячева, Солнцева, 2011; Майрамян, 1974 и др.), во многом динамика развития ребенка будет зависеть от принятия родителями информации о заболевании ребенка, выбора стиля и тактики его воспитания, адекватного восприятия заболевания на всех этапах развития ребенка и сохранения уважительных отношений между всеми членами семьи. Но какой ценой даются родителям все эти изменения? Что происходит с их собственным психологическим состоянием, восприятием окружающей действительности, отношениями между супругами и т.д.? Какие ресурсы помогают родителям найти в себе силы, чтобы создать гармоничную среду для роста и развития их «особого ребенка», сохранить свое собственное психологическое здоровье?

Как отмечают отечественные и зарубежные авторы, занимающиеся вопросами сопровождения семьи особого ребенка (Кольцова, 2015; Миланич, 2014; Соколова, 2012; Карпова, 2010; Чарова, Савина, 2008 и др.), рождение аномального ребенка либо выявление диагноза ребенка уже после его рождения, в первые годы жизни – стресс-фактор для его родителей, который сначала может протекать как переживание шоковой ситуации, а в дальнейшем перейти в хроническую форму, так как воздействие стресс-фактора воспитания особого ребенка сохраняется на протяжении всей последующей жизни родителей и воздействует как на психологическое состояние каждого члена семьи, так и на функционирование семьи как системы и взаимодействие семейной системы с обществом. Ребенок, рожденный с аномалией развития, не переживает в будущем так глубоко свой дефект, как его переживает семья, в которой появился такой ребенок (Романова, 2010; Карпова, Стреканова, 2010; Чарова, 2008 и др.). Также данными авторами отмечается, что важнейшую роль в формировании у ребенка чувства безопасности и защищенности, а также роль в его развитии в целом играет мать. Для формирования ребенка важно ее психологическое самочувствие, ее гармоничные взаимоотношения с окружающими, отсутствие у нее страхов по поводу родов и жизни ребенка, излишних эмоциональных реакций на стрессы. Именно мать тот че-

ловец, который чаще находится дома с ребенком, задачей которого является воспитание, уход за ним. Ей даются все рекомендации и все объяснения различных специалистов. Именно она чаще всего проводит больше времени с ребенком, занимается его лечением, отказывается от работы, увлечений, хобби. Неудивительно, что ее состояние можно охарактеризовать как далекое от эмоционального комфорта и внутреннего ощущения себя в безопасности (Романова, 2010; Карпова, Стреканова, 2010; Чарова, Савина, 2008; Богданова, Мазурова, 2006).

Опираясь на перечисленные точки зрения, можно говорить о том, что рождение в семье ребенка с особенностями можно рассматривать как дезорганизирующее, деструктивное воздействие со стороны среды, угрожающее состоянию защищенности как целостной семейной системы, которая влечет за собой ряд трансформаций в данной системе, так и состоянию целостности и защищенности конкретного члена семьи, в особенности матери. Деструктивное воздействие может препятствовать актуализации такой немаловажной функции женщины, как материнство, стать барьером, который самостоятельно женщина преодолеть не может, она начинает сомневаться в своей важности и значимости, как матери. Из этого следует, что основными аспектами, требующими пристального внимания специалистов, работающих с родителями особого ребенка, являются феномен психологической безопасности и разработка психологических приемов, направленных на повышение психологической безопасности матерей, воспитывающих ребенка с особенностями в развитии.

В понимании проблемы психологической безопасности мы обратились к работе Ф.К. Мугулова, в которой он представляет общее понятие безопасности как «совокупность признаков, характеризующих стабильное состояние защищенности объекта от разного рода угроз и опасностей, действие которых может оказать негативное влияние на его структурную и функциональную целостность вплоть до полного разрушения или неконтролируемой трансформации в другое объектное качество» (Мугулов, 2003. С. 43). А.Л. Романович считает, что безопасность – это «способ-

ность объекта (явления или процесса) сохранять свои системообразующие свойства, основные характеристики (параметры, целостность, качественные характеристики и т.д.) при регрессивных (вредных, дезорганизирующих, деструктивных, разрушающих) воздействиях со стороны различных предметов внешней либо внутренней среды...» (Романович, 2004. С. 50). С точки зрения И.А. Баевой, понятие «безопасность» включает в себя «актуализацию возможностей личности, взгляд на жизненные препятствия, трудности, являющиеся способами выделениями ее важности и значимости» (Баева, 2002).

Таким образом, можно обозначить ряд проблем:

1) Существует дефицит в исследовании феномена психологической безопасности матерей, воспитывающих детей с особенностями в развитии, что препятствует решению задач по повышению уровня их психологической безопасности.

2) Имеется нехватка способов обеспечения уровня психологической безопасности, достаточного для нормального функционирования матерей, воспитывающих детей с особенностями, и обеспечение их устойчивого и позитивного развития.

Первый этап реабилитации определен нами как диагностический. Для изучения параметров психологической безопасности матерей, воспитывающих ребенка с особенностями в развитии, были использованы следующие методики: Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман; методика СЖО Д.А. Леонтьева, Тест жизнестойкости С. Мадди; Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, Цветовой тест М. Люшера. Исследование проводилось на базе «АПФ-центра «Потенциал», учреждении, где оказывается помощь семьям, воспитывающим детей с нарушениями в развитии и куда родители приходят самостоятельно с целью реабилитации своего ребенка. Также исследование проходило при содействии конно-спортивного клуба «Багира» и клуба исторического фехтования «Булат». В исследовании приняли участие мамы детей с особенностями в развитии (РДА, РАС, ДЦП, СД, ЗППР и др.) от 3 до 11 лет. Выборка составила 32 респондента, которые были разделены нами на контрольную и эксперимен-

тальную группы, где экспериментальная группа была включена в разработанные психотерапевтические условия.

Второй этап нашего исследования включал разработку и реализацию программы «Гармония и Баланс» по созданию особого психотерапевтического пространства.

При разработке программы «Гармония и Баланс» (особое психотерапевтическое пространство), мы опирались на теоретические взгляды А. Алексейчика, Р. Кочюнаса, Э. Ванн Дорцен о том, что психотерапевтическое пространство – это особое диалогически-личностное пространство, создаваемое терапевтом и клиентом в процессе психотерапии для «интенсификации жизни» клиента, для разрешения и духовного проживания сложных жизненных ситуаций, трудностей и проблем, которые «из плоскости болезни перемещаются в плоскость исцеляющей жизни».

Основными свойствами психотерапевтического пространства являются: взаимное доверие, эмпатийное принятие, включенность, присутствие, честность, открытость как клиента, так и терапевта. Для реализации задач создания особого психотерапевтического пространства нами определена его психотерапевтическая составляющая – иппотерапия. Исследования И. Штрауса, Д. Спинк, М. Ш. Лория, Д.М. Цварава определили, что общение с лошадью оказывает влияние на человека. В работах данных авторов отмечается, что общение с лошадью и верховая езда позволяют не только снять стресс и минимизировать его последствия, но и обеспечивают развитие собственной значимости и веры в себя, способствуют максимальной мобилизации волевой деятельности, социализации. Необходимость постоянной концентрации внимания при верховой езде, максимально возможная собранность и самоорганизация, а также потребность запоминать и планировать последовательность действий активизируют психические процессы. Таким образом, для повышения уровня психологической безопасности в основу создания терапевтического пространства нами взята иппотерапия.

Цель программы: создание особого терапевтического пространства, благотворно влияющего на уровень психологической безопасности матерей, воспитывающих ребенка с особенностями в развитии.

Задачи:

- разработать комплекс упражнений верхом на лошади, способствующий улучшению координации, улучшению восприятия собственного тела в пространстве, уменьшению чувства страха и тревожности, поднятию эмоционального фона и улучшению контроля над своими эмоциями;

- подготовить лошадей для занятий иппотерапией;
- реализовать программу «Гармония и Баланс»;
- провести рефлексивное итоговое занятие с участниками для выявления положительных и / или отрицательных моментов терапии;

- выявление наличия / отсутствия дефицитов в работе программы.

Реализация программы проходила в два этапа. На первом этапе была организована подготовка лошадей для занятий по иппотерапии, на втором этапе была реализована разработанная нами программа.

Первый этап включал в себя разработку комплекса упражнений верхом на лошади, способствующий улучшению координации, улучшению восприятия собственного тела в пространстве, уменьшению чувства страха и тревожности, поднятию эмоционального фона и улучшению контроля над своими эмоциями, а также подготовка лошадей для занятий иппотерапией.

Второй этап связан непосредственно с реализацией программы «Гармония и Баланс». При этом испытуемые были распределены в группы по восемь человек в зависимости от количества пригодных лошадей. В группах были абсолютно равные условия проведения занятия для исключения различий между показателями психологической безопасности.

По итогам реализации программы можно сделать следующие общие выводы:

Женщины, воспитывающие ребенка с особенностями в развитии, характеризуются низким или переходным уровнем психологической безопасности, что проявляется в неудовлетворительном нервно-психическом состоянии, пониженном эмоциональном фоне, повышенном уровне тревожности, не до конца сформированном образе будущего, неуверенности в своих силах и недо-

рии к окружающим. Статистических различий между контрольной и экспериментальной группами не обнаружено.

Разработанная программа «Гармония и Баланс» представляет собой организацию такого пространства, в котором соприкосновение человека в процессе работы с чем-то первозданным, стихийным, тем, с чем раньше не приходилось работать, способствует мобилизации волевой деятельности испытуемых, развитию собственной значимости и веры в себя, улучшению концентрации внимания, обретению максимальной возможной собранности. Базовой составляющей особого психотерапевтического пространства является иппотерапия, которая наряду с такими условиями создания пространства, как окружающая среда, природа, возможность общения с другими людьми, саморефлексия, выступают важными факторами, влияющими на параметры психологической безопасности.

В экспериментальной группе по завершении действия программы наблюдались позитивные статистически достоверные различия ($p < 0,002$) по динамике параметров психологической безопасности, а именно: улучшение нервно-психического состояния, поднятие эмоционального фона, снижение уровня тревожности, возможность сформулировать более четко образ будущего, возможность позитивно оценивать свои действия и действия окружающих и умение контролировать их.

Показатели психологической безопасности (показатели жизнестойкости ($p < 0,038$), тревожности ($p < 0,007$), основных базисных убеждений ($p < 0,054$)) между контрольной и экспериментальной группами имеют статистически достоверные различия. Также в экспериментальной группе показатели осмысленности жизни, показатели нервно-психического и эмоционального состояния в значительной степени превышают показатели контрольной группы испытуемых.

Для проверки сформулированной ранее гипотезы было необходимо сравнить результаты, полученные после реализации программы в контрольной и экспериментальной выборках. Первичный сравнительный анализ, проведенный по результатам, полученным «до» реализации программы, не выявил статистически значимых различий. Результаты сравнительного анализа между

показателями, полученными после повторной диагностики, в контрольной и экспериментальной группах, представлены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа данных, полученных в контрольной и экспериментальной группах после реализации программы

Показатель	t-критерий равенства средних				
		t	Значимость (2-сторон- няя)	Разность средних	Сандарт. ошибка разности
Мадди «после» Жизнестойкость	Предполагается равенство дисперсий	2,602	,014	13,063	5,019
	Равенство дисперсий не предполагается	2,602	,015	13,063	5,019
Мадди «после» Вовлеченность	Предполагается равенство дисперсий	2,903	,007	9,063	3,122
	Равенство дисперсий не предполагается	2,903	,007	9,063	3,122
Мадди «после» Контроль	Предполагается равенство дисперсий	2,601	,014	3,313	1,273
	Равенство дисперсий не предполагается	2,601	,014	3,313	1,273
Мадди «после» Принятие риска	Предполагается равенство дисперсий	2,183	,037	2,688	1,231
	Равенство дисперсий не предполагается	2,183	,038	2,688	1,231

Показатель	t-критерий равенства средних				
		t	Значимость (2-сторон- няя)	Разность средних	Сандарт. ошибка разности
СЖО «после» Общий балл	Предполагается равенство дисперсий	1,027	,313	6,063	5,904
	Равенство дисперсий не предполагается	1,027	,313	6,063	5,904
СЖО «после» Цели в жизни	Предполагается равенство дисперсий	1,921	,064	4,438	2,310
	Равенство дисперсий не предполагается	1,921	,064	4,438	2,310
СЖО «после» Процесс	Предполагается равенство дисперсий	1,043	,305	2,188	2,097
	Равенство дисперсий не предполагается	1,043	,305	2,188	2,097
СЖО «после» Результативность	Предполагается равенство дисперсий	3,007	,005	3,313	1,101
	Равенство дисперсий не предполагается	3,007	,006	3,313	1,101
СЖО «после» Локус-Я	Предполагается равенство дисперсий	1,863	,072	3,438	1,846
	Равенство дисперсий не предполагается	1,863	,072	3,438	1,846

Показатель	t-критерий равенства средних				
		t	Значимость (2-сторон- няя)	Разность средних	Сандарт. ошибка разности
СЖО «после» Локус–Жизнь	Предполагается равенство дисперсий	1,782	,085	3,000	1,683
	Равенство дисперсий не предполагается	1,782	,087	3,000	1,683
Ситуативная тревожность «после»	Предполагается равенство дисперсий	-2,322	,027	-5,750	2,476
	Равенство дисперсий не предполагается	-2,322	,027	-5,750	2,476
Личностная тревожность «после»	Предполагается равенство дисперсий	-3,047	,005	-7,313	2,400
	Равенство дисперсий не предполагается	-3,047	,005	-7,313	2,400
ШБУ «после» Доброжелательность мира	Предполагается равенство дисперсий	3,807	,001	2,500	,657
	Равенство дисперсий не предполагается	3,807	,001	2,500	,657
ШБУ «после» Справедливость	Предполагается равенство дисперсий	1,896	,068	1,188	,626
	Равенство дисперсий не предполагается	1,896	,068	1,188	,626

Показатель	t-критерий равенства средних				
		t	Значимость (2-сторон- няя)	Разность средних	Сандарт. ошибка разности
ШБУ «после» Образ Я	Предполагается равенство дисперсий	2,508	,018	1,563	,623
	Равенство дисперсий не предполагается	2,508	,018	1,563	,623
ШБУ «после» Удача	Предполагается равенство дисперсий	1,931	,053	1,375	,712
	Равенство дисперсий не предполагается	1,931	,053	1,375	,712
ШБУ «после» Убеждения о контроле	Предполагается равенство дисперсий	4,423	,000	2,063	,466
	Равенство дисперсий не предполагается	4,423	,000	2,063	,466

Рефлексивные данные (методика МакЛеода и М. Купера, позволяющая оценить насколько значимым оказалось участие в программе) показали:

Большинство участников положительно оценили участие в программе, считают, что проведенное время не прошло для них даром, они приобрели значимый, положительный опыт.

Оценка программы позволила выявить ее основные дефициты, что дало основания усилить программу методом «Терапевтическое фехтование» (репликативный стиль), который направлен на улучшение умения взаимодействовать с окружающими людьми, общаться и адаптироваться в стрессовой ситуации.

Результаты участия в программе показали, что испытуемые стали более спокойными, у них понизился уровень ситуативной личностной тревожности, стали более обозначены временные перспективы. У многих женщин более четко сформировались цели в жизни, образ будущего, а также, что очень важно, повысился уровень контроля, что говорит о том, что они стали более уверенными в своих силах, в том, что могут повлиять на окружающую их ситуацию. Также испытуемых стали меньше раздражать и выбивать из колеи окружающие их люди и обстановка, у них сложилось более четкое понимание того, что мир вокруг намного лучше и окружающим можно доверять. Женщины, которые участвовали в программе стали характеризоваться большей вовлеченностью в процесс жизни при этом стали более адаптивными к стрессовой ситуации, побороли часть своих страхов и комплексов, стали более свободными и раскрепощенными.

Литература

- Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 7 (51). С. 83–84.
- Алексейчик А., Идрисов Г., Каган В. Разговоры о психотерапии. Вильнюс, 2011. 200 с.
- Атмаджан А. Умственная патология, страдающий индивид и лошадь. Париж, 1992. 98 с.
- Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб., 2002. 271 с.
- Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности / под ред. И.А. Баевой. М. : Нестор-история, 2011. 272 с.
- Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Психологическая помощь при нарушениях раннего эмоционального развития : метод. пособие. М. : Экзамен, 2013. 237 с.
- Благодырь Е.М. Формирование представлений о безопасном поведении человека как предмете психологической науки // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 4. С. 1. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 17.09.2015).

- Богданова Т.Г., Мазурова И.В. Влияние внутрисемейных отношений на развитие личности глухих младших школьников // Дефектология. 2006. № 5.
- Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191–194.
- Вишневский В.А. Влияние динамики моторных нарушений у больных ДЦП на психическое состояние их родителей // Вопросы клинической психиатрии : тез. докл. науч.-практ. конф. / под ред. А.Д. Ткачева. Кемерово, 1985. С. 38–42.
- Горячева Т.Г., Солнцева И.А. Личностные особенности матери ребенка с отклонениями в развитии и их влияние на детско-родительские отношения / под ред. В.К. Шабельникова, А.Г. Лидерса. М., 2011. С. 285–298.
- Гуткевич Е.В., Каткова М.Н. Психолого-генетические технологии выявления факторов психической дезадаптации семейных систем : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 120 с.
- Джосвик Ф. Вопросы и ответы. Пособие по терапевтической верховой езде. М. : МККИ, 2014. 68 с.
- Добряков И.В., Крыжко Е.В. Психическое развитие детей с церебральными параличами: особенности, отклонения, расстройства, психокоррекция и психотерапия / под ред. И.В. Добрякова, Т.Г. Щедриной. СПб. : Издательский дом СПбМАПО, 2012. Гл. 3. С. 113–137.
- Дуганова Ю.К. Жизнестойкость людей с разной психологической безопасностью // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 130–133.
- Карпова Н.Е., Стрекапова Т.А. Особенности самопринятия матерей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом / под ред. В.К. Шабельникова, А.Г. Лидерса. М., 2010. С. 111–119.
- Козлова Н.В., Левицкая Т.Е., Назметдинова Д.Г. Оценка эмоционально-мотивационной сферы и когнитивных нарушений у пациентов, перенесших ишемический инсульт // Психическое здоровье человека XXI века : сб. науч. ст. по материалам Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». М., 2016. С. 298–300.
- Кольцова Е.А. Психологические проблемы семьи и детей с диагнозом эпилепсия и психогенные неэпилептические приступы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie>

- problemy-semi-i-detey-s-diagnozom-epilepsiya-i-psihogennye-neepilepticheskie-pristupy (дата обращения 13.04.2016).
- Коробов М.В. Реабилитационный потенциал: вопросы теории и применения в практике МСЭ и реабилитации инвалидов // Врачебно-трудовая экспертиза. Социально-трудовая реабилитация инвалидов. М. : ЦБН-ТИ, 1995. Вып. 17. 22 с.
- Коробов М.В., Катюхин В.Н., Шварцман З.Д., Помников В.Г. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья в практике медико-социальной экспертизы при внутренних болезнях // Терапевтический архив. 2013. № 4. С. 43–46.
- Лаврова Г.Н. Особенности семьи ребенка с детским церебральным параличом // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по матер. XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. № 2 (37). Новосибирск : СибАК, 2014. С. 81–86.
- Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии : метод. пособие. М., 2006. 130 с.
- Лория М.Ш., Цварава Д.М. Райттерапия у больных с инфарктом миокарда. Тбилиси, 2011. 107 с.
- Майрамян Р.Ф. Особенности невротических расстройств в семьях умственно отсталых детей // III Всероссийский съезд невропатологов и психиатров : тез. докл. / под ред. В.М. Баншикова, Н.М. Шибанова. М., 1974. Т. 2. С. 295–297.
- Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии / под ред. В.И. Селиверстова. М. : ВЛАДОС, 2009. С. 306–318; 331–333.
- Мещерякова Э.И. Мотивационное отражение предметной деятельности в процессе поэтапной реабилитации // Реабилитация нервно-психических больных : материалы всесоюз. конф. Томск, 1981. С. 51–54.
- Мещерякова Э.И. Мотивационные характеристики больных шизофренией в индустриальной реабилитации // Актуальные вопросы психиатрии : сб. ст. Томск, 1983. С. 89–93.
- Мещерякова Э.И. Психологические аспекты поэтапной реабилитации психически больных // Реабилитация нервно-психических больных : тез. всесоюз. науч.-практ. конф. Томск, 1977. С. 23–26.
- Мещерякова Э.И. Психологические аспекты реабилитации больных и семейная психопрофилактика // Медико-психологические аспекты реабилитации и охрана психического здоровья : темат. сб. Томск, 1986. С. 18–23.

- Миланич Ю.М. Реализация семейных функций как критерий оценки психологического благополучия семьи ребенка с нарушением развития // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 38. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-semeynyh-funktsiy-kak-kriteriy-otsenki-psiologicheskogo-blagopoluchiya-semi-rebenka-s-narusheniem-razvitiya> (дата обращения: 21.11.2015).
- Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа. Сочи : РИО СИМБиП, 2003. 243 с.
- Нефедова И.В., Скворцов И.А., Ночевка Л.А., Дедов Н.П. Личностные особенности и динамика психоэмоционального состояния матерей при лечении ребенка с психоневрологической инвалидностью // Исцеление : альманах. М., 1995. Вып. 2. С. 95–101.
- Предупреждение инвалидности и реабилитация. Доклад Комитета экспертов ВОЗ по предупреждению инвалидности и реабилитации. Женева, 1983. 43 с.
- Психотерапевтическое пространство : реферат. URL: http://www.psychounseling.ru/psixoterapevticheskoe_prostranstvo_kogda_otnosheniya_klienta_i_psixologa_zaxodyat_za_gran (дата обращения: 02.05.2016).
- Романова О.Л. Психологическое исследование особенностей материнской позиции женщин, дети которых страдают церебральным параличом // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2010. № 9. С. 109–114.
- Романович А.Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008. 418 с.
- Семаго М.М. Социально-психологические проблемы семьи ребенка-инвалида с детства. М., 2010. 315 с.
- Семке В.Я., Гуткевич Е.В., Куприянова И.Е., Пирогова В.П. Невротические расстройства: проблемы генеза и превенции. Томск : Иван Федоров, 2011. 230 с.
- Соколова М.Г. Инкурабельный больной ребенок в семье // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2012. Т. 2, № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/inkurabelnyy-bolnoy-rebenok-v-semie> (дата обращения: 24.01.2016).
- Статистика минздрав России. URL: <http://www.interfax.ru/russia/436880> (дата обращения: 22.05.2016).
- Ткачева В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. М. : Психология, 2004. 192 с.

- Чарова О.Б., Савина Е.А. Особенности материнского отношения к ребенку с интеллектуальным недоразвитием // Вопросы психологии. 2008. № 7. С. 29–33.
- Шкловский В.М., Лукашевич И.П., Орлов И.Ю., Малин Д.И. Роль структурно-функциональных изменений головного мозга в формировании психопатологических расстройств у больных инсультом // Социальная клиническая психиатрия. 2014. № 1. С. 34–38.
- Штраус И. Иппотерапия. Нейрофизиологическое лечение с применением верховой езды. М., 2014. 254 с.
- Шутценбергер А.А. Практические занятия по психогенеалогии. Раскрыть семейные секреты, отдать долги предкам, выбрать собственную жизнь. М.: Класс, 2016. 125 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2009. 672 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
- Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 450 с.
- Beblo T., Driessen M. No melancholia in poststroke depression: a phenomenologic comparison of primary and poststroke depression // J. Geriatr. Psychiatry Neurol. 2002. Vol. 15, № 1. P. 44–49.
- Berg A., Palomaki H., Lehtihalmes M., Lonnqvist J., Kaste M. Poststroke depression in acute phase after stroke // Cerebrovasc Dis. 2001. № 12 (1). P. 14–20.
- Bruer M. Ingroup favoritism // European Journal of Social Psychology. 2012. Vol. 8, № 3. P. 393–400.
- Cooper M., McLeod J. Pluralistic counselling and psychotherapy. London: Sage, 2011. 196 p.
- Cvencek D., Greenwald A.G., Meltzoff A.N. Balanced identity theory: Evidence for implicit consistency in social cognition / ed. by B. Gawronski, F. Strack. Cognitive consistency: A unifying concept in social. New York: Guilford Press, 2012. P. 157–177.
- Davis C.H. The retarded child. What can the physician do? Virg. med. Monthly, 1960.
- Jungbauer J., Bischof J., Angermeyer M.C. Die Krankheit hat unser Leben total verändert // Belastungen von Partnern schizophrener Patienten beim Beginn der Erkrankung // Psychiatrische Praxis. 2001. № 28. P. 133–138.
- Kim JS, Choi-Kwon S. Poststroke depression and emotional incontinence: correlation with lesion location // Neurology. 2000. May 9. № 54 (9). P. 1805–1810.
- Knickmeyer R., Baron-Cohen S., Hines M., Raggatt P. Foetal testosterone, social relationships, and restricted interests in children // Journal of Child Psychology & Psychiatry. 2004. Vol. 45. P. 1–13.

- Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Fractal Approach to the Interpretation of Psychological Safety of the Person // *European Journal of Psychological Studies*. 2015. № 2 (6). P. 48–57. DOI: 10.13187/ejps.2015.6.48. (In Russian).
- Lawson J., Baron-Cohen S., Wheelwright S. Empathizing and systemizing in adults with and without Asperger Syndrome // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2004. Vol. 34. P. 301–310.
- Leeson O.J.J. Mentally handicapped children and their families // *Med. Word*. 1961. Vol. 95, № 6.
- LoriaManon, Merabishvili J. Hippotherapy at displastive scoliosis of the 1st and 2nd degrees. / III Europaisherkongress fur therapeutishesreiten. 17-19 Sep. 1998. BezirkskeankenhausHaarbeiMunchen, p. 16-17.
- Molony H. Parental reactions to mental retardation // *Med. J. Aust.* 1971. Vol. 1, № 17.
- Pohjasvaara T., Leppavuori A., Siira I., Vataja R., Kaste M., Erkinjuntti T. Frequency and clinical determinants of poststroke depression // *Stroke*. 1998. № 29 (11). P. 2311–2317.
- Ramasubbu R., Robinson R.G., Flint A.J., Kosier T., Price T.R. Functional impairment associated with acute poststroke depression: the Stroke Data Bank Study // *J Neuropsychiatry Clin Neurosci*. 1998. № 10 (1). P. 26–33.
- Robert Noe'mi. Hippotherapy as a special form of therapeutic medical training // It's the horse that makes the difference. 10-th International Congress in France. Angers Saumur, France 26–29 Avril 2009. P. 74.
- Robinson R.G. The neuropsychiatry of mood disorder. *Neuropsychiatry*. Second edition / R.B. Schiffer, C.M. Rao, B.S. Fogel (eds). Lippincott: Willams & Wilkins, 2003. P. 724–50.
- Winter K. Die Bedeutung der Herz-Kreislauf-Erkrankungen für Sterblichkeit, Arbeitsunfähigkeit und Invalidität. Verlag Volk und Gesundheit, Berlin, 1962. 124 s.

Глава 6. Культуральная обусловленность предъявления симптомов и психологических факторов депрессии (на примере традиционных народов Сибири)

Т.Г. Бохан, О.Н. Галажинская, У.В. Танабасова

Постановка проблемы

Аффективные расстройства являются самыми распространенными среди психических расстройств и одними из наиболее сложных социально-медицинских проблем, поэтому изучение расстройств настроения продолжает быть крайне актуальным научно-исследовательским направлением и имеет огромное практическое значение (Краснов, 2011; Olesena et al., 2012; Смулевич, 2015; Счастный и др., 2017; Galderisi et al., 2017). Среди аффективных расстройств депрессия в связи с распространенностью во всем мире и мультифакторностью своей этиологии стала предметом междисциплинарных исследований.

В последние десятилетия наметилась тенденция к развитию интегративных «биопсихосоциальных» моделей депрессии, согласно которым условиями возникновения депрессивных расстройств могут выступать сложные взаимодействия стрессовых средовых факторов и индивидуальных черт предрасположенности (Khalsa et al., 2011; Dunlop et al., 2012). Свидетельством тому являются результаты многочисленных эмпирических исследований, проводимых в рамках методологии культуральной психопатологии, которые ставят под сомнение валидность биомедицинской модели депрессии и свидетельствуют о позитивном вкладе психосоциальной модели, которая более успешно, чем биомедицинская, объясняет стереотипы предъявления соматических жалоб, варианты определения плохого настроения в различных культурах, уникальные идиомы, описывающие настроение и признаки дистресса (Marsella, 2003;

Ryder et al., 2011; Бохан, Султанова, Овчинников, 2016; Motsumoto, Juang, 2017).

Таким образом, объективируется проблема гомогенизации представлений о психической патологии при существующих культуральных различиях (Леони др., 2013).

В зарубежных и отечественных работах показано, что симптоматика психических расстройств зависит от культурального контекста не в меньшей мере, чем от биологических причин (Семке, Бохан, 2008; Тхостов, 2002; Kirmauer, 2005 и др.). Отражая современные общественные проблемы и тенденции в науке, сравнительно недавно возникли новые области научных знаний, изучающие взаимовлияние культуры и психопатологии, – культуральная психопатология (Lopez, Guarnaccia, 2000), транскультуральная аддиктология (Семке, Бохан, 2008), культурно-исторический подход к проблеме телесности (Тхостов, 2002; Тхостов, Сурнов, 2004).

Леон (2009) доказывает необходимость культуральной валидности диагноза, которая позволяет определять меру точности в оценке состояния пациента в рамках конкретного контекста, включающего в себя сложную систему верований, ценностей, взаимодействий и накопленных знаний, неотделимых от культурной принадлежности. Среди факторов, обуславливающих низкую культуральную валидность, выделяют: разнообразие симптомов, течения, исхода и распространенности психических расстройств в различных культуральных группах; особенности культурально-обусловленного предъявления симптомов; несоответствующее использование диагностических инструментов, большинство из которых разработаны представителями западного научного сообщества (Леон и др., 2012).

Исследования отдельных аспектов взаимодействия и взаимовлияния культуры и депрессии продолжают уже более полувека. А. Марселла (1983, 2003) предполагает, что одним из наиболее значимых факторов, влияющих на переживание депрессии, является культурно-обусловленная концепция личности. Однако данный фактор при постановке диагноза и терапии практически не учитывается. Анализ литературных данных указывает на почти

универсальный феномен гиподиагностики депрессии в культурах национальных меньшинств, одной из причин называется «западная» модель болезни, не всегда подходящая для представителей других культур (Aragones et al., 2006; Ryder et al., 2008; Леон и др., 2012) Несмотря на серьезность проблемы, за рубежом она стала изучаться сравнительно недавно, данные об отечественных исследованиях практически отсутствуют.

Актуальность изучения влияния культуры на проявления депрессии на примере представителей этнических групп Сибири обусловлена задачами раннего выявления, дифференцированной профилактики и терапии депрессий как определяющего фактора суицидального поведения. Необходимость научной разработки данной проблемы обусловлена ее социальной остротой. Согласно данным медицинской статистики, в Сибирском Федеральном округе показатель частоты завершенных суицидов составляет 41,5 случаев на 100 тыс. населения, в Бурятии – 73, 3 случая на 100 тыс. населения, в Алтайском крае – 41,7 на 100 тыс., в Республике Саха – 48,3 на 100 тыс.; там, где проживает коренное население, уровень суицидов 150–180 на 100 тыс., среди населения Севера Томской области – 80 случаев на 100 тыс. человек, среди них в процентном соотношении доминируют нарымские селькупы. Существующие методы количественной и качественной оценки депрессивных симптомов на выборке народов Сибири оказываются культурально не валидными, что снижает возможности ранней диагностики, превенции и терапии. Выявление профиля депрессивных признаков у представителей этнических групп и народов Сибири позволит определить вклад каждого признака в клиническую картину расстройства, предоставить ценную информацию о феноменологии расстройства у представителей различных культур, проживающих как на традиционной территории, так и в поликультурном пространстве Сибирского региона, определить задачи и методы ранней диагностики, дифференцированной психологической профилактики и терапии.

Дизайн исследования

Для выявления клинико-психологических особенностей проявления депрессии требовалось решение следующих задач: определить выраженность различных симптомов депрессии; выявить показатели состояния здоровья на разных уровнях организации человека – соматическом, психологическом, социальном, сопутствующие симптомам депрессии; изучить вклад в этиологию депрессии психологических факторов: восприятие причин депрессии и ее последствий для жизнедеятельности человека, когнитивные дефициты, затрудняющие совладание с трудными, стрессовыми ситуациями, особенности поведения в ситуации болезни, средства, способствующие улучшению состояния, ценности и социальные установки в отношении общества, самореализации, жизненной перспективы.

Исследовательская программа включала следующие методы и методики: клинико-психологическое интервью, Шкала депрессии Центра эпидемиологических исследований (CES-D – Center for Epidemiologic Studies – Depression, USA), Опросник состояния здоровья (Д. Гольдберг и П. Вильямс), опросник «Убеждения о депрессии: причины и последствия» (часть 1 – причины и часть 2 – последствия) (А. Бек), Опросник когнитивных стратегий регулирования эмоций (CERQ) (Garnefski et al., 2002), опросник «Торонтская шкала алекситимии» (TAS-20); опросники «Стратегии поведения в ситуации болезни» и «Факторы, способствующие улучшению состояния» (А. Ryder). Методы статистической обработки: описательная статистика, критерий Колмогорова–Смирнова, поправки Лиллиефорса, критерий Шапиро–Уилка, непараметрический критерий Краскела–Уоллиса, пост-хок тесты с использованием критерия Манна–Уитни, корреляционный анализ, факторный анализ с вращением варимакс, кластерный анализ.

Выборка респондентов представлена двумя основными группами, которые условно названы «клиническая» и «диспансеризация». В клиническую группу вошли пациенты, находящиеся на стационарном или амбулаторном лечении по поводу психических

(аффективных) расстройств и состояний депрессивного спектра, – представители алтайцев (83 человека); якутов (20 человек), тувинцев (60 человек), русских (83 человека); группа «диспансеризации» представлена респондентами этнических групп Камчатского края: коряки (69 человек), ительмены и чукчи (59 человек). Респонденты групп коряков, ительменов и чукчей были обследованы психиатром в результате выезда бригады медицинских специалистов в поселки Камчатского края с целью профилактического осмотра населения и не имели клинического диагноза. Представители ительменов и чукчей по общему месту проживания были объединены в одну группу.

Этнокультурные различия в предъявлении симптомов депрессии

Для определения выраженности различных симптомов депрессии были использованы метод клинико-психологического интервью и Опросник CES-D, так как он позволяет не только учитывать общую сумму баллов, оценивающую выраженность депрессии, но и ответы на каждый из 20 вопросов методики, квалифицирующих ее симптомы, что важно для изучения этиологического и сравнительного культурного аспектов данной проблемы. Результаты анализа данных клинико-психологического интервью позволяют заметить, что для респондентов групп «Коряки» и «Чукчи. Ительмены» такие традиционно относимые к депрессии симптомы, как отсутствие интереса или удовольствия от занятий, чувство подавленности и безнадежности, проблемы со сном, снижение энергии, менее характерны, чем для представителей других групп. Данное различие было ожидаемым и обусловлено тем, что представители других групп находились на лечении по поводу психических состояний и психических расстройств.

Статистически значимых различий в выраженности депрессии по результатам Шкалы депрессии Центра эпидемиологических исследований между группами не выявлено. Возможно, это объясняется тем, что во всех группах самый большой процент прихо-

дится на респондентов с умеренным уровнем выраженности депрессии. При этом количество респондентов с высоким уровнем выраженности отмечается у якутов, алтайцев и тувинцев. Отдельные респонденты с высоким уровнем депрессии встречаются в группе чукчей и ительменов и отсутствуют у коряков. Учитывая возможность этнокультуральных проявлений, выраженность депрессии по сумме баллов симптомов для задач исследования являлась менее информативной, чем анализ выраженности отдельных симптомов.

С помощью «Опросника состояния здоровья» выявлены значимые различия в показателях состояния здоровья на психологическом, соматическом и экзистенциальном уровнях организации человека. Анализ выявленных различий в выраженности симптомов депрессии и показателях состояния здоровья на разных уровнях организации человека позволяет сделать предположения о некоторых особенностях проявления депрессии у респондентов в исследуемых группах. Так, отличительными симптомами формирования депрессии для «Якутов» могут являться повышение уровня тревоги и беспокойства, ощущение подавленности, неуверенности в себе, отсутствие надежды на будущее, которые не снижаются даже при оказании социальной поддержки. При этом данные психологические изменения могут сопровождаться у якутов такими астеническими состояниями, как отсутствие бодрости, энергии, инсомния. Усугубление данных признаков может свидетельствовать о развитии неврастении и ее связи с депрессивными состояниями.

Отличительные симптомы депрессии, согласно полученным результатам, у респондентов группы «Алтайцы» могут проявляться психологическими и соматическими изменениями. На психологическом уровне это переживание грусти, подавленности, сомнения в своей самооценке, хроническая напряженность и нервозность, фиксация на различных переживаниях, в том числе связанных с семьей. На соматическом уровне – нарушения сна, головная боль, учащенное сердцебиение, дискомфорт и давление в груди. Такие симптомы, как переживание грусти, подавленности, хроническое напряжение, в сочетании с соматическими являются, согласно ли-

тературным данным, предикторами формирования психосоматических расстройств, которые могут вступать в коморбидные отношения с депрессией.

Для «Тувинцев» такими симптомами могут являться неуверенность в себе, ограничение в положительных эмоциях, неудовлетворенность возможностью справляться со своими делами, отсутствие видения положительной жизненной перспективы.

В отношении групп «Ительмены. Чукчи» и «Коряки» выявлена невыраженность тех симптомов депрессии, которые характерны для респондентов других групп на психологическом и соматическом уровнях. Однако можно заметить, что, с одной стороны, у них проявляется более легкомысленное отношение, с другой – такие экзистенциальные проблемы, как ощущение некоторой безнадежности жизни и собственной бесполезности, отсутствие надежды и позитивных эмоций, связанных с будущим. При этом отмечается наличие социальных проблем, связанных с переживанием одиночества, недолюбленности. Данные психологические факторы могут, вероятно, выступать как симптомами, так и предикторами формирования депрессивных состояний и далее депрессивных расстройств, что важно учитывать в консультативной и профилактической работе с населением.

В то же время на основании полученных данных можно выделить те отличия, которые можно рассматривать в качестве ресурса противостояния нарушениям психического здоровья. Эти психологические ресурсы должны быть учтены в психотерапевтической работе, в дифференцированной медико-психологической помощи. У «Алтайцев» в качестве таких ресурсов можно рассматривать открытость и значимость социальной поддержки, восприятие доброжелательности людей, желание наслаждаться жизнью. У «Тувинцев» таким ресурсом может являться значимость социальной поддержки, стремление проявлять заботу о близких и к хорошим отношениям в семье. Для «Тувинцев» наряду со значимостью переживаний, связанных с семьей, актуальными также оказались собственные возможности самостоятельно справляться с делами, стремление к самоутверждению. У якутов – возможности саморегуляции аффективных реакций и возможность сохранения физиче-

ской активности. Для респондентов представителей Камчатки в качестве профилактического ресурса может выступать психологическое и соматическое здоровье, указывающее на удовлетворительный уровень адаптационных ресурсов, стремление к осознанию важности собственной роли, оценке ее полезности в чем-либо.

Таким образом, определены основные тенденции, которые условно можно рассматривать в качестве этнокультурально обусловленных ранних симптомов депрессии. Их проверка с целью культуральной валидации требует дальнейшего анализа полученных фактов с помощью методов многомерной математической статистики с учетом изучаемых в исследовании факторов (Бохан, Галажинская, Терехина и др., 2016).

Вклад психологических факторов в этиологию депрессии

Как показал анализ литературных источников, проблема вклада различных факторов в этиологию депрессии требует изучения восприятия пациентами причин депрессии и характера ее последствий для собственной личности и жизнедеятельности в целом, когнитивных и поведенческих ресурсов совладания, средств, которые используют респонденты для улучшения своего состояния, системы ценностей и установок в отношении общества, самореализации, жизненной перспективы.

С особенностями восприятия причин и последствий депрессии связано отношение к болезни, лечению, понимание степени собственной ответственности, собственного вклада в процесс лечения и собственную жизненную перспективу (Khalsa et al., 2011). В то же время отмечается ограниченность эмпирических работ, которые бы исследовали связь представления о причинах депрессии и предпочтения конкретного метода лечения, влияние убеждений о причинах депрессии на исход лечения, роль ожидаемых последствий в будущей жизненной перспективе (Sullivan et al., 2003; Bann et al., 2004; Meyer, Garcia-Roberts, 2007).

Мы предполагаем, что убеждения о причинах и последствиях депрессии, как не зависящих от самих респондентов, могут усили-

вать стресснапряжение, снижать собственную ответственность и активность пациентов в процессе лечения. Знание этих убеждений необходимо для разработки дифференцированного (с учетом характера убеждений о причинах и последствиях) подхода в лечении и медико-психологической реабилитации пациентов с депрессией. Выявление общих тенденций и различий в убеждениях о причинах и последствиях депрессии у представителей этнических групп Сибири осуществлялось с помощью контент-анализа ответов на открытые вопросы, опросника «Убеждения о депрессии: причины и последствия» (часть 1 – причины и часть 2 – последствия) (А. Бек). Часть 1 опросника позволяет определить, какие причины формирования депрессивных состояний считают респонденты наиболее вероятными у себя. Согласно методике, их выделено 34, они распределены в следующие типы: психосоциальные, традиционные, органические и биомедицинские. Выраженность вероятности причин представлена в диапазоне от маловероятной причины (1 балл) до ее высокой вероятности (7 баллов). Респондентам предлагается оценить вероятность каждой причины в собственном случае. Часть 2 включает 21 вариант описания возможных последствий, которые сгруппированы в три вида: личные последствия, социальные последствия, положительные последствия. Выраженность вероятности последствий в представлениях респондентов оценивается в диапазоне от малой вероятности (1 балл) до высокой вероятности (7 баллов). Респондентам предлагается оценить вероятность предполагаемых ими последствий. Сумма баллов по каждой шкале позволяет судить о мнении респондентов о степени вероятности причин и последствий депрессии. Статистическая обработка данных осуществлялась методами описательной статистики, сравнительного анализа с помощью критерия Краскела–Уоллиса с последующим использованием пост-хок тестов с помощью критерия Манна–Уитни, корреляционного анализа методом критерия Пирсона.

В результате анализа данных (Бохан, Бохан, Счастный и др., 2016) установлено, что большинство респондентов всех групп считают наиболее вероятными причинами депрессии психосоциальные причины. Контент-анализ ответов респондентов на открытый

вопрос о причинах снижения их настроения позволил получить представление о психологическом содержании психосоциальных причин. Многие респонденты всех групп оценивают категорию «стресс» как наиболее вероятную причину депрессии. Данный факт требует обращения внимания на изучение проблемы стресса и совладания как вероятных факторов депрессии у представителей народов Сибири, а также определения задач и методов профилактики в возрастных группах и группах риска нарушения психического и соматического здоровья. В качестве причин респондентами всех групп указываются такие, которые относятся к категориям «социально-экономических условий» в стране, особенно в регионе проживания, «психологических возрастных проблем», «состояния здоровья близких людей», «духовно-нравственных проблем». Многие респонденты группы «Ительмены. Чукчи» в качестве такой причины рассматривают наличие фактора «слишком много дел».

Все категории причин депрессии, представленные в методике, рассматриваются многими респондентами групп «Коряки» и «Ительмены. Чукчи» в качестве вероятных. Большинство представителей групп «Алтайцы» и «Тувинцы» считают маловероятными органические, биомедицинские причины, равно как и традиционные причины, например, такие, как «судьба», «неудача» и т.п. В то же время в группе «Якуты» многие респонденты традиционные причины депрессии рассматривают в качестве вероятных, а органические причины, которые связаны с проблемами состояния их здоровья, – маловероятными. Значимые различия выявлены между группами Камчатки и «Алтайцы» и «Тувинцы» в отношении биомедицинских причин (генетические предпосылки, биохимические изменения в мозге, гормональный дисбаланс), которые считаются более вероятными причинами депрессии у представителей Камчатки.

Обобщая результаты, можно заметить, что респонденты без клинического диагноза более открыты по отношению к восприятию возможных причин депрессии, а следовательно, к тем средствам, которые могут ее предотвратить или лечить. Респонденты с клиническим диагнозом более фиксированы на определенных причинах, чаще это психосоциальные причины или традиционные, связанные с фаталь-

ностью, что, с одной стороны, затрудняет лечение, с другой – может указывать на направления психологической помощи. С учетом полученных данных психологическая помощь должна быть направлена на развитие личностных ресурсов совладания со стрессом, на решение социально-психологических трудностей, что может способствовать улучшению состояния респондентов во всех группах. В группе «Якуты» особо актуальным является формирование позитивного самовосприятия и оптимизма, повышение самооценки и собственной ответственности, уверенности в своих возможностях.

В отношении убеждений о последствиях депрессии большинство респондентов в группах «Ительмены. Чукчи» и «Коряки» отмечают связь депрессии с личностными и социальными изменениями в жизни, а также с определенными выгодами, которые несет за собой расстройство, например внимание близких, возможность не работать, меньше обязанностей и т.д. «Тувинцы» не связывают последствие депрессии с личностными изменениями, например такими, как потеря или увольнение с работы, низкой самооценкой, неспособностью выполнять работу, обязанности. Многие «Тувинцы» и «Алтайцы» не считают, что это скажется на их социальных связях и отношениях с другими, что расстройство может оказать негативное влияние на репутацию семьи или фамилии, потерю социального статуса, вероятность стать обузой семье и близким. Маловероятным для себя многие из них считают привлекательность таких выгод, как возможность не работать, тратить больше времени на себя, иметь меньше обязанностей и обязательств.

Показатели убеждений о последствиях депрессии в группе «Якуты» не обнаружили значимых различий с аналогичными показателями в группах «Алтайцы» и «Тувинцы». Результаты исследования клинических групп мы можем объяснить актуальным состоянием респондентов, которые находятся на лечении по поводу расстройств настроения с симптомами депрессии, главным психологическим проявлением которого является закрытие психологической системы, в том числе и по отношению к их будущему. В то же время выявленные на предыдущем этапе исследования показатели указывают, что у алтайцев – опора на социальные связи, от-

ношения с близкими, которые являются значимыми, а у тувинцев – на веру в собственные возможности выполнять работу и обязанности, желание вести самостоятельно свои дела, у якутов – возможность эмоциональной саморегуляции, могут рассматриваться в качестве терапевтического и реабилитационного ресурса.

Изучение связей убеждений о причинах депрессии с ее последствиями выявило значимые корреляционные взаимосвязи. У представителей Камчатского края отмечаются прямые взаимосвязи убеждений о психосоциальных и биомедицинских причинах депрессии с переживанием личностных, социальных и положительных последствий, убеждений о традиционных и органических причинах с прогнозированием личностных и социальных изменений в жизни, связанных с последствиями депрессии. В клинических группах у представителей «Алтайцев» установлены прямые взаимосвязи убеждений о традиционных причинах депрессии со всеми видами последствий – с личностными, социальными и положительными, в то время как психосоциальные причины связаны с личностными и социальными последствиями депрессии. В группе «Тувинцы» отмечаются положительные взаимосвязи психосоциальных, органических, традиционных и биомедицинских причин с личностными и социальными изменениями. Выявленные взаимосвязи убеждений о причинах и последствиях депрессий позволяют дифференцировать (с учетом этнокультурных различий) и индивидуализировать психотерапевтическую психокоррекционную работу в системе медико-психологической помощи данной категории лиц, страдающих нервно-психическими расстройствами, а также определять задачи и мишени профилактики и реабилитации с учетом культурального аспекта стигматизации и самостигматизации психически больных (Носачев и др., 2008). Особенности убеждений о причинах и последствиях депрессии требуют дальнейшего изучения во взаимосвязи с другими факторами, участвующими в этиологии симптомов депрессии. Изучение этих взаимосвязей позволит установить этнокультурные модели психологических факторов риска формирования депрессивных расстройств и личностных ресурсов реабилитационного потенциала.

К таким факторам могут быть отнесены дефициты когнитивных ресурсов совладания. Изучение особенностей совладания с трудными жизненными ситуациями, с переживанием отрицательных эмоций становится особенно актуальным в свете проблем, закономерно возникающих при выходе человека традиционной культуры за пределы своей среды в поликультурное пространство (Татарко и др., 2004; Бохан, 2009). Объективируя проблему «культурного стресса», исследователи указывают на возможную этнокультурную обусловленность как самих трудных, стрессовых для респондентов ситуаций, так и стратегий совладания с ними (Бохан, 2008). Способность адекватно переживать жизненные трудности и конструктивно совладать с ними обеспечивает сохранение психического здоровья человека (Ялтонский, Сирота, 2008; Исаева, 2009). В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях последних десятилетий установлена связь между особенностями совладания и психопатологией (Печникова, 2008; Баскакова, 2010; Калининченко, Полищук, 2014). Показано, что трудности совладания с негативными жизненными событиями и ситуациями лежат в основе формирования таких психических расстройств, как невроз и депрессия. Неспособность человека конструктивно совладать с трудностями в ситуации болезни, в частности психических расстройств, может способствовать формированию депрессии. Исследователи отмечают высокую коморбидность депрессии с психическими расстройствами (Bruce et al., 2005). Именно когнитивным стратегиям преодоления трудностей отводят центральную роль в теоретических моделях, предназначенных для объяснения проблем психического здоровья (Хазова, 2008). Познавательные процессы помогают людям регулировать свои эмоции или чувства и не страдать от их интенсивности во время или после преодоления отрицательного или напряженного жизненного события (Garnefski et al., 2002). Вопросы о том, в какой степени познавательные аспекты могут оказывать влияние на процессы совладания, как они регулируют эмоции и как влияют на эмоциональную обработку при переживании отрицательных жизненных событий, все еще остаются открытыми и актуальными.

В клинической психологии различными исследователями была показана связь когнитивных стратегий с психопатологией. Так, самообвинение характеризуется как познавательная стратегия преодоления, в которой человек считает, что он ответствен за произошедшее с ним, берет на себя вину, его беспокоят мысли об ошибках, которые он совершил. Высокая степень переживания вины может быть связана с формированием психопатологии (Anderson et al., 1994). Принятие относится к мыслям, когда человек подчиняется тому, что произошло, и принимает ситуацию, думая, что ничего уже не изменить. Очень высокий уровень принятия может указывать на неспособность больше влиять на события, формирование пассивно-оборонительной позиции (Carver et al., 1989). Размышление относится к постоянному размышлению о событии и/или озабоченности чувствами и мыслями, связанными с отрицательным событием. Чрезмерная концентрация на размышлении связана с наличием эмоциональных проблем или признаков психопатологии (Nolen-Hocksems et al., 1994). Под положительной перефокусировкой понимается возможность переключиться на размышление о другом, о приятных вопросах вместо рассматриваемого события.

В целом показано, что эта стратегия сама по себе может иметь положительное влияние. Низкая выраженность положительной перефокусировки может быть связана с незначимостью данного события для человека (Endler, Parker, 1990). Планирование относится к размышлению, в котором предпринимаются шаги, чтобы продумать план и изменить ситуацию. По существу, это положительная познавательная стратегия совладания. Однако ее высокая выраженность применения может быть связана с эмоциональными проблемами, когда есть одно планирование и нет действий, т.е. мысли без действия. С другой стороны, очень низкий балл на перефокусировке на планировании говорит о низких ресурсах совладания (Резчик и др., 1989; Folkman, Lazarus, 1989).

Положительный пересмотр относится к мысленному приписыванию положительного значения событию с точки зрения личного роста, когда человек думает, что событие делает его более силь-

ным, он ищет положительные стороны случившегося. В основном относится к положительной стратегии преодоления, но высокая выраженность данной стратегии без принятия мер или ее низкая выраженность, когда человек не может извлекать положительный опыт из ситуации, могут создавать условия для формирования эмоциональных проблем.

Рассмотрение в истинном свете относится к мыслям, которые преуменьшают серьезность события, по сравнению с другими событиями, приводят к пониманию, что есть худшие вещи в мире (Allan, Gilbert, 1995). Катастрофизация – это обращение к повторяющимся мыслям о том, насколько событие было ужасным, и о том, что Вам досталось намного хуже, чем другим. Привычка использовать данную стратегию почти наверняка связана с наличием эмоциональных проблем или признаков психопатологии. Обвинение относится к мыслям о возложении вины за то, что испытал человек, на других, считая других ответственными за то, что произошло.

Обращение к изучению алекситимии при выявлении дефицитов когнитивных ресурсов совладания обусловлено тем, что дефицит рефлексии относится к важному признаку алекситимии. Именно рефлексия является частным механизмом личностно-мотивационного уровня саморегуляции. Рефлексия позволяет осознать смысл собственной жизни и деятельности.

Таким образом, рефлексия является важным источником устойчивости, свободы и саморазвития личности.

В процессе онтогенетического развития по каким-то причинам потребность в саморегуляции может оказаться не сформированной. В результате невозможность реализации актуальных потребностей ведет к хронизации эмоций и, как следствие, к стойким соматическим изменениям (Garnefski et al., 2002). Зарубежные исследования показали прочные связи между соматизацией и эмоциональными факторами в азиатских культурах. Например, канадское исследование показало более высокие уровни алекситимии среди студентов китайцев, чем среди студентов, говорящих на родном английском языке и европейских студентов (Ryder et al.,

2008). Это привело исследователей к выводу о том, что отношения между соматизацией и алекситимией можно рассматривать как более значительные в азиатских культурах. По мнению ряда исследователей, алекситимия предполагает когнитивные и аффективные стили и представляется фактором риска в развитии соматических и психических заболеваний (Grabe et al., 2004).

С целью выявления особенности когнитивных ресурсов совладания у представителей этнических групп Сибири с симптомами депрессии были использованы опросники «Опросник когнитивных стратегий регулирования эмоций» (CERQ) (Nadia Garnefski, Kraaij, Spinhoven) и «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20); статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики, критерия Каскела–Уоллиса с последующим использованием пост-хок тестов с помощью критерия Манна–Уитни (Бохан, Бохан, Терехина и др., 2016).

Опросник когнитивных стратегий регулирования эмоций» (CERQ) (Garnefski, Kraaij, Spinhoven) состоит из 36 утверждений – это определенные мысли, возникающие у человека при совладании с неприятностями и переживаниями. Методика позволяет определить выраженность в опыте совладания респондентов таких когнитивных стратегий, как самообвинение, принятие, размышление, положительная перефокусировка, перефокусировка на планирование, положительная переоценка, рассмотрение в истинном свете, катастрофизация, обвинение. Респонденту предлагается ознакомиться с предложениями и указать, насколько часто у него возникают эти мысли. Диапазон оценки от «никогда» – 1 балл до «всегда» – 5 баллов. Сумма баллов по каждой шкале позволяет судить о выраженности определенных когнитивных стратегий.

Для выявления дефицита рефлексивных способностей использован опросник «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20), адаптированный для русской выборки. Шкала самоотчета состоит из 20 пунктов, каждый из которых оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен). В тесте имеются три подшкалы: трудности идентификации чувств (ТИЧ), трудности с описанием чувств другим людям

(ТОЧ), внешне-ориентированный тип мышления (ВОМ). Чем выше балл, тем выраженнее признаки алекситимии по подшкале. В данной реализации теста значение TAS от 20 до 51 считается нормальным; от 52 до 60 – повышенным; от 61 и выше – высоким.

На основании полученных данных опросника «Торонтская алекситимическая шкала» и их обработки методом описательной статистики мы можем говорить о том, что наибольшие трудности идентификации чувств, трудности с описанием чувств другим людям, внешне-ориентированным типом мышления могут испытывать многие представители всех групп. Особенно высоко они выражены у многих респондентов в группах «Якуты», «Тувинцы», «Алтайцы» (Бохан, Счастный, Терехина и др., 2016).

В отношении когнитивных стратегий эмоционального регулирования на основании результатов описательной статистики можно отметить отсутствие значительной выраженности (на уровне «всегда») определенных когнитивных стратегий совладания у многих респондентов всех групп. Исключение составляет группа «Якуты», в которой многие респонденты указывают, что склонны «всегда» использовать такие стратегии, как «самообвинение», «катастрофизация», «размышление», «положительный пересмотр». Выявлены статистически значимые различия в выраженности стратегий «самообвинение», «принятие», «рассмотрение в истинном свете», «катастрофизация». Так, более склонными, по сравнению с другими, к использованию стратегии «самообвинение» оказались представители групп «Алтайцы», «Якуты» и «Тувинцы». Стратегия «принятие» более выражена у респондентов групп «Алтайцы», «Якуты», «Ительмены. Чукчи», по сравнению с «Коряками». На стратегию «рассмотрение в истинном свете» чаще указывают респонденты групп «Алтайцы» и «Якуты», чем представители группы «Коряки». Респонденты группы «Якуты», по сравнению с «Тувинцами» и «Коряками», прибегают чаще к стратегии «катастрофизации».

С целью определения латентной структуры взаимосвязей когнитивных стратегий совладания, а также вариантов структуры взаимосвязей с учетом критерия наличия и отсутствия клиниче-

ского диагноза был осуществлен факторный анализ методом вращения варимакс с нормализацией Кайзера. Полученные результаты позволяют выявить когнитивные факторы формирования депрессии, а также когнитивные ресурсы противостояния депрессии. В каждой основной группе, «клинической» и «диспансеризации», было выявлено по два значимых фактора. Анализ наполненности факторов когнитивных стратегий совладания позволяет заметить, что первый фактор в «клинической» группе представлен такими интрапунитивными, отражающими пассивный, инертный характер когнитивного совладания, стратегиями, как «катастрофизация», «рассмотрение в истинном свете», «самообвинение», «размышление», «принятие». Аналогичная структура, исключая стратегию «катастрофизация», выявлена в одном из факторов в группе «диспансеризация».

Данное сравнение позволяет предположить, что взаимосвязи данных когнитивных стратегий могут выступать преморбидным когнитивным фактором в этиологии депрессии, клиническим проявлением которой может выступать стратегия «катастрофизация» как стрессогенный стиль мышления, согласно когнитивной концепции депрессии Эпштейна. В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что значимо более выражены стратегии «самообвинение», «принятие», «рассмотрение в истинном свете», «катастрофизация» в «клинических» группах, по сравнению с группами «диспансеризации». Два других фактора в обеих группах имеют общие и отличительные признаки. Общим для обеих групп являются высокий вес прямых взаимосвязей стратегий «положительный пересмотр», «положительная перефокусировка», «перефокусировка на планировании». Данные стратегии у респондентов «клинической» группы объединились в одном факторе, в то время как у респондентов группы «диспансеризация» данные стратегии обнаружили прямые взаимосвязи с «катастрофизацией» и «обвинением других».

На основании этих данных можно предположить, что в ситуации, когда респонденты групп «Камчатка» реагируют на эмоционально трудные ситуации когнитивной стратегией «катастрофиза-

ция» или экстрапунитивной стратегией «обвинения других», они способны использовать «положительный пересмотр», «положительную перефокусировку», «перефокусировку на планирование», что позволяет им более гибко и эффективно осуществлять эмоциональную саморегуляцию и совладать с эмоционально напряженными, стрессовыми ситуациями. Дефицит таких когнитивных стратегий, как «положительный пересмотр», «положительная перефокусировка», «перефокусировка на планировании», может выступать фактором, затрудняющим совладание у лиц с расстройствами настроения.

Таким образом, выявлены этнокультуральные различия в когнитивных стратегиях совладания. Показано, что такие стратегии, как «самообвинение», «принятие», «рассмотрение в истинном свете», «катастрофизация», более выражены у респондентов «клинических» групп, по сравнению с группами «диспансеризации». Определена факторная латентная структура взаимосвязей когнитивных стратегий совладания в «клинических» группах (имеющих психическое расстройство) и в группах «диспансеризации», которая может указывать на когнитивные риски формирования депрессии, а также на когнитивные ресурсы противостояния депрессии в этнических клинических группах. Определен этнокультуральный инвариант когнитивных стратегий совладания, оптимум выраженности которых позволяет представителям народов Сибири справляться с трудными ситуациями без формирования состояний депрессии. Выявлены дефициты когнитивного совладания, проявляющиеся в сниженных рефлексивных возможностях – идентификации и вербализации чувств, интернальном мышлении у респондентов всех групп, дефицитах стратегий «положительная перефокусировка», «перефокусировка на планирование». Выявленные факты могут быть учтены в программах ранней диагностики риска возникновения депрессий, в психологической коррекции, направленной на развитие копинг-ресурсов в профилактике депрессий у представителей традиционных народов Сибири.

Обращение к изучению особенностей стратегий поведения в ситуации болезни и тех средств, к которым прибегают люди, что-

бы улучшить свое состояние, обусловлено тем, что в ситуации болезни требуется выработка новых, адекватных изменившимся условиям существования способов саморегуляции как способов совладания с болезнью и возможностей выхода в новый образ жизни (Баскакова, 2010). Выявление особенностей поведения и средств помощи в улучшении состояния с учетом этнокультурального аспекта позволит расширить представления о психологических факторах в этиологии депрессии, выявить ресурсы, способствующие улучшению состояния лиц с расстройствами аффективного спектра, что необходимо для разработки эффективных методов раннего выявления и психологической профилактики депрессии дифференцированных методов психологической помощи в системе терапевтических и реабилитационных мер в рамках определенного культурного круга.

Особенности поведения в ситуации проявлений симптомов депрессии и используемые респондентами средства улучшения своего состояния выявлялись с помощью опросников «Стратегии поведения в ситуации болезни» и «Средства, способствующие улучшению состояния» (Ryder et al., 2010).

Методика «Стратегии поведения в ситуации болезни» включает 71 способ поведения. Эти способы поведения по их смысловой направленности были объединены в следующие стратегии: «фиксация на негативных мыслях, чувствах и состояниях», «социальная поддержка», «диссимиляция», «пессимизм и фиксация на негативных эмоциях», «принятие наркотических средств», «самообвинение», «переключение», «агрессия», «еда», «сосредоточение на решении проблемы», «положительная переоценка», «эмоциональная регуляция и самоподдержка». Респондентам было предложено оценить степень вероятности использования данных способов поведения при регуляции своего состояния от 0 до 7 баллов, где 5 баллов и выше указывают на вероятность использования данного способа поведения.

Опросник «Средства, способствующие улучшению состояния» включает 28 видов средств, содействующих в улучшении психического состояния, связанного с депрессией. Среди них – медикаментозные средства, средства нетрадиционной медицины, релаксация,

социальная поддержка, самосознание и саморазвитие, регуляция соотношения работы и отдыха, религия. Респондентам было предложено оценить у себя степень (от 0 до 7 баллов) вероятности помощи этих средств в улучшении своего психического состояния, при этом значение 5 баллов и выше указывает на вероятность влияния фактора на улучшение состояния. Для обработки полученных данных в контексте поставленных исследовательских задач использовались статистические методы: описательная статистика, критерий Краскала–Уоллиса, критерий Манна–Уитни, факторный анализ с вращением варимакс, кластерный анализ (Бохан, Терехина, Шухлова и др., 2016).

В результате описательной статистики установлено, что к наиболее вероятным способам поведения в состоянии депрессии «Алтайцы» относят: «Думаю о том, что чувствую усталость и что мне нездоровится», «Думаю о провалах, неудачах, недостатках и ошибках», «Думаю, что я не чувствую в себе сил что-либо делать», «Решаю улучшить сферы своей жизни», «Делаю что-либо бодрое, чтобы отвлечься от своих чувств».

«Тувинцы» указывали на вероятность следующих стратегий поведения: «Думаю о провалах, неудачах, недостатках и ошибках», «Думаю, что никто не хочет быть рядом из-за моего настроения», «Переживаю, что испортил отношения», «Думаю, как же неловко моей семье из-за меня», «Что-то делаю, чтобы почувствовать себя лучше», «Принимаю еду», «Принимаю лекарства», «Делаю что-то, что прежде поднимало настроение», «Делаю что-то, что нравится», «Помогаю другим, чтобы отвлечься», «Мечтаю, фантазирую, чтобы отвлечься», «Смотрю телевизор, чтобы отвлечься», «Делаю что-то, чтобы отвлечься от своих чувств», «Отправляюсь в любимое место, чтобы отвлечься», «Анализирую события, чтобы понять причину депрессии», «Пробую найти что-то положительное в ситуации или в том, чему она меня научила», «Вспоминаю недавнюю ситуацию, как она разрешилась», «Обсуждаю с кем-то, чье мнение для меня важно», «Избегаю уединения», «Стараюсь быть рядом с другими».

Для якутов такими вероятными способами поведения оказались: «Чувствую себя бездейственным и пассивным», «Думаю,

насколько мне грустно», «Думаю о провалах, неудачах, недостатках и ошибках», «Чувствую, что нет сил что-либо делать», «Думаю, почему у меня такие проблемы, которых нет у других», «Думаю, как же неловко моей семье из-за меня», «Думаю, почему я не справляюсь с этим лучше», «Думаю, чем я это заслужил», «Думаю, что не имею право чувствовать себя таким образом, я эгоист», «Думаю, что сержусь на самого себя», «Напоминаю себе, что это долго не продлится», «Анализирую последние события, чтобы понять, почему нахожусь в депрессии», «Иду куда-нибудь один, чтобы подумать о своих чувствах», «Делаю то, что нравится», «Иду спать, чтобы избежать своих чувств», «Принимаю лекарства, чтобы чувствовать себя лучше», «Помогаю другому, чтобы отвлечься».

К вероятным способам поведения в состоянии депрессии многие представители ительменов отнесли такие стратегии поведения, как «Я не могу выполнить свою работу, потому что плохо себя чувствую», «Думаю о провалах, неудачах, недостатках и ошибках», «Как же неловко моей семье из-за меня», «Анализирую события, чтобы понять причины своего состояния»,

В группе «Коряки» вероятными стратегиями поведения явились: «Думаю, я не оправдываю надежды своих друзей, близких», «Думаю, что я не имею права чувствовать себя таким образом, я эгоист», «Думаю, что никто не хочет быть рядом со мной из-за моего плохого настроения», «Пробую найти что-то положительное в ситуации и в том, чему она учит», «Помогаю другим, чтобы отвлечься», «Отрицаю свои чувства», «Слушаю грустную музыку», «Делаю что-то бодрое, чтобы отвлечься от своих чувств.

В результате кластерного анализа были выделены четыре кластерные группы респондентов по критерию особенностей стратегий поведения в ситуации болезни. В первые два кластера вошло большинство представителей групп «Алтайцы», «Тувинцы», «Якуты» из «клинической группы», третий и четвертый кластеры представлены большим количеством респондентов из групп Камчатского края. Сравнительный анализ с помощью критерия Краскела–Уоллиса выявил значимые различия между кластерными группами в большинстве поведенческих стратегий.

Респонденты кластера 1 значимо более полагают, что «семье и друзьям неловко за них», «помогают кому-то с какими-то другими проблемами, чтобы отвлечься от своих чувств». По сравнению с респондентами кластеров 2 и 3, они «стремятся что-то сделать, чтобы почувствовать себя лучше». Такой тип респондентов характеризуется общей стратегией поведения, которая может быть условно названа «социальная зависимость в своих чувствах и совладании».

Кластер 2 представлен респондентами со значимо более низкой выраженностью всех способов поведения. Данный факт предположительно можно объяснить слабой самоидентификацией респондентов, связанной, возможно, с напряженностью психологических защит и отсутствием осознания доминирующих поведенческих стратегий совладания. Именно кластер 2 включает большинство представителей «клинических» групп. Данный тип респондентов может характеризоваться общей направленностью стратегий поведения, которая получила условное название «дефициты самоидентификации и поведенческих стратегий совладания».

Кластер 3 образуют респонденты, которые значимо отличаются от респондентов других кластерных групп тем, что полагают, что их «чувства и состояние связаны с наличием в их жизни серьезных проблем», что «у них такие проблемы, которых нет у других», что «с ними что-то происходит не так». При этом они значимо чаще думают, что «не смогут выполнить свою работу, так как чувствуют себя плохо», «чувствуют усталость, что им нездоровится», «сожалеют о своих стереотипных реакциях», думают, что «никто не хочет быть со мной из-за моего настроения». Несмотря на это, они указывают, что более «способны делать что-то бодрое, чтобы отвлечься от своих чувств», а также «делать то, что прежде поднимало настроение», «избегают уединения и стараются быть рядом с другими людьми», более «открыты для обсуждения своих чувств со специалистом», «делают что-то интересное с другом (подругой)», «стремятся держать все под контролем». Такой тип респондентов по общей направленности поведенческих стратегий получил условное название «переживание жизненных проблем, физического и психо-

логического нездоровья, но с потенциалом активных копинг-стратегий и копинг-стратегий социальной поддержки».

Кластер 4 показал большее количество значимо более вероятных, по сравнению с другими группами, стратегий поведения, которые используют респонденты в состоянии ухудшения настроения. К ним относятся: «переживание своих провалов, неудач, недостатков, ошибок», «чувства одиночества», «пассивности и бездеятельности», «грусти», «отрицание своих чувств и отвлечение от них», «самообвинение» («люди увидят, кто я на самом деле», «чем я это заслужил», «я все порчу», «не оправдываю надежды друзей и семьи», «почему я не справляюсь с этим лучше», «моим друзьям надоел я и мои проблемы», «не оправдываю надежд бога», «сержусь на себя»). При этом данный тип респондентов характеризуется большей вероятностью использования таких копинг-стратегий, как: «положительная переоценка и извлечение опыта», «опора на социально эффективный пример», «обдумывание и анализ чувств», «обращение к молитве для редукации напряжения». Данный тип респондентов по общей направленности поведенческих стратегий в ситуации болезни условно назван «пассивность и бездеятельность с фиксацией на негативе и низкой самооценке с потенциалом эффективного совладания».

Таким образом, выявлены наиболее вероятные для многих представителей этнических групп способы поведения в ситуации проявления симптомов депрессии. Определены четыре типа респондентов, характеризующихся спецификой направленности поведенческих стратегий в ситуации болезни: «социальная зависимость в своих чувствах и совладании», «проблемы самоидентификации и дефициты поведенческих стратегий совладания», «переживание жизненных проблем, физического и психологического нездоровья с потенциалом активных копинг-стратегий и копинг-стратегий социальной поддержки», «пассивность и бездеятельность с фиксацией на негативе и низкой самооценке с потенциалом эффективного совладания». Первые два кластера представляют большинство представителей «клинических» групп в то время, как третий и четвертый кластер составляют большинство респондентов группы «диспансеризации» – группы Камчатского края.

Следовательно, согласно полученным результатам, можно предположить, что особенности поведения в ситуации болезни, отражающие «социальную зависимость в своих чувствах и совладании», «проблемы самоидентификации и дефициты поведенческих стратегий совладания» затрудняют совладание с состоянием депрессии. В то же время респонденты, не имеющие клинического диагноза, характеризуются трудностями в совладании с возникающими состояниями депрессии и имеют потенциал эффективного совладания. Выявленные типы респондентов по критерию особенностей состояния и поведения при формировании депрессии позволяют определить мишени и задачи целенаправленной психологической помощи.

В результате описательной статистики данных о средствах, к которым прибегают респонденты, чтобы улучшить свое состояние, выявлено, что многим представителям группы «Алтайцы» помогают такие средства, как отдых, сон, время, проведенное с друзьями и близкими), развитие чувства цели и смысла в жизни. К наиболее вероятным средствам улучшения своего состояния большинство представителей группы «Якуты» также отнесли отдых, сон, время, проведенное с друзьями и близкими; они, в отличие от «Алтайцев», отметили, что им помогают антидепрессанты. Учитывая, что в группе тувинцев средние значения всех факторов не превышали 5 баллов, можно предположить отсутствие осознания в данный момент доминирующих типичных средств, которые способствовали бы улучшению их состояний, а также существование эмоциональной закрытости респондентов по отношению к себе, людям, окружающему миру, затрудняющей использовать эти средства для улучшения эмоционального состояния.

В группах «диспансеризации» многим представителям группы «Коряки» помогает улучшить их эмоциональное состояние посещение мест поклонения (например, храм, церковь и т.п.), в группе представителей «Ительмены и чукчи» средние значения указывают на отсутствие каких-либо наиболее вероятных средств, способствующих улучшению их состояния. Эти данные могут быть предположительно объяснены тем, что в силу невыраженности симпто-

мов депрессии у большинства респондентов данной группы выбор средств улучшения своего состояния не является для них актуальным, либо некоторой закрытостью поиска этих средств, что требует дополнительной проверки.

С помощью сравнительного анализа (критерий Краскела–Уоллиса) и метода попарного сравнения (критерий Манна–Уитни) были выявлены следующие значимые различия в группах по показателю «средства, способствующие улучшению состояния». У якутов более вероятными средствами являются «отдых», «больше сна», «антидепрессанты», чем у представителей групп «Тувинцы», «Чукчи и ительмены», «Коряки». В то же время такое средство, как «посещение мест поклонения», более востребовано для улучшения своего состояния у коряков, чем у якутов и алтайцев. В свою очередь представителям группы «Алтайцы» более, чем респондентам группы Камчатского края «Якуты», помогают улучшить свое состояние «отдых, больше сна», «время, проведенное с друзьями и близкими», «развитие чувства цели и смысла в жизни». Стоит отметить, что такое средство, как «развитие чувства цели и смысла в жизни», в большей мере способствует улучшению состояния у респондентов группы «Алтайцы», чем у «Якутов», и наоборот, последним более помогают антидепрессанты.

Для выявления латентной структуры взаимосвязей средств, способствующих улучшению эмоционального состояния, был использован метод факторного анализа методом вращения варимакс с нормализацией Кайзера данных всех групп респондентов, в результате которого выделено восемь значимых факторов, способствующих, по мнению респондентов, улучшению их состояния, которые по содержанию психологических переменных получили следующие условные названия: «средства нетрадиционной медицины и самоосознание», «отдых», «позитивный настрой на возможность самостоятельно справиться с трудностями», «вера в религию и народную медицину», «возможность поделиться чувствами с близкими людьми и решением проблемы путем осмысленности жизни», «улучшение питания и режима работы», «переключение на активность в общественной деятельности».

Рассматривая наиболее вероятные средства, способствующие улучшению состояния в системе их взаимосвязей в факторной структуре, можно выявить определенные специфические тенденции в характере совладания с депрессивными состояниями в группах респондентов. Так, средства «отдых», «больше сна», «время, проведенное с друзьями и близкими», которые входят в число более вероятных средств, способствующих улучшению состояния в группе «якуты», включены в фактор «отдых». Средство «антидепрессанты» так же более вероятно для респондентов группы «Якуты» включено в фактор «лекарственные средства». На основании этого мы имеем право утверждать, что такие стратегии совладания у якутов могут способствовать улучшению их состояния, сопровождающегося симптомами депрессии.

Такое средство, как «развитие чувства цели и смысла в жизни», которое более вероятно улучшает состояние у многих представителей группы «Алтайцы», входит в фактор «возможность поделиться чувствами с близкими людьми для решения проблемы путем осмысленности жизни». На основании выявленных взаимосвязей в этом факторе мы можем предположить, что понимание целей и осмысление своей жизни на основе социальной поддержки близких является наиболее важным условием, способствующим улучшению состояния представителей группы «Алтайцы» с симптомами депрессии. Также значимым фактором, способствующим улучшению состояния, для алтайцев является отдых, который предполагает хороший сон, социальную и физическую активность. Средство «посещение мест поклонения» (например, храм, церковь), которое относится к более вероятным у «Коряков», включено в фактор «вера в религию и народную медицину», что указывает на их возможность совладать с состоянием депрессии с помощью опоры на религиозную веру, встречу с духовным наставником, народную медицину (например, фитотерапия, самолечение).

Таким образом, в этнических группах респондентов выявлены наиболее вероятные способы поведения при формировании депрессии. Определены основные типы респондентов, характеризующиеся особенностями состояния и поведения при формировании депрес-

сии. Эти типы респондентов встречаются во всех этнических группах. Выявленные типы респондентов по критерию особенностей состояния и поведения при формировании депрессии позволили определить мишени и задачи целенаправленной медико-психологической помощи. Выявлена специфичная для каждой этнической группы латентная структура факторов, способствующих улучшению состояния. Учет обнаруженных культуральных особенностей позволит осуществлять более дифференцированно и целенаправленно профилактическую, терапевтическую и реабилитационную работу в системе медико-психологической помощи представителям народов Сибири в контексте проблемы депрессии.

Формирование психопатологии в психосоциальной модели психопатологии связывают с представлениями о самом себе и окружающем мире, с мотивационными и ценностными конфликтами, с культурально-обусловленной концепцией личности. Проникновение в сущность процесса трансформации культуры в мир личности позволяет ставить вопросы о том, какая культура преобразуется в жизненный мир человека, что конкретно она привносит в него в плане устойчивости и подвижности этого мира (Бохан, 2009).

При разработке проблемы культурной обусловленности факторов и проявлений депрессии исследователи выделяют континуум культур с противоположными полюсами: на одном полюсе – культуры с индивидуалистической репрезентацией личности, на другом – культуры с неиндивидуалистической структурой личности. Западные культуры высоко ценят индивидуальность и ответственность и зачастую связывают депрессивные признаки с потерей контроля над происходящим, беспомощностью и бессилием. В индивидуалистических культурах индивидуум предъявляет аффективные, экзистенциальные, когнитивные и соматические симптомы депрессии, переживает чувство изоляции и отдаленности. Азиатские культуры (китайская, японская, корейская) уделяют особое внимание личностной субординации, взаимодействию с другими и гораздо меньшее значение придают потере контроля над происходящим вне границ собственной личности (Ryder et al., 2008). Поэтому ощущение собственной беспомощности может ими не предъяв-

ляться как симптом депрессии. Представители этих культур переживают депрессию через призму соматических симптомов и межличностных взаимодействий, т.е. через набор наиболее приемлемых для сообщества признаков проявления серьезного дистресса.

К недостаткам коллективизма относят: авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям); высокая вероятность установления авторитарных режимов; низкая ценность отдельной человеческой личности и даже человеческой жизни. Недостатками индивидуализма являются одиночество, семейные конфликты, разводы и т.п. Было показано, что высокая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием. С высоким стремлением к власти, желанием контролировать, подавлять других (комплекс мотивов, свойственных индивидуалистическим культурам) связан высокий уровень дистрессов.

В то же время в каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения. Также исследователями показано, что со временем общества и культуры претерпевают значительные изменения. Например, в обществе с коллективистской культурой возникают новые тенденции, ориентированные на индивидуалистические ценности (Жарова, 2010). Такие трансформации могут сопровождаться ценностными конфликтами, трудности разрешения которых, по мнению многих исследователей, приводят к формированию разного рода психических и психосоматических расстройств (Татарко и др., 2004; Эммонс, 2004).

Были доказаны различия в депрессивных переживаниях у представителей разных этнических групп, проживающих в одном государстве. При этом исследователи замечают, что в мультикультурных сообществах возникает проблема существования в двух мирах – в одном, общем для всех членов сообщества, и в другом, разделяемом только представителями своего культурного круга. Свободный переход из одного культурного поля в другой обеспечивает приемлемый уровень адаптации как в рамках общего – широкого поля с проница-

емыми границами, так и плотно ограниченного (условно «узкого») пространства традиций и ритуалов (Kirmayer, 2005).

Хотя Россия по числу традиционных народов занимает одно из первых мест в мире, обращения к анализу культуральных социально-психологических факторов и механизмов формирования психопатологии единичны в медицинской психологии. Что касается Сибирского федерального округа, то таким социально-психологическим фактором может являться формирование у представителей традиционных народов Сибири «пограничного» состояния между уже размытой, но еще не вполне разрушенной традиционностью, с одной стороны, и ускоренной модернизацией – с другой (Кригер, 2005).

В связи с этим была поставлена задача выявить особенности проявления коллективизма–индивидуализма у респондентов этнических групп Сибири в контексте изучения проблемы факторов депрессии (Бохан, Терехина, Бохан и др., 2016). Методы исследования: психодиагностический опросник «Шкалы индивидуализма–коллективизма» (Г. Триандис) (Triandis, 1967). Методы статистической обработки: описательная статистика, критерий Краскела–Уоллиса, критерий Манна–Уитни. Опросник «Шкалы индивидуализма–коллективизма» содержит 32 утверждения, которые позволяют получить представления о выраженности проявлений горизонтального и вертикального индивидуализма и горизонтального и вертикального коллективизма. Выраженность оценивается по сумме баллов, отражающих степень согласия респондентов с предложенными утверждениями. Каждая шкала представлена восемью утверждениями.

В результате описательной статистики и сравнительного анализа можно отметить, что проявления коллективизма более выражены в группах «Алтайцы» и «Якуты». В остальных группах результаты не позволяют определить явные предпочтения, так как проявления как индивидуализма, так и коллективизма многие респонденты оценивают у себя нейтрально либо слегка согласны с ними. Следует отметить, что все национальные группы, включая «Русских», которые были отнесены к клиническим группам, различа-

ются по горизонтальному коллективизму с группами представителей Камчатского края, у которых психические расстройства аффективного спектра не идентифицированы. То есть вне зависимости от этнической принадлежности для респондентов с проявлениями симптомов депрессии более ценным является взаимная зависимость людей друг от друга. Что касается вертикального коллективизма, то данный показатель значимо менее выражен в группах «Коряки» и «Ительмены. Чукчи», чем в группе «Тувинцы».

На основании этих данных можно предположить, что для представителей групп «Алтайцы» и «Якуты», а также «Тувинцы» служение и подчинение групповым ценностям остается более значимым. Такой зависимости не отмечается в группах «Коряки» и «Ительмены. Чукчи». Выявленный факт, возможно, объясняется тем, что этнические представители Камчатского края более тесно проживают на единой территории (село, район) и более интегрированы в процессе своей жизнедеятельности в межэтническое взаимодействие. Алтайцы, якуты и тувинцы имеют свою республиканскую и территориальную автономию, что поддерживает и усиливает их этническое самосознание, ориентируя на групповые ценности.

Меньше различий между группами выявлено по шкалам индивидуализма. Установлено, что проявления горизонтального индивидуализма в меньшей степени характерны для «Якутов», чем для респондентов всех других этнических групп, что указывает на то, что представители «Якутов» в меньшей мере стремятся быть самостоятельными в жизни, открыто заявлять свою позицию при обсуждении вопросов. Представители групп «Алтайцы» и «Ительмены. Чукчи», по сравнению с «Коряками», более выражают свою готовность к самостоятельности. При этом у представителей группы «Ительмены. Чукчи» это стремление более проявляется в самоутверждении. Несмотря на незначительно выраженный общий показатель горизонтального индивидуализма у представителей «Алтайцев», у многих из них отмечается тенденция роста индивидуализма, проявляющаяся в стремлениях жить своей жизнью независимо от других, быть прямыми и откровенными при обсуждении вопросов. При этом, как отмечалось выше, у многих из них сохра-

няется значимость традиционных ценностей, связанных с горизонтальным и вертикальным коллективизмом. Что касается группы «Тувинцев», то можно отметить, что наряду с более выраженными, по сравнению с индивидуалистическими, коллективистскими ценностями, значимыми для многих становятся ценности, связанные с самостоятельностью, независимостью, самоутверждением в делах, в работе. В группе «Якуты» можно отметить, что при сохранении традиционной ориентации на групповые ценности, особенно стремления что-то делать ради других, снижены стремления к собственной независимости и самоутверждению.

Таким образом, в клинических этнических группах соотношение проявлений коллективизма–индивидуализма можно представить тремя типами: первый – сохранение значимости ценностей, связанных с проявлениями горизонтального и вертикального коллективизма, и нарастание тенденции стремления к самостоятельности; второй – сохранение ценностей коллективизма, особенно вертикального, и отсутствие стремления к самостоятельности и самоутверждению; третий – при предпочтении ценностей коллективизма появление стремления к самостоятельности и самоутверждению в работе и делах. Выявленные типы соотношения коллективизма–индивидуализма в клинических группах могут проявляться в виде ценностных конфликтов в системе факторов формирования депрессии у представителей этнических групп, что требует дальнейшего более углубленного анализа и репликации в других исследованиях. Что касается групп «диспансеризации», представителей Камчатки, респондентов, не имеющих психических расстройств аффективного спектра, то их систему ценностей коллективизма–индивидуализма можно охарактеризовать двумя типами: первый – отсутствие явных предпочтений ценностей как индивидуализма, так и коллективизма, т.е. гибкий вариант; второй – стремление к самостоятельности при отсутствии значимости ценностей самоутверждения и коллективизма.

В результате данного исследования с учетом этнокультурного и поликультурного контекстов определены особенности и различия в способах выражения депрессии на разных уровнях организации

человека (соматическом, психологическом, личностном, социальном, духовном), установлены психологические факторы риска формирования аффективных нарушений депрессивного спектра, определены психологические переменные, выступающие в качестве ресурсного потенциала в профилактике, психологической коррекции и психологической реабилитации. Выявленные профили депрессивных признаков, вклад определенных признаков в клиническую картину расстройств, а также система психологических факторов риска у представителей этнических групп Сибири могут способствовать реализации валидности и дифференцированному подходу в ранней диагностике, профилактике и медико-психологической помощи при терапии и реабилитации лиц с симптомами аффективных расстройств.

Литература

- Баскакова С.А. Современные представления о способах совладания с психическими расстройствами // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 2. С. 88–96.
- Бохан Н.А., Султанова А.Н., Овчинников А.А. Кросскультуральные аспекты посттравматических стрессовых расстройств (литературный обзор) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 3 (92). С. 88–92.
- Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008.
- Бохан Т.Г., Галажинская О.Н., Терехина О.В., Аксенов М.М., Мандель А.И., Семке А.В., Счастный Е.Д., Кургак Д.И., Матвеева Н.П., Бадыргы И.О., Санашева И.Д. Особенности проявления депрессии у представителей этнических групп Сибири // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 1 (90). С. 86–92.
- Бохан Т.Г., Бохан Н.А., Счастный Е.Д., Шухлова Ю.А., Галажинская О.Н., Танабасова У.В. Причины и последствия депрессии в восприятии представителей этнических групп Сибири // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 9 (65). С. 47–69.
- Бохан Т.Г., Бохан Н.А., Терехина О.В., Галажинская О.Н., Немцев А.В., Танабасова У.В., Шухлова Ю.А. Особенности когнитивных ресурсов совладания с трудными жизненными ситуациями у представителей

- этнических групп Сибири // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 64–77.
- Бохан Т.Г., Терехина О.В., Шухлова Ю.А., Немцев А.В., Галажинская О.Н., Танабасова У.В., Кургак Д.И., Матвеева Н.П., Бадьргы И.О. Особенности стратегий поведения и факторов улучшения состояния у представителей этнических групп Сибири с симптомами депрессии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 4 (93). С. 109–116.
- Бохан Т.Г., Счастный Е.Д., Терехина О.В., Хомутова Т.О., Танабасова У.В., Галажинская О.Н. Культурная обусловленность алекситимии как фактора риска нарушения психического здоровья (на примере традиционных народов Сибири) // Мир науки. 2016. Т. 4, № 6. С. 9.
- Бохан Т.Г., Терехина О.В., Бохан Н.А., Немцев А.В., Галажинская О.Н., Танабасова У.В. Проявления коллективизма–индивидуализма в контексте проблемы этнокультуральных факторов депрессии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 126–133.
- Всемирная организация здравоохранения (2015) // Депрессия: информационный бюллетень ВОЗ. № 369. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/>.
- Жарова Е.И. Основные подходы к изучению индивидуализма–коллективизма в зарубежной психологии // Этнопсихология: вопросы теории и практики. 2010. № 3. URL: http://psyjournals.ru/ethnopsy_theor/issue/40352_full.shtml (дата обращения: 01.12.2014).
- Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб. : Изд-во СПбГМУ, 2009. 136 с.
- Калининченко Т.П., Полищук Ю.И. Влияние возрастного фактора на способности совладания с тревожными и тревожно-депрессивными расстройствами // Психическое здоровье. 2014. № 11. С. 39–43.
- Краснов В.Н. Расстройства аффективного спектра. М. : Практ. медицина, 2011. 432 с.
- Кригер Г.Н. Особенности структурно-содержательных характеристик этнического самосознания коренных малочисленных народов Сибири (на примере телеутского этноса) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 18 с.
- Леон Ф., Калибацева З., Молчанова Е. Культура и депрессия: определение, диагностические сложности и рекомендации // Медицинская психология в России. 2012. № 6 (17). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php

- Носачев Г.Н., Дубицкая Е.А., Смирнова Д.А. Использование психообразовательных программ для борьбы с последствиями стигматизации и самостигматизации психически больных (на примере депрессии) // Актуальные проблемы оказания психиатрической помощи в Северо-Западном регионе Российской Федерации : материалы конф. СПб., 2008. С. 52.
- Печникова Л.С. Психологические защиты и копинг-стратегии у подростков с суицидальным поведением // Актуальные проблемы оказания психиатрической помощи в Северо-Западном регионе Российской Федерации. 2008. С. 102.
- Психическое здоровье коренного населения Восточного региона России / В.Я. Семке [и др.]. Томск ; Новосибирск : Наука, 2009. 360 с.
- Смулевич А.Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М. : Мед. информ. агентство, 2015. 640 с.
- Семке В.Я., Бохан Н.А. Транскультуральная аддиктология. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 588 с.
- Счастный Е.Д., Бохан Т.Г., Бохан Н.А., Заикина М.Д., Терехина О.В. Стратегии поведения в ситуации болезни и средства, способствующие улучшению состояния у лиц с психическими расстройствами с коморбидным синдромом депрессии // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64. С. 120–133.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М., Козлова М.А. Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4–5. С. 120–128.
- Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Культурно-исторический подход к психологии личности и современные технологии // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Т. 1. С. 231–241.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. М. : Смысл, 2002. 287 с.
- Филимонова А.Н. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации межличностной коммуникации при депрессивных расстройствах // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 66–76.
- Хазова С.А. Роль когнитивных факторов в совладании с жизненными трудностями. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы // Интеграция академической и университетской психологии. 2008. С. 274–288.
- Эммонс Р. Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности. М. : Смысл, 2004. 416 с.

- Бохан Н.А., Мандель А.И., Пешковская А.Г., Бохан Т.Г., Бадырғы И.О. Этнокультуральные особенности отношения к болезни и когнитивных дисфункций при алкоголизме в контексте предметного поля личностно-ориентированной психотерапии // Психотерапия. 2011. № 4 (100). С. 49–55.
- Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Психология совладающего поведения: развитие, достижения, проблемы, перспективы // Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы. 2008. С. 21–54.
- Allan S., Gilbert P. A social comparison scale: psychometric properties and relationship to psychopathology // Personality and Individual Differences. 1995. № 19. P. 293–299. DOI: 10.1016/0191-8869(95)00086-L
- Anderson C.A., Miller R.S., Riger A.L., Dill J.C., Sedikides C. () Behavioral and characterological styles as predictors of depression and loneliness: review, refinement, and test // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. № 66. P. 549–558. DOI: 10.1037/0022-3514.66.3.549
- Aragones E., Pinol J.L., Labad A. The overdiagnosis of depression in non-depressed patients in primary care // Family Practice. 2006. № 23. P. 363–368.
- Bann C.M., Parker C.B., Bradwejn J., Davidson J.R.T., Vitiello B., Gadde K.M. Assessing patient beliefs in a clinical trial of Hypericum perforatum in major depression // Depression and Anxiety. 2004. № 20. P. 114–122.
- Bruce S.E., Yonkers K.A., Otto M.W. et al. Influence of psychiatric comorbidity on recovery and recurrence in generalized anxiety disorder, social phobia, and panic disorder: a 12-year prospective study // Am. J. Psychiatry. 2005. № 162 (6). P. 1179–1187.
- Carver C., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 56. P. 267–283. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
- Dunlop B., Kelley M., Mletzko T., Velasquez C., Craighead E., Mayberg H. Depression Beliefs, Treatment Preference, and Outcomes in a Randomized Trial for Major Depressive Disorder // J Psychiatr Res. 2012. № 46 (3). P. 375–381.
- Endler N.S., Parker J.D.A. Multidimensional assessment of coping: a critical evaluation // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. № 58. P. 844–854.
- Galderisi S., Heinz A., Kastrup M., Beezhold J., Sartorius N. A proposed new definition of mental health // Psychiatr Pol. 2017. № 51 (3). P. 407–411.
- Garnefski N., Legerstee J., Kraaij V., Van den Kommer T., Teerds J. Cognitive coping strategies and symptoms of depression and anxiety: a comparison

- between adolescents and adults // *Journal of Adolescence*. 2002. № 25. P. 603–611. DOI: 10.1006/jado.2002.0507
- Garnefski N., Teerds J., Kraaij V., Legerstee J., Van den Kommer T. Cognitive emotion regulation strategies and depressive symptoms: differences between males and females // *Personality and Individual Differences*. 2003. № 25. P. 603–611. DOI: 10.1016/S0191-8869(03)00083-7
- Grabe H.J., Spitzer C., Freyberger H.J. Alexithymia and personality in relation to dimensions of psychopathology // *American Journal of Psychiatry*. 2004. № 161. P. 1299–1301.
- Khalsa S., McCarthy K.S., Sharpless B.A., Barrett M.S., Barber J.P. Beliefs about the causes of depression and treatment preferences // *Journal of Clinical Psychology*. 2011. № 67. P. 539–549.
- Kirmayer L. Culture, context, and experience in psychiatric diagnosis // *Psychopathology*. 2005. № 38. P. 192–196.
- Kirmayer L., Jarvis G.E. Depression across cultures // *The American Psychiatric Publishing textbook of mood disorders* / eds. by D.J. Stein, D.J. Kupfer, A.F. Schatzberg. Arlington, VA, US : American Psychiatric Publishing, 2006. P. 699–715.
- Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. Springer, 1984.
- Leong F.T.L. Threats to cultural validity in psychotherapy outcome assessment: Illustrated with the case of Asian Americans // Paper presented at the annual convention of the American Psychological Association. Toronto, Canada, 2009.
- Lopez S.R., Guarnaccia P.J.J. Cultural psychopathology: Uncovering the social world of mental illness // *Annual Review of Psychology*. 2000. № 51. P. 571–598.
- Marsella A.J. Cultural aspects of depressive experience and disorders // *Online Readings in Psychology and Culture* (Unit 9, Chapter 4) / eds. by W.J. Lonner, D.L. Dinnel, S.A. Hayes, D.N. Sattler. Center for Cross-Cultural Research, Western Washington University, Bellingham, Washington USA, 2003. URL: <http://www.ac.wvu.edu/~culture/Marsella.htm> (accessed: February 22, 2010).
- Marsella A.J. The measurement of depressive experience and disorder a crosscultures // *The measurement of depression* / eds. by A.J. Marsella, R.M.A. Hirschfeld, M.M. Katz. New York : Guilford Press, 1987. P. 376–397.
- Meyer B., Garcia-Roberts L. Congruence between reasons for depression and motivations for specific interventions // *Psychology & Psychotherapy: Theory, Research & Practice*. 2007. № 80. P. 525–542.

- Nolen-Hoeksema S., Parker L.E., Larson J. Ruminative coping with depressed mood following loss // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. № 67 (1). P. 92–104.
- Olesena J., Gustavsson A., Svensson M. et al. The economic cost of brain disorders in Europe // *European Journal of Neurology*. 2012. № 19. P. 155–162.
- Ryder A.G., Ban L.M., Chentsova-Dutton Y.E. Towards a cultural-clinical psychology // *Social and Personality Psychology Compass*. 2011. Vol. 5. P. 960–975.
- Ryder A.G., Quilty L.C., Vachon D.D., Bagby R.M. Depressive Personality and Treatment Outcome in Major Depressive Disorder // *Journal of Personality Disorders*. 2010. Vol. 24. P. 392–404.
- Ryder A.G., Yang J., Zhu X., Yao S., Yi J., Heine S., Bagby R.M. The cultural shaping of depression: Somatic symptoms in China, psychological symptoms in North America? *Journal of Abnormal Psychology* // 2008. № 117. P. 300–313. DOI: 10.1037/0021-843X.117.2.300
- Sullivan M.D., Katon W.J., Russo J.E., Frank E., Barrett J.E., Oxman T.E., Williams J.Jr. Patient beliefs predict response to paroxetine among primary care patients with dysthymia and minor depression // *Journal of the American Board of Family Practice*. 2003. № 16. P. 22–31.
- Sullivan M.J., Bishop S.R., Pivik J. The Pain Catastrophizing Scale: Development and validation // *Psychological Assessment*. 1995. № 7 (4). P. 524–532. DOI: 10.1037/1040-3590.7.4.524
- Triandis H.C. Interpersonal relations in international organizations // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1967. № 2. P. 26–55.

Глава 7. Современные контексты психологической безопасности в медицинской психологии

И.Я. Стоянова, Е.Ю. Брель

Психологическая безопасность в аспекте психического здоровья

Психическое здоровье – одна из наиболее остро обсуждаемых проблем в психиатрии, медицинской психологии, психотерапии и других научных дисциплинах. Многомерность этого явления и разноплановость подходов к его изучению до сих пор не позволяют дать его всеобъемлющего определения, выделить достаточный набор его составляющих, разработать валидные и надежные критерии оценки его уровня. Исследователи рассматривают психическое здоровье либо в рамках патоцентрической (медицинской) модели, включающей отсутствие симптомов и синдромов заболеваний, жалоб и болей, объективных нарушений в функционировании разных систем организма, либо саноцентрической (психологической) модели, когда здоровье определяется с учетом индивидуальных ресурсов и возможностей человека, его способностей к развитию, самореализации и самосовершенствованию.

Отечественные ученые стали рассматривать содержание психического здоровья как динамический процесс психической деятельности, которому свойственны детерминированность психических явлений, гармоническая взаимосвязь между отражением обстоятельств действительности и отношением индивида к ней, адекватность реакций на окружающие социальные, биологические, психические и физические условия благодаря способности контролировать своё поведение, планировать и осуществлять жизнедеятельность в микро- и макросреде (Семке, 2011).

Объем понятия «психическое здоровье» постоянно расширяется, наполняется все большим содержанием, обусловленным раз-

личными психологическими факторами. В современных условиях это сложный системный феномен, включающий характеристики психического равновесия, гармонизацию взаимодействия различных сфер личности – эмоциональной, волевой, познавательной. Нарушения психического равновесия приводят к личностным деградациям, деструкциям, социальной дезадаптации, нарушениям психического здоровья.

В качестве важного критерия психического здоровья обозначается гармония. Эта психологическая характеристика связана с поддержанием активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов личности. Саморегуляция является центральной характеристикой психологически здорового человека как возможность адекватного приспособления как к благоприятным, так и к неблагоприятным воздействиям (Моросанова, Бондаренко, 2015).

С перечисленными выше психологическими характеристиками тесно связано понятие «психологическая безопасность» (далее – ПБ), первые целенаправленные исследования которой в рамках психологической модели датируются серединой XX века.

В представлениях А. Маслоу (Маслоу, 2017), потребность в безопасности и защите – одна из базовых потребностей человека.

В представлениях К. Хорни, главным в развитии ребенка является потребность в безопасности, включая потребность быть любимым, желанным, защищенным от опасностей и враждебности мира. При неудовлетворении этой потребности возникают ощущение страха, чувство беспомощности, которые могут проявить себя как в настоящем, так и в будущем и способствовать нарушениям психического здоровья, усилению невротизации.

Р. Янов-Бульман (2008) рассматривает безопасность в качестве значимого чувства для психически здорового человека. Оно включает три категории базисных убеждений, составляющих ядро субъективного мира человека, отношение к окружающему миру: вера в то, что в мире больше добра, чем зла, убеждение, что мир полон смысла, а также в ценности собственного «Я». Исследователь отмечает, что чувство психологической безопасности, защи-

ценности рождается в детстве, имеет субъективное содержательное наполнение, способствующее психической стабильности человека и его успешности в жизни, а также является важным условием личностного развития. Высокий уровень психологической безопасности способствует личностному росту, усиливает стремление человека к достижению целей.

В настоящее время психологическая безопасность – это отдельное научно-исследовательское направление, в котором изучаются закономерности адекватного отражения опасности и конструктивной регуляции поведения с целью сохранения целостности и стабильности человека, что непосредственно связано с его психическим здоровьем (Соломин и др., 2008).

Психологическая безопасность рассматривается как явление объективное или субъективное, а поведение человека – в пределах «психологического гомеостаза», достигаемого путем приспособления, адаптации к среде (Клочко, Галажинский, 2009). Она проявляется в многообразии аспектов сопротивляемости и жизнестойкости: в переживании своей защищенности (незащищенности), в наличии ресурса сопротивляемости внешним и внутренним деструктивным воздействиям, в конкретных поведенческих актах, способствующих или препятствующих саморазрушению или конструктивному устойчивому развитию (Краснянская, 2006).

О.В. Бубновой и О.В. Куликовой (2015) выделены структурные компоненты психологической безопасности:

1) аффективный (эмоциональная устойчивость к негативным внутренним и внешним воздействиям);

2) когнитивный (общая осведомленность о понятиях «угроза», «опасность», а также способах выхода из подобных ситуаций);

3) поведенческий (способность планировать и осуществлять оградительные меры для самообеспечения психологической безопасности).

Критерии психологической безопасности включают внешние и внутренние факторы. К **внутренним** факторам относятся: функционирование организма и психики в соответствии с нормами;

адекватное ролевое функционирование; защищенность сознания от его изменения против воли человека.

Внешние факторы включают средовые условия, свободные от проявления психологического насилия во взаимодействии, способствующие удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающие референтную значимость. В этих исследованиях психологическая безопасность рассматривается с помощью анализа внешних объективных условий, где человек выступает объектом воздействия. Авторы, работающие в данном направлении, концентрируют свое внимание на изучении причин, провоцирующих психологическую незащищенность, уязвимость личности. Объектом изучения в этих работах являются негативные факторы среды, а предметом – информационные, социальные, экологические и другие характеристики среды и условия жизнедеятельности, способные оказывать влияние на психику, сознание, поведение человека, нарушая тем самым его безопасность (Грачев, 2003; Эксакусто, 2011; Баева, 2012). В этом случае особое внимание уделяется характеру внешних угрожающих влияний (негативное информационно-психологическое воздействие, внушение, манипулирование и др.) и их последствиям (нарушение адекватности отражения реальности, психического состояния, снижение адаптивности, социально-ролевого функционирования).

Мишенью психологического воздействия при таком подходе будут факторы риска, несущие психологическую опасность физическому и психическому здоровью человека и нарушающие его психологическую безопасность, их выявление, осмысление и минимизация психического ущерба. Проблемной сферой для специалистов станет классификация возможных микро- и макрофакторов, угрожающих психологической безопасности человека. С другой стороны, подобная классификация невозможна без учета индивидуальности. Одна и та же ситуация может восприниматься неоднозначно не только разными людьми, но и одним человеком, она может оцениваться как безопасная или опасная в различные периоды жизни. При этом достаточно сложно выделить конкретный набор

свойств и качеств личности, безусловно обеспечивающих защищенность человека в различных условиях жизнедеятельности.

Следующий значительный кластер исследований феномена психологической безопасности посвящен изучению аспектов, отражающих взаимосвязи человека с окружающей его действительностью, а также с рассмотрением активной его роли как при восприятии угрозы, так и в совладании с ней. Принцип взаимодействия, идея обратной связи в виде саморегуляции, обеспечивающей устойчивость к условиям внешней среды, позволили увидеть в феномене психологической безопасности результат взаимодействия личности и среды. В этих исследованиях психологическая безопасность рассматривается в качестве динамического процесса перехода системы из состояния опасности в состояние безопасности, что опосредствованно когнитивными, эмоциональными, поведенческими характеристиками.

В данных исследованиях индивидуально-психологические особенности личности рассматриваются как ресурсы адаптации, отождествленные с ресурсами психологического преодоления, имеющими не столько адаптивный, сколько преобразующий характер. При этом подчеркивается ответственность самой личности за свою психологическую безопасность, что личностные ресурсы находятся в ведении самого человека, от него самого зависит уровень их развития. При этом проблема психологической безопасности личности объединяется с задачей ее развития и саморазвития (Александрова, 2011).

В зарубежной литературе в исследованиях этого направления ПБ рассматривается в контексте ответственности и активности личности, как феномен сопротивляемости негативным воздействиям и жизнестойкости (Maddi S., 2004; Ionescu S., 2005; et al.).

Последние тенденции в изучении этого феномена связаны с пониманием психологической безопасности с позиции системного подхода (Клочко, 2008). При этом важнейшей чертой становится междисциплинарный характер проведения исследований, а системная взаимосвязь феномена безопасности и совокупности его подсистем определяется взаимодействием множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих

определенную целостность. Сущность системного подхода применительно к изучению проблем психологической безопасности проявляется прежде всего в том, что деятельность человека рассматривается как открытая динамическая система в совокупности важнейших внутренних и внешних взаимосвязей для нахождения путей оптимизации этой системы и обеспечения психологической безопасности (Зинченко, 2011).

В своей исследовательской и практической работе мы опираемся на определение психологической безопасности как динамической системы, где центром является человек как целостная, активная, рефлексивная, ответственная, способная решать жизненные противоречия сущность, а сама психологическая безопасность рассматривается как состояние, носящее динамический характер как во внутреннем пространстве субъекта, так и в системе «человек – внешняя среда». Такой подход позволяет рассматривать ПБ не столько в аспекте выживания и адаптации, сколько в аспекте самореализации и саморазвития. Взаимодействие человека и среды при системном подходе опосредуется сформированной в результате этого взаимодействия картиной мира, негативное воздействие (опасности, трудности, сложности) действует не напрямую, а лишь «преломляясь» через личностные особенности человека, его представления, социальные установки. Развитие ПБ с помощью психологических практик позволяет рассматривать этот психологический феномен в качестве ресурсной составляющей здоровья человека.

Таким образом, анализ научной литературы позволил установить наличие взаимосвязи между показателями психологической безопасности человека и характеристиками психического здоровья. Результаты этих исследований позволили подтвердить возможность рассмотрения психологической безопасности как фактора психического здоровья.

Направления исследований психологической безопасности в разделах медицинской психологии

В настоящее время в научной литературе накоплен обширный материал по различным аспектам психологической безопасности,

включая информационную, экологическую, безопасность образовательной среды и личностные проявления участников образовательного процесса (Родачин, 2004; Зинченко, 2011; Тарабрина, Быховец, 2011; Свиридова и др., 2011; Рудницкий, 2011; Писарь, Ребрик, 2012; Папоян, Мурадян, 2012; Корытова, Закотнова, 2015; Синякова, Кошкаров, 2015; Сараева и др., 2015; Терехина, 2016). При этом проблема психологической безопасности остается недостаточно разработанной в отношении медико-психологических исследований, направленных на изучение соотношения психологической безопасности и психического здоровья, на развитие психологической безопасности у пациентов в процессе психологической реабилитации (Соловьева, 2016).

Рассматривая психологическую безопасность как категорию медицинской психологии в ее системном представлении, следует отметить, что это интегративный и многомерный феномен:

► **процесс**, имеющий динамическую составляющую ПБ, которую возможно развивать в процессе психокоррекционной работы;

► **состояние**, обеспечивающее базовую потребность личности. Трансформация психических состояний, обусловленных избыточными негативными эмоциональными переживаниями, является прерогативой в работе медицинского психолога, направленной на повышение ПБ и движение в сторону психического здоровья;

► **свойство** личности, характеризующее её защищенность от деструктивных воздействий, внутренний ресурс, который можно изучать и развивать психологическими методами.

Психологическими характеристиками, обеспечивающими психологическую безопасность, являются:

► **осмысленность** жизни – наличие осмысленных целей и возможности использования различных способов для их достижения;

► **готовность** к трансформациям жизненных трудностей;

► **ответственность** и конструктивность мышления;

► **открытость** по отношению к миру, людям, себе (Клочко, 2008).

Концепция психологической безопасности и психологическая работа по ее реализации применима для всех разделов клиниче-

ской психологии, включая семейную, кризисную, перинатальную психологию, возрастную клиническую психологию, психологию здоровья. Базируясь на этой концепции, медицинский психолог может расширить предметное поле исследования личностных возможностей человека и с помощью методов психологической помощи способствовать формированию ресурсных составляющих и нового опыта для успешного преодоления жизненных затруднений и восстановления здоровья.

Нет необходимости доказывать значимость семьи в контексте психического здоровья ее членов. Семейные отношения, как правило, являются наиболее важными, значимыми для человека, и этим объясняется их ведущая роль в формировании психических нарушений как у взрослых, так и у детей.

Особенности супружеских отношений, как части семейных отношений, также имеют большое значение для психического благополучия, гармонии, психологической безопасности супругов. При этом важным показателем наряду с ПБ являются позитивный опыт взаимодействия, удовлетворенность ролевым функционированием, удовлетворенность браком.

Супружеские отношения меняются с течением времени, семья проходит разные стадии в своем развитии и периодически встречается с кризисами, которые необходимо преодолевать без значительных потерь, сохранять ресурсы для всего жизненного цикла. И здесь очень важны устойчивое чувство психологической безопасности и уверенность в позитивном преодолении трудностей и совладании с проблемными ситуациями.

Сколько тревог и волнений связано с ожиданием первенца! И в этом случае психолог способствует обретению нового опыта и благополучного деторождения (Магденко, Стоянова, 2012).

Психологическая безопасность для каждого из супругов важна и при становлении родительства, формирования адекватных родительских установок, готовности к родительской роли, и на этапах взросления младших членов семьи. Исследования свидетельствуют о том, что нарушение семейного взаимодействия, эмоциональное дистанцирование между членами семьи, неадекватное распределе-

ние ролевого функционирования, низкие возможности самоорганизации в конечном счете нарушают психологическую безопасность, способствуют распаду семьи и нарушениям психического и психосоматического здоровья (Кулаков, 2003; Костарев, 2017).

Базируясь на принципах медицинской психологии, в работе с семьей можно изучать психологическую безопасность ее членов, выявляя особенности межличностного взаимодействия, психологическую защиту, психологию конфликта, мотивационные составляющие, уровни психологического благополучия и т.п. При этом можно рассматривать параметры психологической безопасности как фактор, необходимый для развития личностных ресурсов и профилактики психического здоровья. Это стратегические задачи медицинских психологов.

В программы тренинговой и консультативной работы с членами семьи и их значимым окружением должна быть включена работа по регуляции поведения и саморегуляции. Развитие психологической безопасности пациентов включает также работу, связанную с формированием позитивного Я-образа, доброжелательности окружающего мира и позитивных отношений между «Я» и окружением. Значимыми контекстами психологической работы является также развитие нового опыта применения стратегий совладания, трансформации стереотипных и неадаптивных реакций в проблемных и нестандартных ситуациях в конструктивные. Совместная психологическая работа направлена на обретение ПБ и саморазвитие. Сохранение психологической безопасности помогает человеку сохранять устойчивость в экстремальных, кризисных ситуациях, справляться с ежедневными стрессовыми обстоятельствами жизни. При создании условий психологической безопасности среды актуализируются возможности личности, повышается уровень толерантности к жизненным трудностям.

Психологическая безопасность и ее нарушения людей старшей возрастной группы тесно связана с понятиями эйджизма и геронтофобии. В одном из определений Р.Н. Батлера эйджизм дефинируется как отражающий глубоко затаенную тревогу некоторых людей, их личностное отвлечение и ощущение неприязни к ста-

реющим людям, болезням, инвалидности, их страх беспомощности, бесполезности и смерти. Бекка Леви определяет эйджизм как дискриминация по возрастному признаку.

Исследования свидетельствуют о том, что в общественном сознании развиваются такие явления, как геронтофобия – страх старости и смерти. Бытовой эйджизм зачастую проявляется в повседневном общении с пожилыми людьми, включающем элементы насилия. Подобное отношение к людям старшей возрастной группы становится причиной нарушения психического здоровья. Многие из них становятся пациентами клиники НИИ психического здоровья Томского научно-исследовательского медицинского центра (далее – НИИПЗ ТНИМЦ).

Для пациентов пожилого возраста с невротическими и депрессивными расстройствами также характерны нарушение психологической безопасности, патогенная установка на процесс старения, нарушение возрастной идентификации, отвержение себя в данном возрасте, избыточность психологической защиты в форме отрицания, «отмежевания» от пожилого возраста на фоне стереотипов и моделей поведения, свойственных пожилым людям.

Повышение уровня психологической безопасности пациентов выступает превентивной мерой, направленной на восстановление психического здоровья и личностных ресурсов у пациентов старшей возрастной группы. В процессе индивидуальной и групповой работы развивается способность к самопониманию, изучаются факторы, снижающие ПБ (наличие ошибочных когнитивных схем, враждебность, условная выгодность болезни, формирование генерализованного представления о негативной реальности, стремление к обесцениванию помощи), а также развивается ресурс сопротивляемости негативным воздействиям.

Представляется, что на базе медицинских учреждений продуктивным является изучение личностных факторов психологической безопасности у пациентов, включая базисные убеждения, уровни личностной и социальной тревожности, защитно-адаптивные стили, антивитальные проявления. Изучение этих характеристик будет способствовать расширению возможностей психологической

помощи пациентам в условиях стационара, а также созданию системы психопрофилактики, направленной на повышение адаптивных возможностей и психологическую безопасность.

Формирование психологической безопасности у пациентов пожилого возраста с учетом вышеобозначенных характеристик осуществляется на базе отделения пограничных состояний НИИПЗ ТНИМЦ. При этом используется мультимодальный подход А. Лазаруса, который дает возможность акцентировать внимание на основных проблемах пациента, требующих решения. Отделяя ощущения от эмоций, различая представления и когниции, исследуя индивидуальное и межличностное поведение в совместной партнерской работе пациента и психолога, данные техники позволяют снизить эмоциональную напряженность, изменить ошибочные представления, способствовать развитию психологической безопасности.

Как уже отмечалось ранее, характеристики психологической безопасности пациентов пограничного спектра нарушений психического здоровья можно развивать в процессе оказания психологической помощи. Данная информация представлена в следующем разделе.

Возможности развития психологической безопасности в контексте психологической реабилитации

Материалы данного раздела подготовлены совместно с медицинским психологом отделения аффективных состояний НИИПЗ ТНИМЦ Н.С. Смирновой (Смирнова и др., 2016).

В начале раздела мы хотим обратить внимание читателей на специфику работы медицинского психолога в психиатрической клинике. Как отмечает С.Л. Соловьева (2016), реабилитация как процесс восстановления психического здоровья имеет свои отличительные особенности в профессиональной деятельности психологов и медицинских работников. Она отмечает, что клинический и немедицинский (психологический) подходы к реабилитации, которая является актуальной для медицины и практического здраво-

охранения, имеют четкие разграничения. И психолог в первую очередь обращается к уникальному психологическому миру личности пациента. Помогая больному адаптироваться к жизни в условиях психического заболевания, психолог как эксперт по психическому здоровью вторгается в субъективную реальность другого человека и воздействует на нее с профессиональных позиций, отражающих доминирующую в науках о психическом здоровье парадигму. Профессиональное воздействие на личность психически больного во многом тенденциозно, поскольку направлено на создание и расширение возможностей для субъективной реальности каждого пациента встраиваться в социальные предписания, ограничения, запреты, формируемые доминирующей в обществе идеологической средой. Личный опыт позволяет специалисту адекватно оценивать жизненные кризисы и микротравмы как обладающие необходимой для выживания человека обучающей силой: если позитивные переживания удовольствия, радости, благополучия позволяют человеку, особенно не задумываясь, принимать решения и действовать в рамках актуального психического статуса, то «негативные» переживания активизируют поиск ресурсов, информации, социальной поддержки, стимулируют личность к развитию и росту.

Актуальность исследования психологической безопасности пациентов, страдающих депрессивными расстройствами, обусловлена высокой распространенностью данных нарушений, необходимостью сохранения психического здоровья и оказанию эффективной психологической помощи с опорой на личностные ресурсы (Мелехин, 2015; Стоянова и др., 2016; Beck, 2008, 2011).

Поскольку психологическая безопасность в своей структуре содержит три основных компонента – аффективный, когнитивный, и поведенческий, то наиболее подходящим методом для ее формирования у больных расстройствами депрессивного спектра, в наших представлениях, является когнитивно-поведенческий подход.

Исследования депрессии в рамках когнитивно-бихевиорального подхода осуществлялись с опорой на концепцию когнитивной уязвимости А. Бека (Бек, Фримен, 2003), которая рассматривает два уровня мыслительных процессов – поверхностный и глубинный.

Первый уровень отвечает за способ переработки информации. При этом избирательная фокусировка внимания на негативных аспектах блокирует адекватную переработку положительных событий в жизни депрессивных пациентов.

Второй уровень – глубинный, свидетельствует о присутствии сложно устроенной системы аффективно-заряженных дисфункциональных убеждений, которых придерживаются пациенты. Дисфункциональные убеждения, или схемы, представляют собой жизненную философию пациента, «систему глубинных установок по отношению к самому себе, миру, людям, задающую основу для переработки текущей информации и стратегий решения проблем». В этой системе фиксирован весь жизненный опыт человека, а особую роль играют детские впечатления и особенности семьи.

Важной особенностью депрессогенных когнитивных схем является недостаток дифференцированности в их содержании, что указывает на их инфантильную природу. Причинами развития базовых посылок депрессии называются следующие:

1) утрата одного из родителей в детстве, в результате чего психологические потери могут интерпретироваться как необратимые и непереносимые травмы;

2) наличие родителя, чья система убеждений актуализирует собственную неполноценность или систему конструктов, состоящую из ригидных, жестких правил;

3) дефицит социальных навыков, негативный опыт общения, отсутствие эмпирической проверки негативного опыта;

4) физический дефект, способствующий формированию «образа Я» как отличного от других, избегание контактов, препятствующих проверке.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) как система психотерапевтических подходов существует уже более 45 лет. Ее основой является тщательно разработанная теоретическая база, которая была сформулирована в процессе длительной работы с большим числом пациентов. На сегодняшний день в мире накоплены результаты сотен исследований, подтверждающие эффективность этого метода при лечении аффективных расстройств.

Метод КПТ создавался для индивидуальной работы с пациентами. Однако уже в 1979 году в классическом руководстве по лечению депрессии А. Беком с соавторами упоминается возможность ее использования в групповой работе.

В 2009 году был разработан и апробирован лечебный протокол групповой КПТ депрессий. Авторы пришли к выводу, что реализация этого метода в формате группы представляет собой уникальную терапевтическую возможность, эффект от которой наступает не только от освоения когнитивных техник, но и усиливается в результате группового терапевтического процесса (Morrison, 2001; Ionescu, 2005; Bieling et al., 2009).

Описывая особенности групповой терапии по формированию психологической безопасности в когнитивно-поведенческой парадигме, следует отметить трудности проведения группы в условиях психиатрического стационара. Клиническая ситуация психиатрического стационара требует модификации традиционного КП подхода в психотерапии, поскольку:

1. Средний срок пребывания пациентов 3–4 недели, следовательно, предполагается значительная смена состава группы, практически в каждой группе есть новые участники.

2. Большинство пациентов стремятся к облегчению своего состояния, а не к личностному росту и пониманию себя.

3. В группе часто присутствуют немотивированные пациенты: психологически неискнушенные, без любопытства в отношении себя или не желающие находиться в группе (при назначении врачом).

4. Часто психотерапевты не имеют возможности контролировать процесс составления группы.

5. В группе редко наблюдается сильное чувство сплоченности; у участников мало времени для того, чтобы научиться заботиться друг о друге и начать доверять друг другу.

6. Нет времени на постепенное распознавание тонких межличностных паттернов, на их проработку, также практически нет возможности сосредоточиться на перенесении опыта на ту ситуацию, которая окружает пациента в домашней обстановке.

Постановка цели, созвучной вышеперечисленным условиям, отличается от традиционной групповой когнитивно-поведенческой терапии. Ее можно сформулировать как знакомство с психотерапией, вовлечение депрессивного пациента в процесс психотерапии и как смягчение проблемного поведения депрессивного пациента таким образом, чтобы он снова смог осуществлять жизнедеятельность вне стен клиники.

В психиатрических отделениях существуют несколько эффективных способов помощи депрессивным пациентам: психофармакология, терапия средой, соматическая терапия, индивидуальная психотерапия и т.п. Однако формирование психологической безопасности более эффективно в групповой работе, нежели при других способах психологической помощи. Многие пациенты с депрессивными расстройствами нуждаются в проработке трудностей, которые у них возникают при общении с другими людьми. При этом группа создает уникальную терапевтическую среду, а в фокусе групповой работы по-прежнему находится трансформация искаженных когниций. Позитивные изменения достижимы разными способами: посредством поведенческих экспериментов, изучения фактов, решения задач, проигрывания ролей, мысленного реструктурирования.

К современным подходам из так называемой «третьей волны» КПТ относится Метакогнитивная терапия, или Схема-терапия Дж. Янга. Появление этого направления (*Meta cognitive therapy*) – МКТ – связано с именами оксфордских ученых – Дэвида Кларка и Эдриена Уэллса, создавших базовую модель, которая была разработана для пациентов, страдающих генерализованным тревожным расстройством, а позднее адаптирована для лечения широкого спектра психических заболеваний, в том числе депрессий (Clark et al., 1999; Блешль, 2003).

В отличие от традиционных когнитивных моделей, Метакогнитивная терапия фокусирует внимание не на содержании и смысле автоматических мыслей, а на процессе мышления, на метакогнициях, на «мышлении по поводу мышления» (Артц, Якоб, 2016).

В представлениях создателей МКТ, пациенты, страдающие избыточной тревогой или депрессией, часто жалуются на невозмож-

ность контролировать свое мышление, на навязчивые, повторяющиеся мысли – руминации, которые могут быть связаны с негативным предвосхищением событий, с переживаниями собственных неудач, чрезмерной фиксацией на телесных симптомах. Комплекс шаблонов мышления, связанных с навязчивой фиксацией внимания на негативных аспектах, называется когнитивно-фиксационным синдромом (Cognitive-Attentional Syndrome – CAS), который и является главной мишенью Метакогнитивной терапии. МКТ-терапевты помогают пациентам избавиться от данного синдрома при помощи выявления и изменения метакогнитивных убеждений, обучения способам контроля за направлением мышления.

Схема-терапия (СТ), или схема-ориентированная модель, разработана американским доктором Джеффри Янгом и является интегративным психотерапевтическим подходом, который совмещает в себе идеи КПТ, теории привязанности, гештальт-терапии и психодинамического подходов. Данный интегративный подход ориентирован прежде всего на работу с пациентами с хроническими депрессиями, посттравматическими личностными расстройствами, а также расстройствами личности (Young, 1999, 2003).

В своем подходе Дж. Янг продолжил развитие концепции когнитивных «схем», начатой А. Беком, значительно расширив и модифицировав ее. С помощью клинических наблюдений он идентифицировал 18 ранних неадаптивных схем в пяти областях.

Всего в СТ выделено пять базовых потребностей, каждой из которых соответствует ряд ранних неадаптивных схем:

- в надежной привязанности (включая безопасность, понимание, принятие);
- в автономии, компетентности и чувстве идентичности;
- в свободе выражать свои истинные потребности и эмоции;
- в спонтанности и игре;
- в реалистичных ограничениях и самоконтроле.

Дж. Янг определяет психическое здоровье как способность проявлять и удовлетворять свои базовые психологические потребности. Ранние неадаптивные схемы, сформировавшиеся в раннем опыте, как способы презентации этого опыта определяют эмоции,

поведение и характер переработки информации. Это способствует пониманию того, почему пациенты депрессивного спектра фиксированы на негативных, болезненных идеях вопреки очевидному присутствию в жизнедеятельности позитивных факторов. Согласно СТ, негативные представления возникают, когда базовые потребности ребенка не были удовлетворены. В соответствии с этим главная задача – помочь взрослому человеку встретиться со своими потребностями, которые не были удовлетворены в детстве, и способствовать их удовлетворению.

Специфика Схема-терапии по сравнению с традиционной КПТ включает следующие особенности:

- Сфокусированность на переработке воспоминаний о травматическом раннем опыте.
- Интенсивное использование техник воображения для изменения негативных эмоций.
- Концептуализация психотерапевтических отношений как ограниченного родительства (limited reparenting) для создания условий переживания положительного опыта взаимодействия в безопасной среде.
- Опора на модель схема-режимов, которая помогает терапевту и пациенту понять его актуальные проблемы и сформировать набор терапевтических техник.

Кроме ранних неадаптивных схем в основной концептуальный аппарат СТ входит понятие «схема-режимы», обозначающее определенное устойчивое на какой-то промежуток времени эмоциональное состояние, призванное объяснить смену настроения или наличие конфликтных желаний и идей одновременно, таким образом, режимы описывают состояния, вызванные активацией схемы.

Модусы схем (схема-режимы) описываются четырьмя основными категориями:

1. «Дисфункциональный ребенок».
2. «Дисфункциональный родитель».
3. «Дисфункциональные копинговые режимы».

С психическим здоровьем связаны два модуса: 1) «Режим счастливого ребенка» и 2) «Режим здорового взрослого».

Для хронической депрессии характерна модель схема-режимов, включающая модус «уязвимый ребенок». Именно с ним связаны особенно сильные негативные эмоции печали, тоски, заброшенности и одиночества. Задача специалиста – преодолеть защитный модус избегания боли и тяжелых чувств, в котором чаще всего находится пациент, и помочь встретиться с этой частью, направляя процесс в трех аспектах:

- 1) разделить оценки себя, которые мало дифференцированы, например часто «плохой» и «печальный» слиты между собой;
- 2) научить выражать свои потребности;
- 3) частично удовлетворить потребности пациента в процессе психотерапии.

Схема-терапия направлена на перестройку соответствующих когнитивных структур путем удовлетворения фрустрированных потребностей, в том числе потребности в безопасности в процессе психотерапии (Бек Фримен, 2003; Холмогорова, 2014) .

Хронификация депрессивных состояний, рекуррентное течение побуждают к использованию новых интегративных форм психотерапии, на основе клинико-психологических и индивидуально-личностных характеристик пациентов с целью повышения эффективности оказываемой помощи. В этом ракурсе осуществлено пилотажное исследование, направленное на выявление уровня психологической безопасности у пациентов, страдающих расстройствами депрессивного спектра. Кроме этого, изучались взаимосвязи основных показателей психологической безопасности, их соотношение с психологическими, терапевтическими и клинико-динамическими особенностями.

Задачи исследования включали подбор инструментария для выявления соотношения между уровнем психологической безопасности и клинико-динамическими показателями, оценку психологической безопасности пациентов с депрессивными расстройствами в зависимости от нозологии, степени тяжести заболевания, выявление мишеней для дифференцированной психотерапии.

Основные критерии включения пациентов в выборку исследования: наличие депрессивной симптоматики, информированное согла-

сие пациента на участие в исследовании, стационарное лечение. Критерии исключения из выборки: органическое поражение ЦНС, зависимость от психоактивных веществ, соматические или неврологические расстройства, связанные с высоким риском развития депрессии, а также отказ пациента от участия в исследовании.

С учетом методологических оснований изучения психологической безопасности, в программу психодиагностики включены следующие методы: Шкала депрессии Бека (Beck Depression Inventory (BDI), Шкала безнадежности Бека (Hopelessness Scale, Beck et al., 1974), Шкала самооценки уровня тревожности Спилбергера–Ханина (2002); Шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман (в адаптации О. Кравцовой) (2008), выявляющая восемь категорий убеждений, а также опросник «Ранние неадаптивные схемы» Дж. Янга (YSQ S3R) в адаптации П.М. Касьяник, Е.В. Романовой, (2014); «Индекс жизненного стиля» Плутчека–Келермана в адаптации Л.И. Вассермана, Е.Б. Клубовой (2005).

Оригинальная версия методики Р. Янов-Бульман не предполагает расчет индекса психологической безопасности. Возможность расчета суммарного индекса «Психологическая безопасность» как среднего арифметического от сложения показателей всех восьми субшкал установлена С. А. Богомазом, А. Г. Гладких (2009).

С помощью «Индекса жизненного стиля» исследовался уровень напряженности 8 основных психологических защит, а также их суммарный показатель.

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением пакета стандартных программ Statistica for Windows (V.10.0). Из статистических методов использовались: описательная статистика, корреляционный анализ по Спирмену, критерий Манна–Уитни.

В исследовании участвовали 40 пациентов с расстройствами депрессивного спектра непсихотического уровня, получавших лечение и принимавших участие в групповой психотерапии в отделениях НИИ психического здоровья Томского научно-исследовательского медицинского центра. В обследуемой группе преобладали ($p < 0,01$) женщины – 80% ($n=32$). Значение медианы возраста пациентов мужского пола составило 46 лет, женского пола – 44,5 лет.

Анализ семейного положения больных расстройствами депрессивного спектра в обследуемой группе указал на значительный удельный вес (55%) одиноких пациентов. В браке состояли 18 пациентов (45%). В обследуемой выборке преобладали ($p < 0,01$) пациенты с высшим образованием 70% ($n = 28$).

В качестве лекарственной терапии все пациенты получали антидепрессанты различных фармакологических групп.

На первом этапе после проведения психодиагностики осуществлялась оценка взаимосвязей уровня психологической безопасности (как суммарный индекс «Психологическая безопасность») и нозологической принадлежности депрессивного расстройства, степени его тяжести и показателями клинических шкал.

Результаты исследования. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии значимых корреляций между уровнем психологической безопасности и нозологической принадлежностью расстройств депрессивного спектра ($p > 0,05$). При этом обнаружены взаимосвязи между степенью тяжести расстройства и показателями психологической безопасности как в целом ($r = -0,69$; $p < 0,05$), так и по отдельным шкалам: «ценность собственного я» ($r = -0,51$; $p < 0,05$), «степень самоконтроля» ($r = -0,55$; $p < 0,05$). На основании полученных результатов можно утверждать, что чем тяжелее протекает депрессия, тем в большей степени выражено искажение образа «Я», включая переживание бесперспективности, снижение веры в собственные силы, потерю контроля над событиями своей жизни.

Установлена корреляция между уровнем безнадежности и психологической безопасности по шкалам «контролируемость событий в мире» ($r = -0,39$; $p < 0,05$), «осмысленность мира» ($r = -0,64$; $p < 0,05$). Интерпретация этих показателей свидетельствует об убежденности пациентов с низким уровнем безопасности в том, что окружающий мир лишен смысла, события происходят случайно и не подчиняются законам справедливости, не следует доверять никому, так как это небезопасно. Они не верят в возможность изменения жизни к лучшему, ощущают собственную беспомощность.

Анализ данных по опроснику Дж. Янга показал, что у всех пациентов выявлены максимальные характеристики в сферах «разрыв связей и неприятие», а также «сверхбдительность и подавление». При этом отмечается выраженность следующих ранних дезадаптивных схем (степень выраженности больше 50%):

1) «эмоциональная депривированность» (схема, предполагающая невозможность тесной эмоциональной связи с другими (потребности в безопасности, стабильности, защите, надежности никогда не будут удовлетворены));

2) «подавление эмоций» (что проявляется в стремлении контролировать свои чувства и эмоции, избегании чувств стыда и вины);

3) «жесткие стандарты» (в основе схемы – убеждение в том, что должно соответствовать высоким интернализированным стандартам поведения и функционирования, обычно во избежание критики, приводящее к чувству напряженности, невозможности остановиться).

Эти данные совпадают с исследованием Д.В. Труевцева (2011) по выявлению и анализу ранних дезадаптивных схем при разном уровне выраженности депрессии. В результате этого исследования было установлено, что независимо от уровня выраженности при депрессии актуализируются «Подавление эмоций» и «Жесткие стандарты». В дальнейших исследованиях О.А. Сагалковой, Д.В. Труевцева и др. (2014, 2016) по изучению руминации описаны когнитивные паттерны беспомощности, включающие неуверенность, негативную оценку себя, предъявление к себе жестких требований.

Исследование особенностей психологической защиты с помощью ИЖС у пациентов депрессивного спектра разной нозологической представленности позволило обозначить «мишени» психотерапии.

Установлено, что у пациентов с кратковременной депрессивной реакцией отмечается наиболее высокий уровень напряженности защитного механизма «отрицание» по сравнению с другими клиническими группами ($p < 0,05$). Высокий уровень данного защитного механизма указывает на недостаток других защитных механизмов. Соответственно, в психотерапевтические мероприятия следует включить техники, направленные на обучение принятию про-

блемной ситуации как части жизненного опыта, переоценку собственной роли в психотравмирующей ситуации с принятием на себя ответственности и формированием активной позиции в преодолении сложившихся обстоятельств.

У пациентов с пролонгированными депрессивными реакциями наиболее выраженными ($p < 0,05$), по сравнению с другими нозологическими группами, оказались следующие защитные механизмы: «регрессия» – возвращение на более ранние этапы психического развития, «компенсация» – подчеркивание социально одобряемого поведения, «рационализация» – снятие напряжения при помощи логических установок. Также в группе пациентов с пролонгированными депрессивными реакциями выявился наиболее ($p < 0,05$) высокий уровень личностной тревоги по шкале уровня тревожности Спилбергера–Ханина при сравнении с другими нозологическими группами. Повышение тревоги как интегративного показателя уровня безопасности и актуализация комплекса защитных механизмов предполагают комплексную психологическую работу.

У пациентов с депрессивными эпизодами (в рамках единичного эпизода и РДР), по данным Life Style Index, выявлялся более высокий ($p < 0,05$) уровень напряженности двух защитных механизмов, по сравнению с другими нозологическими группами: «замещение» – перенос агрессии с более сильного и значимого на более слабый объект или на себя, а также «проекция» – локус неприятных мыслей и чувств вовне. Данные механизмы усиливают представление о мире как о враждебном и ненадежном. Также у пациентов этой группы определялся более высокий ($p < 0,05$) уровень безнадежности (по шкале безнадежности Бека), чем у пациентов с депрессивными реакциями. Это может свидетельствовать о выраженном пессимизме по поводу своего будущего. Поэтому важной психотерапевтической задачей становится создание максимально безопасной эмпатической среды.

Выводы:

1. У пациентов с депрессивными расстройствами, независимо от нозологической принадлежности, выявляются ранние дезадап-

тивные схемы, включающие эмоциональную депривированность, подавление эмоций, жесткие стандарты.

2. Тяжесть депрессивного расстройства определяет степень психологической безопасности.

3. В процессе психологической работы необходимо учитывать, что уровень напряженности защитных механизмов отличается у пациентов депрессивного спектра различных нозологических групп.

Таким образом, значимыми направлениями психологической работы по формированию психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра становятся работа с ранними дезадаптивными схемами, образом «Я», психологическими защитными механизмами. Выявлены психологические характеристики, предрасполагающие к нарушению психологической безопасности. В процессе групповой работы ее участники обретают понимание собственных схем как неконструктивных способов совладания с реальностью. В процессе взаимодействия между психологом и участниками группы возникает потребность в освоении нового опыта, который дает возможность самостоятельно производить нужные когнитивные, аффективные, межличностные и поведенческие изменения в целях профилактики рецидивов в будущем.

Литература

- Александрова Л.А. Адаптация к трудным жизненным ситуациям и психологические ресурсы личности // Личностный потенциал: структура и диагностика / науч. ред. Д.А. Леонтьев. М. : Смысл, 2011. С. 547–578.
- Артц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах. М. : Научный мир, 2016. 320 с.
- Баева И.А. Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 145. С. 6–18.
- Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб. : Питер, 2003. 312 с.
- Беляева П.И. Психологическая безопасность личности младшего школьника и образовательная среда // Психология обучения. 2012. № 8. С. 113–121.

- Блешль Л. Депрессивные расстройства: этиология и анализ условий возникновения // Клиническая психология. 2-е междунар. изд. / под ред. М. Пере, У. Баумана. СПб., 2003. 312 с.
- Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник ТГУ. 2009. № 318. С. 191–195.
- Бубнова О.В., Куликова О.В. Психологическая безопасность личности как условие социальной адаптации молодых специалистов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 20–29.
- Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб. : Изд-во СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
- Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М. : ПЕР СЭ, 2003. 304 с.
- Зинченко Ю.П. Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 4–11.
- Исследование тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханин) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 124–126.
- Касьяник П.М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 120 с.
- Клочко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии / Метод психологии. М., 2008. Т. 3, вып. 1. С. 165–178.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: ТГУ, 2009. 240 с.
- Корытова Г.С., Закотнова Е.Ю. Психологическая безопасность и защищенность образовательной среды: факторы риска, угрозы и условия // Вестник ТГПУ. 2015. № 9 (162). С. 96–102.
- Костарев В.В. Психологические предикторы нарушений психического здоровья у супругов в ситуации развода // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. № 3 (96). С. 64–70.
- Краснянская Т.М. Психология самообеспечения безопасности: феноменология, механизмы, стратегии : дис. ... д-ра психол. наук. Таганрог, 2006. 373 с.
- Кулаков С.А. Основы психосоматики. СПб., 2003. 287 с.
- Маслоу А. Мотивация и личность. Ростов н/Д. : Магистр, 2017. 352 с.

- Магденко О.В., Стоянова И.Я. Психологическая помощь беременным женщинам при становлении материнской ролевой идентичности. Новосибирск : Полиграфическая компания И.П. Малыгина, 2012. 212 с.
- Мелехин А.И. Перспективы лечения депрессии в пожилом и старческом возрасте // Научно-практическая конференция «Государственная политика по развитию биомедицинских технологий в области профилактики старения и возраст-зависимых заболеваний» (22 сентября 2015 г.) URL: <http://istina.msu.ru/publications/article/30069518/>
- Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М. : Когито-Центр, 2015. 304 с.
- Папоян В.Р., Мурадян Е.Б. Образовательная система с точки зрения обеспечения психологической безопасности личности студента // Сборник конференции НИЦ «Социосфера». 2012. № 21. С. 44–49.
- Писарь О.В., Ребрик Э.Ю. Исследования информационно-психологической безопасности личности в зарубежной и отечественной психологии // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2. С. 104–109.
- Практикум по семейной психотерапии / под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб., 2010. 418 с.
- Родачин В.М. Безопасность как социальное явление // Право и безопасность. 2004. № 4 (13). С. 14–17.
- Рудницкий В.А. Клинические и реабилитационные проблемы экологической психиатрии : дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2011. 340 с.
- Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Стоянова И.Я., Терехина О.В. Социальная тревога в подростковом и юношеском возрасте в контексте психологической безопасности // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 163–176.
- Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Когнитивно-перцептивная избирательность и целевая регуляция психической деятельности в ситуациях персонального оценивания при социальном тревожном расстройстве // Медицинская психология в России. 2014. № 1 (24). URL: <http://mprj.ru>.
- Сараева Н.М., Суханов А.А., Мыскина Э.А. Влияние экологической неблагоприятной среды на психологическую адаптацию человека // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 150–161.
- Свиридова И.А., Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловые индикаторы психологического здоровья личности // Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии : материалы

- Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Кравцовой. Владивосток : Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 190–197.
- Семке В.Я. Психологическая безопасность в структуре психического здоровья населения, проживающего в условиях риска техногенно-экологической угрозы // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 1. С. 57–62.
- Синякова М.Г., Кошкаров В.С. Теоретические аспекты изучения проблемы психологической безопасности личности // Техносферная безопасность. 2015. № 3 (8). С. 68–75.
- Смирнова Н.С., Счастный Е.Д., Стоянова И.Я., Лебедева Е.В., Симуткин Г.Г., Суровцева А.К. Технология психофармакологической и когнитивно-поведенческой терапии при расстройствах адаптации депрессивного спектра: Медицинская технология. Томск : Иван Федоров, 2016. 46 с.
- Соловьева С.В. Психологическая реабилитация в психиатрической клинике // Неврологический вестник. 2016. Т. XLVIII, вып. 3. С. 82–87.
- Соломин В.П., Михайлов Л.А., Маликова Т.В., Шатровой О.В. Психологическая безопасность : учеб. пособие. М. : Дрофа, 2008. 284 с.
- Стоянова И.Я., Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Терехина О.В., Чеканова М.О. Личностные факторы риска парасуицидальности (антивитальности) и снижения психологической безопасности студентов в образовательной среде // Сибирский Вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 4 (89). С. 112–116.
- Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Современное состояние психологических исследований террористической угрозы // Медицинская психология в России. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 01.12.2014).
- Терехина О.В. Психологическая безопасность как фактор психического здоровья людей, проживающих в условиях риска техногенно-экологической угрозы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2016.
- Труевцев Д.В. Ранние неадаптивные схемы при депрессии разной степени тяжести // 25 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейный сборник РПО. Т. 2 / отв. ред. Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко. М. : МАКС-Пресс, 2011. С. 22–25.
- Холмогорова А.Б. Схема-терапия Дж. Янга – один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 78–87.

- Эксакусто Т.В. Теоретические основы социально-психологической безопасности / под ред. Н.А. Лызь. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. 244 с.
- Янов-Бульман Р. Шкала базовых убеждений // Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. 172 с.
- Beck A.T. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates // *Am. J. Psychiatry*. 2008. Vol. 165. P. 1–9.
- Beck A.T., Dozois D.J.A. Cognitive therapy: Current Status and Future Directions. *Ann Rev Med*, 2011.
- Bieling P.J., McCabe R.E., Antony M.M. Cognitive-behavioral Therapy in Groups. New York, NY : Guilford, 2009. 452 p.
- Clark D.A., Beck A.T., Alford B.A. Scientific Foundations of Cognitive Theory and Therapy of Depression. N.Y. : Wiley, 1999.
- Ionescu S. Psychopathologies etsociete. Tendancesdans le champ de la psychopathologiesociale / S. Ionescu et [eds.] // *Psychopathologies et societe. Traumatismes, evenementset situations de vie*. Paris : editions Vuibert, 2005. P. 7.
- Ionescu S. Psychopathologies etsociete. Tendancesdans le champ de la psychopathologiesociale / S. Ionescu et [eds.] // *Psychopathologies et societe. Traumatismes, evenementset situations de vie*. Paris : editions Vuibert, 2005. P. 7–17.
- Janoff-Bulman R. The world assumptions scale / B.H. Stamm [ed.] // *Measurement of Stress, Trauma and Adaptation*. Lutherville, MD : Sidran Press, 1996.
- Maddi S. Hardiness: an operationalization of Existential Courage // *J. of Humanistic Psychology*. 2004. Vol. 44, № 3. P. 279–298.
- Morrison A.P. Group cognitive therapy: treatment of choice or sub-optimal option? // *Behavioral and Cognitive Psychotherapy*. 2001. № 29. P. 311–322.
- Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy. N.Y. ; London, 2003.
- Young J.E., Brown G. Young Schema Questionnaire (3rded.) / Inj. E. Young, Cognitive therapy for personality disorders: A schema-focused approach. Rev. ed. Sarasota, FL : Professional Resource Press, 1999. P. 63–76.

Глава 8. Улучшение психоэмоционального статуса с помощью методов ближнего туризма

Е.Ю. Дьякова

В современном мире социальная адаптация предъявляет к человеку довольно жесткие требования. Психологическая и физиологическая «цена адаптации» может быть очень высокой. Для улучшения ситуации имеет смысл использовать различные способы восстановления. Жители городов особенно нуждаются в полноценном отдыхе на природе, это отвлекает от повседневной суеты, снимает напряжение и стресс. Загруженность жителя мегаполиса не всегда позволяет вырваться из городской суеты надолго, в связи с чем актуальными становятся малозатратные по времени мероприятия. Одним из вариантов такого отдыха может выступать поход выходного дня.

Доказано, что занятия туризмом заметно улучшают состояние психики. Туристы обычно меньше подвержены депрессии, тревожности и напряженности. Они становятся более собранными, уверенными в себе, доброжелательными, терпимо воспринимают недостатки других (Драгачев, 1984).

Положительный эффект пеших походов заключается также в тонизировании деятельности центральной нервной системы за счет нервных импульсов, которые возникают под влиянием умеренных мышечных сокращений.

Импульсы, идущие из мышц в центральную нервную систему, поддерживают тонус центров головного мозга, нормализуют соотношение процессов возбуждения и торможения. Кроме того, улучшаются окислительно-восстановительные процессы, снабжение кровью головного мозга, снимается утомление, быстрее восстанавливается затраченная во время работы энергия (Кряжев, Павлова, 1994).

Также походы способствуют улучшению психических качеств (наблюдательность; объем, распределение, переключение, концентрация, устойчивость внимания; способность быстро проанализировать информацию, выбрать правильное решение и быстро его реализовать; оперативная и долговременная память; эмоциональная устойчивость), а также волевых качеств (целеустремленность; дисциплинированность; инициативность; настойчивость; выдержка и самообладание; стойкость – способность выдерживать в процессе выполнения заданий большие трудности) (Драгачев, 1984).

Регулярные пешие походы также повышают иммунитет, положительно сказываются на умственном здоровье. Американские ученые выяснили, что элементарное физическое упражнение – ходьба – существенно улучшает работу головного мозга (Никишин, 1991).

Простая прогулка на природе может сравниться с антидепрессантами, уверены канадские и американские психологи. Группа специалистов из Стэнфорда и Мичигана под руководством Марка Бермана из Исследовательского института Бэйкрестс Ротман проверила, какое влияние прогулка оказывала на пациентов с клинической депрессией. Оказалось, что прогулки на природе улучшали у больных рабочую память, внимательность на 16%. А вот прогулки в городской среде не производили подобного эффекта. Что касается настроения, оба типа прогулок улучшали настрой. На основании этих результатов ученые разработали удобное приложение «ReTUNE» («Восстановление через городской природный опыт»), которое оценивает пешеходные прогулки (Rpsychology's, 2017).

Другая группа ученых под руководством Дэвида Стрейера, профессора психологии Университета штата Юта, доказала, что можно повысить мощность мозга на 50%, если оставить все гаджеты дома и просто прогуляться. В исследовании приняли участие 54 взрослых американца, средний возраст 28 лет. Они участвовали в четырех-шестидневном походе. Электронные устройства не допускались. До начала похода в тесте на творчество были получены оценки в среднем 4,14 из 10. После похода результат улучшился до 6,08 – на 50% (Atchley, 2017).

Обыкновенная ходьба также положительно влияет на психологическое состояние человека, она позволяет расслабиться эмоционально, под иным углом взглянуть на окружающую действительность, многое переоценить, возможно, найти новые, нестандартные решения существующих проблем и задач. Пешая ходьба – это своего рода медитация, отдых от насущных проблем, фокусирование на других жизненных аспектах, отличных от повседневных (Рубис, 1995).

Кроме положительного влияния на психологическое состояние человека, походы также улучшают физические качества. Они являются эффективным средством активного отдыха, восстановления здоровья, укрепления и закаливания организма.

Оздоровительная ценность пеших туристических походов выходного дня определяется прежде всего сочетанием физических упражнений с пребыванием в естественных условиях. Пребывание на свежем воздухе в окружении красивых природных ландшафтов, активная мышечная деятельность эффективно стимулируют восстановительные процессы в организме, повышают настроение, способствуют приливу бодрости и сил (Пасечный, 1980).

Проведенные исследования подтверждают, что туристические походы оказывают на здоровье человека благоприятное воздействие, а именно наблюдается:

- улучшение функционирования всех основных органов и систем организма;
- совершенствование функций внешнего и внутреннего дыхания: увеличение силы и мощности дыхательных мышц, жизненной ёмкости и максимальной вентиляции легких, создающих благоприятные условия для выполнения мышечной работы;
- возрастание мощности сердечной мышцы (Евсеев, 1988).

Продолжительная ходьба приводит к существенному увеличению объема циркулирующей крови, что способствует повышению эффективности многих ее функций.

Определено, что систематические занятия спортивно-оздоровительным туризмом вызывают повышение уровня функционального состояния сердечно-сосудистой, дыхательной и мышечной систем при длительности занятий более 1,5 лет при про-

хождении не менее 4 учебно-тренировочных походов по сравнению со студентами, занимающимися физической культурой по программе вуза (Жигарев, 2002).

Регулярные пешие походы являются одной из форм тренировки на выносливость, которая улучшает функции эндокринной системы организма, занимающей важное место в общей адаптации и мобилизации энергетических и пластических ресурсов организма (Мотылянская и др., 1990).

Пешие путешествия с переноской небольших грузов, в процессе которых практически участвуют в работе все основные мышечные группы, эффективно способствуют формированию гармонического телосложения и осанки, особенно в студенческом возрасте (до 25 лет), когда организм находится в процессе роста, обладает большой пластичностью и легко поддается преобразовательным воздействиям (Булашев, 2004).

В процессе регулярных занятий пешим туризмом мышцы туриста становятся сильными, работоспособными и в то же время не гипертрофированными (Варламов, 1979).

Походы выходного дня, помимо оздоровительного, имеют большое прикладное значение. Прежде всего, они, при правильной организации подготовки к ним и их проведению, способствуют успешному формированию многих личностных качеств и навыков, необходимых для активной жизнедеятельности и высокопродуктивной работы в современных социально-экономических условиях.

Это интегральные качества личности:

- общесистемная физическая подготовленность;
- выносливость – способность длительное время выполнять самую разнообразную работу, не снижая её эффективности;
- уравновешенность (ровный темп в работе, ровный характер и настроение, спокойствие в обращении с людьми, сдержанность, выдержка и т.п.);
- активность (инициативность, энергичность, предприимчивость и т.п.);
- коммуникативность (контактность, общительность, коллективизм, умение ладить с людьми).

Физические качества:

- общая и силовая выносливость;
- ловкость.

Подтверждением положительного влияния похода выходного дня на психоэмоциональную сферу явилось исследование, проведенное на базе лаборатории факультета физической культуры Томского государственного университета. Для участия в исследовании были приглашены 6 студентов (3 юноши, 3 девушки) факультета физической культуры Томского государственного университета, занимающиеся разными видами спорта, одной возрастной группы (21–22 года). Поход был проведен в выходной день, свободный от учебы и тренировок.

Маршрут похода выходного дня:

Место проведения маршрута: Томская область, Томский район, село Ярское, «Зеленый мыс».

Вид туризма: пешеходный.

Количество участников похода: 6 человек.

Категория сложности похода: первая.

Продолжительность: один день.

Нитка маршрута: Яр – Аникин камень – Камень «Боец» – Кедровник – Яр.

Общая идея маршрута:

- физическое оздоровление: тренировка мышц, получение заряда бодрости и работоспособности;
- снятие напряжения городской жизни, отвлечение от каждодневных забот;
- разведка нового места, знакомство с памятниками природы, изучение родного края.

Исследование психоэмоциональной сферы

Исследование проводилось в три этапа:

I этап. На этом этапе проводилось исследование психоэмоционального состояния участников за день до похода, для того чтобы в дальнейшем сравнить, как меняется психоэмоциональный фон.

II этап. Сразу после похода участники отправились в лабораторию Томского государственного университета для прохождения психотестов на определение их психоэмоционального состояния.

III этап. На заключительном этапе участники вновь были собраны в лаборатории Томского государственного университета на следующий день после похода для заключительного прохождения психотестов.

Исследование психоэмоциональной сферы обследуемых проводилось на аппаратном комплексе «Психотест» (ООО «Нейрософт» (Россия, Иваново), 2007).

Для проведения исследования психоэмоционального состояния участников похода выходного дня были использованы три методики:

- методика и диагностика самочувствия, активности и настроения;
- шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина;
- методика оценки внимания «Таблицы Шульте».

Анализ данных проводился при помощи программы Statistica 6.0 for Windows фирмы Statsoft. Фактические данные представлены в виде «среднее \pm ошибка среднего».

Для определения характера распределения полученных данных использовали критерий Колмогорова–Смирнова.

Сформированные выборки не подчинялись нормальному распределению и, следовательно, применение параметрических статистических критериев, построенных на основании параметров совокупностей, распределяемых по нормальному закону, являлось недопустимым.

Непараметрические статистические критерии, представляющие собой функции, зависящие непосредственно от вариантов данной совокупности с их частотами, используют для проверки гипотез независимо от формы распределения совокупностей, из которых взяты сравниваемые выборки. Если функция распределения не является нормальной, непараметрические критерии оказываются более мощными, чем параметрические (Гланц, 1999).

Так как члены сравниваемых выборок были связаны попарно (зависимые выборки), различия между ними оценивали с помощью рангового Т-критерия Вилкоксона.

Методика и диагностика самочувствия, активности и настроения

Цель методики и диагностика самочувствия, активности и настроения (САН): экспресс-оценка самочувствия, активности и настроения.

Опросник состоит из 30 пар противоположных характеристик, по которым испытуемого просят оценить свое состояние. Каждая пара представляет собой шкалу, на которой испытуемый отмечает степень выраженности той или иной характеристики своего состояния.

Испытуемому предлагается описать свое состояние в данный момент с помощью таблицы, состоящей из 30 пар полярных признаков. В каждой паре надо выбрать ту характеристику, которая наиболее точно описывает состояние, и отметить цифру, которая соответствует степени выраженности данной характеристики.

Обработка данных методики САН. При подсчете крайняя степень выраженности негативного полюса пары оценивается в 1 балл, а крайняя степень выраженности позитивного полюса пары – в 7 баллов. При этом нужно учитывать, что полюса шкал постоянно меняются, но положительные состояния всегда получают высокие баллы, а отрицательные – низкие. Полученные баллы группируются в соответствии с ключом в три категории, и подсчитывается количество баллов по каждой из них.

Самочувствие – сумма баллов по шкалам: 1, 2, 7, 8, 13, 14, 19, 20, 25, 26.

Активность – сумма баллов по шкалам: 3, 4, 9, 10, 15, 16, 21, 22, 27, 28.

Настроение – сумма баллов по шкалам: 5, 6, И, 12, 17, 18, 23, 24, 29, 30.

Полученные результаты по каждой категории делятся на 10. Средний балл шкалы равен 4. Оценки, превышающие 4 балла,

свидетельствуют о благоприятном состоянии испытуемого, ниже 4 – о неблагоприятном состоянии. Нормальные оценки состояния располагаются в диапазоне 5,0–5,5 баллов. Следует учесть, что при анализе функционального состояния важны не только значения отдельных показателей, но и их соотношение.

Показатели самочувствия до похода наблюдались в пределах нормы $5,03 \pm 1,07$ – благоприятное состояние (нормальные оценки состояния располагаются в диапазоне 5,0 – 5,5 баллов). Сразу после похода показатели самочувствия достоверно повышались в диапазоне $6,82 \pm 0,15$, это выше нормы. На следующий день после похода самочувствие достоверно снижалось до $6,27 \pm 0,39$, но оставалось выше нормы, чем было до похода (рис. 1).

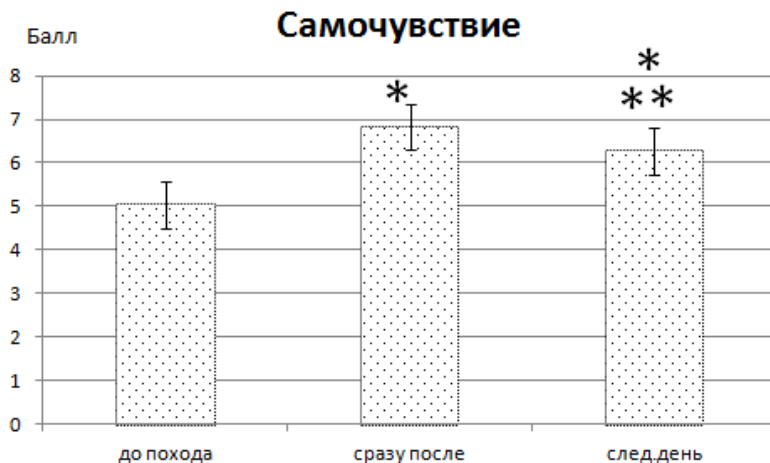

Рис. 1. Показатели самочувствия участников похода.

* Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной.

** Статистически значимые различия показателей при сравнении сразу после похода и на следующий день

Показатели активности до похода были равны среднему баллу $4,2 \pm 1,3$, это свидетельствует о благоприятном состоянии, но ниже пределов средних величин. Сразу после похода активность достовер-

но повышалась до $5,9 \pm 0,3$ и становилась выше предела средних величин. На следующий день после похода активность снижалась (недостаточно) до нормальной оценки $5,06 \pm 0,9$, но оставалась в благоприятном состоянии выше среднего балла до похода (рис. 2).

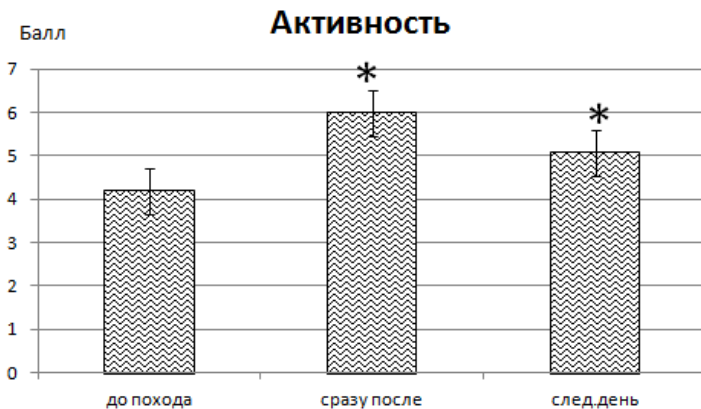

Рис. 2. Показатели активности участников похода.

* Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной

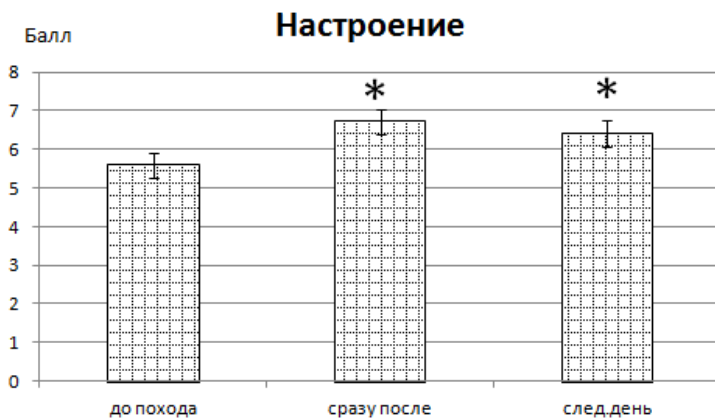

Рис. 3. Показатели настроения участников похода.

* Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной

Настроение до похода оценивалось в пределах нормы $5,5 \pm 1,1$ как благоприятное состояние. Сразу после похода настроение достоверно повышалось до $6,7 \pm 0,2$ и становилось выше нормы. На следующий день после похода настроение снижалось (недостоверно) до $6,4 \pm 0,5$, но также оставалось выше нормальной оценки и выше предела нормы (чем до похода) (рис. 3).

Шкала ситуативной и личностной тревожности Спилберга–Ханина

Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельной личности. У каждого человека существует свой оптимальный, или желательный, уровень тревожности – это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания.

Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения. Ситуативная, или реактивная, тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Это состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разным по интенсивности и динамичности во времени.

Данный опросник позволяет дифференцировано измерять тревожность и как личностное свойство, и как состояние.

Обработка и анализ результатов теста

При анализе результатов самооценки тревожности надо иметь в виду, что общий итоговый показатель по каждой из подшкал может находиться в диапазоне от 20 до 80 баллов. При этом чем выше итоговый показатель, тем выше уровень тревожности (ситуативной или личностной).

При интерпретации показателей можно использовать следующие ориентировочные оценки тревожности:

- до 30 баллов – низкая;
- 31–44 балла – умеренная;
- 45 и более – высокая.

Личности, относимые к категории высокотревожных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности. Если психологический тест выражает у испытуемого высокий показатель личностной тревожности, то это дает основание предполагать у него появление состояния тревожности в разнообразных ситуациях, особенно когда они касаются оценки его компетенции и престижа.

Лицам с высокой оценкой следует формировать чувство уверенности и успеха. Им необходимо смещать акцент с внешней требовательности, категоричности, высокой значимости в постановке задач на содержательное осмысление деятельности и конкретное планирование по подзадам.

Для низкотревожных людей, напротив, требуется пробуждение активности, подчеркивание мотивационных компонентов деятельности, возбуждение заинтересованности, высвечивание чувства ответственности в решении тех или иных задач.

Ситуативная тревожность до похода оценивалась как умеренная $37,3 \pm 11,0$ (31–44 балла – умеренная). Сразу после похода ситуативная тревожность достоверно снижалась до $24,5 \pm 3,6$ и становилась низкой (до 30 баллов – низкая). На следующий день после похода ситуативная тревожность достоверно повышалась до $29,6 \pm 4,8$, но оставалась низкой, такой же как до похода (рис. 4).

Рис. 4. Показатели ситуативной тревожности участников похода.

* Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной.

** Статистически значимые различия показателей при сравнении сразу после похода и на следующий день

Рис. 5. Показатели личностной тревожности участников похода.

* Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной.

** Статистически значимые различия показателей при сравнении сразу после похода и на следующий день

Личностная тревожность до похода оценивалась как умеренная $37,3 \pm 8,4$ (31–44 балла – умеренная). Сразу после похода личностная тревожность достоверно снижалась до $28,3 \pm 3,8$ и становилась низкой (до 30 баллов – низкая). На следующий день после похода личностная тревожность несколько повышалась (до $31,5 \pm 5,1$) и становилась умеренной, но достоверно ниже, чем до похода (рис. 5).

Методика оценки внимания «Таблицы Шульте»

Таблицы Шульте (англ. *Shultzttables*) – случайно расположенные числа (или другие объекты) для тренировки быстрого их нахождения по порядку. Обычно применяются для исследования и развития психического темпа восприятия, в частности скорости зрительных ориентировочно-поисковых движений (что является основой скоротения). Также позволяет расширить поле зрения. Широкое поле зрения сокращает время поиска информативных фрагментов текстов. Широко применяется при освоении методов быстрого чтения, подготовки специалистов слежения за приборами, летчиков, космонавтов и т.д.

Методика заимствована из психологии труда, но имеет большое применение в области патологии. Данная методика может быть использована для исследования психического темпа, точнее для выявления скорости ориентировочно – поисковых движений зрения, для исследования объема внимания (к зрительным раздражителям), свойств распределения и переключения внимания. Методика может быть использована для обследования и детей, и взрослых. Единственное ограничение к проведению методики – знание ребенком цифр и умение считать в пределах нескольких десятков.

В компьютерной реализации «Таблицы Шульте» представляют собой набор цифр (от 1 до 25), расположенных в случайном порядке в клетках. Испытуемый должен показать и назвать в заданной последовательности (как правило, возрастающей от единицы до двадцати пяти) все цифры. Предлагается подряд пять неидентичных таблиц Шульте, в которых цифры расположены в различном порядке.

Регистрируются следующие показатели:

- превышение нормативного (40–50 секунд) времени, затраченного на указывание и называние ряда цифр в таблицах;
- динамика временных показателей в процессе обследования по всем пяти таблицам.
- Переключение внимания – намеренный перенос внимания с одного объекта на другой.

Рекомендации к проведению обследования

Для того чтобы определить устойчивые свойства внимания, необходимо исключить влияние текущего состояния на результаты обследования. Результаты обследования свойств внимания могут исказиться в тех случаях, когда на момент обследования человек находится в нетипичном для него состоянии, например в состоянии утомления, болезни, чрезмерного бодрствования («перевозбуждения») и т.п. Внешние признаки нетипичного состояния могут быть как явными, так и скрытыми. Из-за скрытого характера некоторых внешних признаков функционального состояния не всегда легко определить по внешнему виду и по самоотчету обследуемого, находится ли он в типичном или нетипичном для себя состоянии. Поэтому для получения достоверной информации о свойствах внимания желательно провести несколько обследований по данной методике в различные дни и в различное время суток. Схожие между собой результаты большинства проведенных обследований будут отражать реальные свойства внимания данного человека.

Распределение внимания. Распределение внимания – это способность человека рассредоточить внимание между двумя или несколькими разнородными объектами, одновременно находящимися во внимании.

Переключаемость внимания. Переключаемость внимания – это способность человека быстро выключаться из активного восприятия одного объекта и включаться в активное восприятие другого.

Объем внимания. Объем как свойство внимания рассматривается, как правило, как число объектов, которые человек одновремен-

но может удерживать в центре внимания с одинаково высокой степенью ясности. Однако числовые значения показателя «объем внимания», вычисляемые программой по итогам обследования по данной методике, не отражают такое число объектов, а связаны со временем прохождения первой и второй пробы. Чем выше объем внимания обследуемого, тем больше объектов (в данном случае – чисел) он удерживает в центре внимания и тем быстрее справляется с заданиями.

Количество ошибок. Многие обследования по данной методике проходят с ошибками. Ошибками считаются пропуск, повтор числа и т.п.

Количество ошибок свидетельствует об устойчивости внимания обследуемого. При высокой устойчивости внимания обследуемый удерживает внимание требуемой концентрации в течение всего обследования и, соответственно, не совершает ошибок при прохождении методики либо совершает лишь небольшое число ошибок. При низкой устойчивости внимания концентрация внимания диагностируемого в течение обследования снижается вследствие утомления и в результате он начинает допускать ошибки.

Таким образом, малое количество или отсутствие ошибок свидетельствуют о высокой устойчивости внимания обследуемого; средние показатели количества ошибок – о среднем уровне устойчивости внимания; большое количество ошибок говорит о низкой устойчивости внимания обследуемого.

Концентрация внимания до похода была равна $32,9 \pm 10,5$ секунд, что не превышало нормативного времени (40–50 секунд), внимание было устойчивое, концентрировалось достаточно. По балльной шкале оценивалось в 4 балла (31–35 секунд). Сразу после похода концентрация внимания улучшалась до $31,15 \pm 8,5$ секунд, что также оценивалось в 4 балла. На следующий день после похода концентрация внимания становилась $27,0 \pm 6,8$ секунд, это свидетельствовало об улучшении концентрации, внимание было устойчивое. По балльной шкале оценивалась в 5 баллов (30 и меньше секунд). Внимание также концентрировалось лучше, чем до похода (рис. 6).

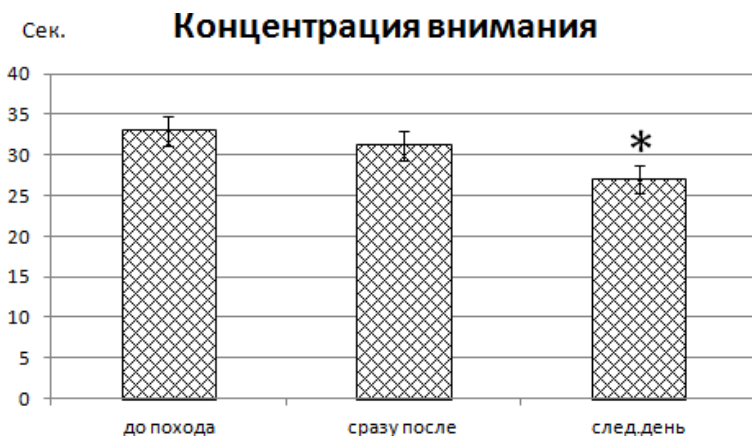

Рис. 6. Показатели концентрации внимания участников похода.
 * Статистически значимые различия показателей по сравнению с фоновой величиной

Таким образом, в ходе исследования психоэмоционального состояния участников по методике САН было выявлено, что показатели самочувствия сразу после похода повышались и становились выше нормы. Активность становилась выше предела средних величин, а настроение повышалось и становилось выше нормы.

По шкале ситуативной и личностной тревожности видно, что после похода ситуативная и личностная тревожность снижалась.

По методике оценки внимания «Таблицы Шульце» в ходе исследования выявлено, что внимание концентрировалось достаточно, сразу после похода концентрация внимания улучшалась и была устойчивой.

По результатам всех трех психотестов можно сделать заключение о том, что поход выходного дня благоприятно влияет на самочувствие, активность и настроение. В ходе похода снижается тревожность, хорошо концентрируется внимание.

Влияние походов на самочувствие

Оздоровительная ценность пеших туристических походов выходного дня определяется прежде всего сочетанием физических упражнений с пребыванием в естественных условиях. Пребывание на свежем воздухе в окружении красивых природных ландшафтов, активная мышечная деятельность эффективно стимулирует восстановительные процессы в организме, повышает настроение, способствует приливу бодрости и сил (Пасечный, 1980).

Обыкновенная ходьба положительно влияет на психологическое состояние человека, она позволяет расслабиться эмоционально, под иным углом взглянуть на окружающую действительность, многое переоценить, возможно, найти новые, нестандартные решения существующих проблем и задач. Пешая ходьба – это своего рода медитация, отдых от насущных проблем, фокусирование на других жизненных аспектах, отличных от повседневных (Рубис, 1995).

На рубеже тысячелетий взоры исследователей снова обратились к истокам – к природным факторам. Люди на протяжении нескольких столетий использовали природные ресурсы в лечебных целях. Современные лекарственные средства имеют множество побочных действий, сложно взаимодействуют друг с другом, и их использование часто подвергается сомнению. Природные лечебные факторы являются безопасными, мягкими по воздействию и доступными. В сочетании с небольшими по величине физическими нагрузками они оказывают многостороннее положительное действие на организм человека и могут служить средством быстрого улучшения самочувствия.

Таким образом, напряжённый труд, особенно умственный и творческий, желательно чередовать с простыми универсальными и эффективными методами моторной природы. Ближний туризм выходного дня благоприятно влияет на основные психические функции, волевые качества личности и ее жизненный тонус, ответственный за эффективную самореализацию.

Литература

- Булашев А.Я. Спортивный туризм : учебник. Харьков : ХГАФК, 2004. 388 с.
- Варламов В.Г. Физическая подготовка туристов-пешеходников. М. : Турист, 1979. 135 с.
- Гланц С. Медико-биологическая статистика : пер. с англ. М. : Практика, 1999. 459 с.
- Драгачев С.П. Туризм и здоровье. М. : Знание, 1984. 96 с.
- Евсеев Ю.Й. Туризм как одно из средств рекреации студентов // Развитие самодеятельного туризма как фактора организации свободного времени населения : тез. докл. М., 1988. С. 170–173.
- Жигарев О.Л. Влияние спортивно-оздоровительного туризма на морфо-функциональные и психофизиологические показатели организма студентов : дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2002. 190 с.
- Исследование тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханина) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 124–126.
- Кржжев В.Д., Павлова ОД. Исследование эффективности методов естественного оздоровления человека // Теория и практика физической культуры. 1994. № 5. С. 15–18.
- Мотылянская Р.Е., Каплан Э.Я., Велитченко В.К., Артамонов В.Н. Двигательная активность – важное условие здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. 1990. № 1. С. 14–22.
- Никишин Л.Ф., Коструб А.А. Туризм и здоровье. К. : Здоровья, 1991. 223 с.
- Пасечный П.С. Основы организации и управления самодеятельным туризмом. М. : Турист, 1980. 158 с.
- Рубис Л.Г. Физическая рекреация молодежи средствами самодеятельного туризма : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1995. 24 с.
- Трегуб А.И., Перегоедов В.Е., Полуянова И.С. Поход выходного дня как способ рекреации // Теория и практика физической культуры. 2011. № 6. С. 57–58.
- Халайджи С.В. К вопросу развития самодеятельного туризма в вузах Украины // Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Орел : Госуниверситет – УНПК, 2011. С. 451–456.
- Atchley R.A., Strayer D.L., Atchley P. Creativity in the wild: improving creative reasoning through immersion in natural settings // PLoS One. 2012. Vol. 7, № 12. P. e51474.

- Greie S., Humpeler E., Gunga H.C., Koralewski E., Klingler A., Mittermayr M., Fries D., Lechleitner M., Hoertnagl H., Hoffmann G., Strauss-Blasche G., Schobersberger W. Improvement of metabolic syndrome markers through altitude specific hiking vacations // *J. Endocrinol Invest.* 2006 Jun. Vol. 29, № 6. P. 497–504.
- Neumayr G., Fries D., Mittermayer M., Humpeler E., Klingler A., Schobersberger W., Spiesberger R., Pokan R., Schmid P., Berent R. Effects of hiking at moderate and low altitude on cardiovascular parameters in male patients with metabolic syndrome: Austrian Moderate Altitude Study // *Wilderness Environ Med.* 2014. Vol. 25, № 3. P. 329–334.
- Psychology's Marc Berman wins UChicago App Challenge for ReTUNE, will improve daily pedestrian experience. Social sciences. URL: <https://social-sciences.uchicago.edu/announcement/psychologys-marc-berman-wins-uchicago-app-challenge-retune-will-improve-daily>

Заключение

В предисловии предлагалось обратить внимание на новые перспективные ракурсы многогранного универсума становления личности в настоящую эпоху перемен. И хотя авторский коллектив смог по естественным причинам артикулировать лишь некоторые измерения многомерного мира человека, они оказываются весьма актуальными для перспектив разработки эффективных проектов совершенствования и поддержки стратегических направлений становления личности.

Проектный смысл первой части монографии позволяет формировать экспериментальные исследовательские площадки реальных коммуникативных миров и всевозможные комбинации их различных созвездий. В них будут формироваться специальными координаторами и посредниками затребованные качества творческой и поддерживающей коммуникации. При этом их социосемантические поля будут иметь также наиболее актуальную и специфическую направленность, которая требуется определённым организациям и сообществам – научным, образовательным, производственным, рекреативным, сервисным и т.п.

Здесь найдут свое активное применение, активную рефлексию и совершенствование все рассмотренные в монографии важные качества становления личности в наиболее существенных модельных ситуациях и контекстах – от актуализации креативного лидерства до идентификации и аутентификации психологических практик, содействующих достижению личности ее аутентичности.

Креативный проект превентивной профилактической и реабилитационной поддерживающей работы с многогранными проблемами здоровья и безопасности человека, отягощенной его психологическими особенностями и ограничениями, особенно труден в быстро меняющемся мире с новыми вызовами, опасностями и трудностями. Это направление особенно актуально, если учесть желательность супервизии всех видов работ не только профессио-

налами, но и трансфессионалами – эрудированными специалистами смежных профессий.

Однако теоретически (утопически) это могло бы быть многомерное транскоммунитивное пространство созвездий коммуникативных миров различной профессиональной и трансфессиональной направленности. Но если включить у человека «активное воображение», то можно осмелиться это сделать на базе основных научно-практических направлений, предложенных в последней главе первой части монографии. До встречи на дискуссионных образовательных и творческих экспериментально-исследовательских площадках!

Э.В. Галажинский, В.И. Кабрин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бохан Татьяна Геннадьевна

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: btg960@mail.ru

Брель Елена Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: brelelena@mail.ru

Власова Дина Евгеньевна

Аспирант, ассистент кафедры клинической и генетической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: dina-z91@mail.ru

Галажинский Эдуард Владимирович

Доктор психологических наук, профессор, ректор Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: rector@tsu.ru

Галажинская Оксана Николаевна

Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математической физики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: oxanagala@yandex.ru

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической и генетической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, ведущий научный сотрудник отделения эндогенных расстройств ФГБУ «НИИ психического здоровья» СО РАМН.

E-mail: gutkevich.elena@rambler.ru

Дьякова Елена Юрьевна

Доктор медицинских наук, профессор кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: adyakova@yandex.ru

Кабрин Валерий Иванович

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Национального исследовательского Томского государственного университета, научный руководитель лаборатории психологических практик.

E-mail: kabrin@list.ru

Козлова Наталья Викторовна

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической и генетической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: akme_2003@mail.ru

Логинова Ирина Олеговна

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом ПО, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

E-mail: loginova70_70@mail.ru

Лукьянов Олег Валерьевич

Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Мещерякова Эмма Ивановна

Доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и генетической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: mei22@mail.ru

Стоянова Ирина Яковлевна

Доктор психологических наук, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования Национального исследовательского Томского государственного университета, старший научный сотрудник ФГБУ «НИИПЗ» СО РАМН.

E-mail: ithka1948@mail.ru

Танабасова Урсула Владимировна

Лаборант лаборатории когнитивных исследований и психогенетики Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: u.tanabasova@mail.ru

Языкков Константин Геннадьевич

Доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и генетической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: yazk@mail.ru

Научное издание

БОХАН Татьяна Геннадьевна, БРЕЛЬ Елена Юрьевна, ВЛАСОВА Дина Евгеньевна,
ГАЛАЖИНСКИЙ Эдуард Владимирович, ГАЛАЖИНСКАЯ Оксана Николаевна,
ГУТКЕВИЧ Елена Владимировна, ДЬЯКОВА Елена Юрьевна,
КАБРИН Валерий Иванович, КОЗЛОВА Наталья Викторовна,
ЛОГИНОВА Ирина Олеговна, ЛУКЬЯНОВ Олег Валерьевич,
МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна, СТОЯНОВА Ирина Яковлевна,
ТАНАБАСОВА Урсула Владимировна, ЯЗЫКОВ Константин Геннадьевич

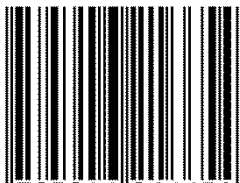
**НОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ
СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 21.12.2017 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 16,4.
Тираж 250 экз. Заказ № 2900.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-665-4

9 785946 216654